

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

СВЕРДЛГИЗ
1935

СВЕРДЛГИЗ К О Г И З

Продолжается прием подписки на журнал художественной литературы, критики и публицистики „ШТУРМ“

Подписная цена: на 12 месяцев 24 руб.
" 6 " 12 "
" 3 " 6 "

Подписка принимается всеми магазинами, отделениями и уполномоченными Когиза, а также и всюду на почте. Прием подписки может быть со второго номера.

Продолжается прием подписки на журнал занимательной истории, географии и краеведения

„УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ“

Подписка принимается всеми магазинами, отделениями и уполномоченными Книгоцентра, а также всюду на почте.

Подписная цена: на 12 месяцев — 18 руб.
" 6 " — 9 "
" 3 " — 4 руб. 50 к.

Подписка принимается с третьего номера.

В ВИДУ ОГРАНИЧЕНИЯ ТИРАЖЕЙ ЖУРНАЛОВ СПЕШИТЕ ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ В МАГАЗИНАХ КНИГОЦЕНТРА, А ТАКЖЕ И ИХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ.

СВОЕВРЕМЕННОСТЬ, ДОЛГОСРОЧНОСТЬ ПОДПИСКИ ГАРАНТИРУЕТ СВОЕВРЕМЕННУЮ ДОСТАВКУ ЖУРНАЛОВ.

СЕКТОР ПОДПИСНЫХ И ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ СВЕРДЛКОГИЗА

г. Свердловск, ул. Малышева, 29.

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
ЗАНИМАТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ, ГЕОГРАФИИ И КРАЕВЕДЕНИЯ

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОГО
СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Цветок папоротника. Рассказ ЮРИЯ БЕССОНОВА.— Уральские рудознатцы. Повесть А. БАРМИНА. (Окончание).— Были горы Высокой. Избранные рассказы.— Люди, ворочающие горы. (Взрыв горы Караульной). Очерк Ю. РЮМИНА.— Универсальный экипаж тундры. Очерк ИВ. ПАНОВА.— Памятники. (Колхозная быль). С. КОРОЛЬКОВА.— Лесная загадка. Очерк В. ГРЕНКЕР.— Уральский бумеранг. Очерк В. ВИНИЦКОГО.— Бывают ли землетрясения на Урале. Очерк С. БАХТИГАРЕЕВА.— Какой это курорт. Викторина А. МЕРЗЛЯКОВА.— "Человек с луны". Викторина В. ШТАРК.— Вгрозь к северному полюсу. Викторина В. ШТАРК.— Чем Урал всего богаче? Ответ на вопрос поставленный читателями в № 2.— Образовательное путешествие по Уралу. Объяснение задачи № 1 помещенной в № 3.

19 35

СВЕРДЛОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
СВЕРДЛОВСК

Обложка художника А. Жукова

*

Техн. редактор Г. А. Иванов
Корректор О. Д. Березина

*

Свердлагиз

*

Сдано в производство 26/V 1935 г.
Подписано к печати 20/VI 1935 г.
Уполномочен. Свердловлита В-2062.
Огиз № 1233. Индекс V—П. Бум.
Троицкой ф-ки. Форм. бум. $72 \times 110\frac{1}{2}$.
Бум. л $2\frac{1}{4}$. Печатных л. $4\frac{1}{2}$. Печати.
знаков в бум. л. 150000. Учетно-автор.
л. 7,58. Тираж 10000 экз. Заказ № 456.

*

Отпечатано в типографии треста „Поли-
графкинига“, г. Свердловск, Банковский
пер., № 3.

ЦВЕТОК ПАПОРОТНИКА

Рисунки В. ГОЛИЦЫНА

Рассказ ЮРИЯ БЕССОНОВА

От редакции

Фольклор — устное поэтическое творчество широких народных масс — на протяжении многих столетий было неиссякаемым источником художественных образов и ритмов.

Тщательное изучение особенностей художественной формы, языка и содержания фольклора всегда не обходят и творчески обогащало и освещало каждого, кто принадлежал к этому источнику.

«Начало искренности слова — в фольклоре», — сказал Максим Горький на всесоюзном съезде писателей. — «Собирайте ваш фольклор, учитесь на нем, обращайтесь к нему. Он очень много

даст материала и вам и нам: поэтам и прозаикам Союза».

Мало изучено фольклорное богатство Урала. Здесь еще скрываются совершенно нетронутыми огромные пласты фольклора, никем не вскрытые и не защищенные от забвения.

Собирание, систематизация, изучение фольклорного материала и опубликование его — дело большой культурной важности.

Пора местным краеведческим, литературным и учительским силам Урала приступить к систематическому собиранию и точной фонетической записи всех жанров устного народного творчества, сопровождая их подробными указаниями — где, от кого и как слышал.

Особенно это касается комсомольцев, которые могут собирать фольклор во время туристских экспедиций и молодежных походов.

Наш журнал не предназначен, конечно, для опубликования фольклорного материала в непосредственных записях, но охотно пользуется им как вставками в тот или иной сюжетный рассказ или художественный очерк.

Примером этого метода использования фольклора «Уральским следопытом» служат рассказ «Счастливая земля» Анатолия Климова, напечатанный в № 3, где вкраплена хантыйская сказка «Мишонок», и печатаемый в этом номере рассказ Юрия Бессонова «Цветок папоротника».

Ю. Бессонов, автор рассказа «Цветок папоротника» и книги «Рабочие Верхисетского завода в гражданской войне 1918 г.», за которую он премирован заводом. Тов. Бессонов является инициатором издания журнала «Уральский следопыт» в Свердловске.

«Собирайте ваш фольклор, учитесь на нем, обращайтесь к нему. Он очень много

На ночевку отряд расположился в лесу. Лошадей не стреножили, не отпускали в поле гулять вольно, а привязали к деревьям.

Фронт был близко. Партизан и белых разделял только десятиверстный лес. Старый и залушенный, он лежал широ-

кой полосой, разрезая падь на две почти равные части.

В стороне, за лесом вздымались мрачные крутоскатые горы, и небо над ними было темное, низкое, казалось загроможенное грозвыми тучами. К реке, над падью, небо светлело и к ней тя-

нулись острые языки палов, в этот год боев и разрушения особенно обильных. Огонь карабкался по кручам и даже на вершинах поднимал красные петушинные гребни.

Осень была сухая. Трава, оставшись в лугах, пересохла (покою помешали бои) и как порох воспламенялась от падающих снарядов, посылаемых белым бронепоездом по непокорным уральским селеньям.

В эту ночь было спокойно. Изредка только на черном небе в стороне белых вспыхивали розовые полосы и вслед за ними за лесом глухо лопались снаряды.

Партизаны задали лошадям корм и, разложив под прикрытием деревьев небольшие костры, принялись за варку ужины. Навесив над костром котелки с молодым картофелем и поставив в ведре греть чай, уставшие люди уселись у костра, поджали под себя по-монгольски ноги и закурили трубки. Курили молча, вдумчиво, сосредоточенно.

Были в этом конном партизанском отряде все больше казаки, бежавшие из колчаковских войск и от колчаковской мобилизации. Здесь была казачья беднота. Она сразу же перешла на сторону революции и создала самостоятельные партизанские части, которые действовали вместе с частями крестьянской бедноты и рабочих против белых.

Отряд был сборный. Были здесь казаки забайкальцы, уральцы, оренбуржцы и сибиряки. Всех их объединяла общая цель: очистить Урал и Сибирь от колчаковцев.

В лесу закашлялся конь.

Один из партизан, рыжебородый забайкалец, усмехнулся в прокуренные усы и, подтолкнув локтем соседа-земляка, сказал:

— Твой конь кашляет. Ты бы, паря, ему лопотину какую теплу предоставил. Ишь ведь как перхает. Видно, мерзнет. Забайкалец повернул голову, прислушался.

— Верно перхает, ну ни дать, ни взять — гуран¹, — сказал он, — впервой такую скотину вижу...

— Гуран так не перхает, — возразил рыжебородый. — Гуран перхает, будто смеется.

Казаки разговорились. Вспоминали про охоту на гурана, про повадки и норы

этого животного. Потом кто-то из любителей сказок попросил у рыжего забайкальца с лицом, изъеденным глубокими морщинами, рассказать сказку "об отчаянном гуране и атамане". Остальные поддержали:

— Вали, паря Егор, веселей будет. Ночь-то долга.

Егор не заставил себя долго ждать, — сам, видимо, любил эту сказку. Он не спеша набил "самосадкой" огромную самодельную трубку, плотно умял табак большим рыжим пальцем и, закупив, начал сказ.

* * *

Жил в одной станице казак, а звали его Митрофан Егорыч. Жил он справно. Дом круглый, железом крытый, под окном петухи повьезаны, занавеси — китайский шелк. Трех батраков держал, лавку имел. Дочь за прилавком торгует — денежки получает. Сын за батраками приглядывает — сторожится. Жил богато. Что ни день — новые рубли в кассу на процент кладет. Известно, трое на одного роят, он и богатеет — копит рубли.

Сам круглый, сытый. Баба круглая. Дочь до того гладка — не защипнешь. Щеки да шею бараньим салом мазала, чтоб не лопнула кожа-то.

Кто-то из слушателей удивленно спросил:

— Ишь-ты! Не держала, значит, кожа?

— Не держала, — согласился рассказчик и продолжал. — А чо ей, девке-то: в лавке посидит, в обед полбарана ухнет — и на бок. У богатых девок известно дум мало, а робить ее родители не принуждал, — но, и жирела...

Наживал Митрофан Егорыч богатство. Люди за него землю пахали, скот доглядывали, а сам он у окна сидел, в улку смотрел. Ладно! А известно, кол у человека кругом полно, ему и скуко, ему власть дай да почет.

Затосковал Митрофан Егорыч, задумал в станичные атаманы выйти.

Но ладно! Тому казаку чару поднесет, той челяди (детворе) гостинцев отсыплет, тому лопотину (одежду) какую стару пожертвует, кому взаимы даст, а сам говорит: „Был бы я у вас станичным атаманом, все бы в порядке произвел, все бы безбедственно жил. Выбравите меня в атаманы“.

Слушали, слушали казаки, да и выбрали его атаманом. Уговорил. Но ладно!

¹ Гуран — по-зabayкальски — дикий козел.

Загордился, вовсе застрожился Митрофан Егорыч. Придет к нему казак, а он на конапель (диван) сядет, ноги расшеперит — ляшки-то у его толстые, жиру по полпуду на каждой, ему сдвинуть-то невмоготу — и но орать, но стырить (спорить), но куражиться.

— Мольчи, — орет, — с атаманом говоришь, гуран!

Казаков-то он все больше гураном звал, наипаче победней кто. Гуран да гуран.

Но ладно! Придет к нему казак ни с чем и уйдет ни с чем.

— Но и зараза, чистый зверь! — перебил рассказчика один из слушателей. — Чо ж казаки мольчали?

— Известно — богатый. У него везде рука: в городе рука, в войсковом управлении рука, но, и мольчали до своего срока...

Рассказчик раскурнул погасшую было трубку, помолчал, разжигая любопытство слушателей, и продолжал:

— Любил Митрофан Егорыч, станичный атаман, на охоту ходить — гурана на солонцах караулить.

Сладили ему батраки на сосне шалаш, лесенку сколотили. Придет он в паузину, в шалаш заберется, сидит покуривает. Чо ему. Известно, дома и без его все сладят, жди себе гурана — охоться.

Но ладно! Дивно (много) он этих гуранов перебил — и забава ему и доход.

Но вот раз какое с им приключилось. Пошел он на охоту. В те поры засуха была, хлеба поприсушило — неурожай. Бедный ревмя ревет, есть нечего, продать нечего, а атаману хоть бы чо. У него в амбарушках на пять лет загодя (вперед) хлеба заготовлено.

Идет себе по тунигусу (пологий подъем в гору), песню играет, по сторонам зарится.

До солонцов дошел, смотрит — ветер с сиверу. Но, значит, гуран не учует.

„Еще одного гурана стрелю“, — думает. Рад, весел стал. Полез на сосну в шалаш, пишаль (ружье) на сучья приладил, адоли (как будто) на сошки. Ждет, на солонцы глядит, караулит гурана...

Луна всплыла. Но светло, паря, ровно днем стало — все видать.

Ждет атаман гурана. Гуран не идет. Погодя чует атаман — гуран закашлял, заперхал.

Глядит атаман — будто к сиверу копыт (пыль) подымается. Пыль зачала, ровно ветер подул. Глядит зорче. Идет гуран с сиверу на солнцепек (солнеч-

ная сторона — юг) матерущий, дородный. Бородища из-под копыт землю метет. Известно, гуран бороды не чешет, не бреет, не стрижет, а волос — он дурак: где и не надо растет. Одно слово, огромная борода, того и глядя копытом ее заступит.

Но, притаился атаман — ждет. Скрадывает гурана. А гуран будто и не чует, перхает себе, кашляет, на луну глядит: шурится. Подошел к солонку, к самому атамановому шалашу на дереве — и ну соль лизать, копытом землю роет, бородой метет.

Приладился атаман — стрелил, а гуран стоит себе, да соль лижет, будто и не учуял выстрела.

„Но и гуран отчаянный пошел“, — подумал атаман, да новую пулю в ствол и загалл. Прицелился вдругорядь, мушку на самый на гураный лоб наладил. Стрелил. Стоит гуран, не шелохнется, соль лижет, только будто одним глазом на атамана глянул.

Испужался атаман, думает:

„Чо за притча така: не берет пуля гурана“, — и давай палить без разбору в белый свет, как в копеечку, аж по лесу стукоток пошел. Птах перепужал всех, свист подняли они, шум. Стоит гуран, но ровно пенек, ровно в землю врос.

Наладил атаман последний патрон во ствол. Руки, ноги ходуном ходят от страха.

Но горе, паря, — стоит гуран, не бежит прочь...

Задрожал атаман, аж шалаш заколыхался. Богородицу на помощь зовет, молится.

Но, паря, дрожит атаманова рука, не слушается. Не попал атаман, не помогла богородица, не взяла гурана и последняя пуля атаманова. Постоял гуран, поперхал, да как на дыбки вспрынул, передними копытцами о дерево оперся, в очи ему глянул, да до того строго и сумрачно, что атаману дух захватило.

Потом как закашляет, да захайкает: — Не одолеть тебе, атаман, меня, — заблеял гуран. — Пуль-то у тебя больше нету...

У атамана сердце зашло, пишаль из рук выпала, сам с дерева сбрыкнулся.

Пал с дерева, вдарился шибок, но, тут брюхо у него с ватуги и допнуло. Известно, до отказа набито было.

Вот с той поры казаку и свобода.

* * *

Партизаны засмеялись, заговорили.

— Ододел, выходит, гуран атамана-то.

— Ишь-ты!

— Соврал, так соврал, (рассказал) паря. Но, и соврал хорошо!

В котелках закипела вода. Костры разгорались сильней. От реки поднимался туман, полз к прибрежным кустам, вис хлопьями на ветвях.

Похвалили казаки рассказчика за хорошую сказку и опять замолчали.

Потом молодой, еще безусый казак — уралец Алеша, занятый рассказом забайкальца, проговорил в раздумьи:

— Воля им была — богатым-то. Чо хотели, то и делали. Правильно говорят: „богатый и быка сумеет женить“.

Он покачал сокрушенно головой и, словно сам с собой разговаривая, сказал:

— Всю власть держали. Чо ни начальство — из богатых. Сын у него — хорунжий, племянник — сотник. Вся станица под ими ходила. Офицера! От них вся и горесть пошла.

Внезапно на темном небе, словно луч прожектора, возникла розовая полоса света и мгновенно погасла. Прогромыхал оружейный выстрел и вслед за ним упал звук разрыва, глу-

У атамана сердце зашлось, пища из рук выпала, сам с дерева сбрыкнулся

хо и мягко, как будто кто-то в лесу ударил в бубен.

Алеша вздрогнул, повернулся в сторону выстрела и промолвил:

— Будто молонья! Ишь ты, пугает. Знать не хочет власть-то отдавать.— Он подвинулся ближе к костру, протянул над огнем озябшие руки:

— А я вот слыхал у нас в станице добрую сказку. Старики сказывали, как офицер у казака счастье отнял...

— А ну, Алеша, соври,— сказал казак, сидящий рядом с ним,— сказка да присказка— и полночи долой.

— Не мастер я...— ответил сконфуженно Алеша,— да и запаматовал.

— Чо помнишь, то и скажи,— просили его. Всем захотелось узнать, как уральский казак потерял счастье.

Отговориться Алеше не удалось. Товарищи были настойчивы.

Отодвинувшись от костра, жар которого палил ему лицо, он начал свой сказ голосом тихим и неуверенным.

* * *

Жил в глухой станице казак Иван— бедный, да храбрый, да старательный. Каков на гумне— таков и на войне. Но беда: чо ни делает— все не ко двору. Отец ему саманушку (избенка, крытая соломой) одну оставил, ну в самый раз корове телиться, а большеничего. А известно, раз начать не с чего, то и нажить нечего.

Жил этот казак бедно. Робил, робил, а фарту все нет. Жисть— хоть в гроб ложись. Одежка-то— дыра на дыре, в избе— стены голые, еда— хлеб да вода. Полгода у богатых займывает, полгода отработывает. А богатый, известно, спуску не дает. Взял у него пуд— отдай два. К другому пойдешь— тоже запрашивает. Будто сговорились. Известно, собака собаку не ест.

Маялся, маялся казак и задумал счастье найти навечно.

Дождь казак Ивана Купала дня, когда папоротник-то цвет распускает,— решил счастья добыть.

Слышал он, что кто цвет папоротника из лесу вынесет, будет тому счастье навечно— вечный фарт. Только цвет этот найти трудно, а домой принести и того труднее.

Нечистый его оберегает, пугает, с пути сбивает, спутывает.

Но казак храбрый был— в надежде на себя: „Не напугает меня окаянный“,—

думает,— „хоть сто образин пушай посылает, не сробею. Или грудь в крестах, или голова в кустах— пойду“.

Пришел в лес. Схоронился. Ждет полночи. Только в полночь цвет этот зацветает. Темно. Тихо. Страсть! Звезды не видно— до того темна ночь была.

В полночь расцвел цвет. Глядеть— глазам больно. Не цвет— огонь. До того баской (красивый), до того светлый,— гляди не наглядисься. Кругом весь сверкает.

Подбежал казак, схватил цвет, сорвал и в кулак зажал... Ровно горсть самоцветов уральских набрал,— рука заиграла.

Сердце у казака захватило. „Ну,— думает,— счастье навечно у меня теперь в руке“.

Пошел домой. Оглянулся назад— видит: рыло на него ползет, без рук, без ног— одно рыло. Шары (глаза)— с колеса, зубы торчком торчат, пасть громадная— прорва. Хоть с телегой въезжай. Шипит:

„Кинь цвет, кинь цвет! Не уйдешь с цветом. Кинь цвет!“

Казак крепче цвет в кулаке зажал, бежать пустился. А впереди овраг бездонный, а за ним уж змий ползет, жалом пугает, клубится. Из пасти огонь,— горячо, будто из печи.

„Кинь цвет, кинь цвет! Не уйдешь с цветом!“— шипит змий.

Бежит казак, не глядит на змия. Знает, что это нечистый объегорить его хочет.

„Ни за что цвет не выкину“,— думает,— „хоть пропаду“.

Бежит. За ним свист, гам, шум. Трава ноги заплетает, от деревьев ветки сухие, как старушечьи руки тянутся— имают за одежку. Страсть чо!

Потом будто кто сзади шукать (звать) зачал, голосом евонной бабы:

„Иван, вернись, пособи, Иван!“

Бежит казак. Другой бы со страсти-то помер, а этот думает:

„Вот, звыи-те нечистый, объегорить казака хочешь, здря однако!“— и бежит сквозь лес к покосу (лугу). Выбежал из лесу-то, глядит— покос, дале прясла, дорога знакома. Ну, пошел спокойно— поотстала нечистая сила-то. Светать зачало. Солновосход скоро. Отдышался казак. „Ододел“,— думает,— нечисту силу-то. Цвет домой принесу— счастье навечно“. Рад-радешенек.

Вышел из лесу на дорогу. Слышит— бубенцы заиграли. Обернулся— глядит

тележку рессорную пара коней катит. Кони справные, один другого добрей. На козлах кучер сидит, коней понуждает, присвистывает.

В тележке заболдерный (субалтерн — младший офицер). Мундер на ем фарсовый, погон золотой. Сидит, отваясь, важно. Папирёску курит, глядит исподлобья — дерзко. Будто не заболдерный офицер, а сам генерал.

Известно, чем начальник меньше, тем злее. Всегда так.

Порвнялся заболдерный офицер с храбрым казаком. Глянул на него строго, будто огневился. Ну, казак оробел, конечно. Пояс одернул, мундер оправил и руку под козырек. Разжал кулак, а цвет выпал, погас и рассыпался в прах. Вот-те и счастье! Пропало счастье казачье...

* * *

Со стороны белых грянул орудийный выстрел. Снаряд лопнул недалеко от костров. В деревьях забился, заступив чумбур, напуганный конь.

Один из казаков поднялся от костра и побежал на шум.

— Но, ребята, костры поаккуратней! — крикнул командир взвода, — заметит — спать не даст.

— Пушай посылает последние-то погуранам, — сказал с усмешкой первый рассказчик, — все равно скоро брюхо лопнет — не осилить ему нас...

Неожиданно из леса в светлый круг костра вошел человек. За ним на поводу, шурша валежником, тянулась лошадь.

Человек тронул, словно намереваясь снять, шапку и не спеша сказал:

— Хлеб да соль.

За всех ответил Егор. Он, не вставая, кивнул гостю и певуче проговорил:

— Милости просим к нашему шалашу чаевать с нами запросто.

Потом взял деревянную чашку, наполнил ее морковным чаем и подвинулся, давая гостю место у костра.

— Спасибо на добром слове, — ответил человек, но к костру не подошел. Он внимательно оглядел партизан и спросил:

Разжал казак кулак, а цвет папиротника выпал, погас и рассыпаясь в прах...

— Где, товарищи, командир-то ваш? У меня пакет ему есть.

Егор встал и пошел проводить приехавшего партизана к командиру отряда.

— Кончишь дело, приходи чаевать беспрерывно, — сказал он, выводя гостя на прогалину, где горели костры первого взвода и где был командир отряда. — Вон тот костер у сосенки.

Приезжий обещал притти, поблагодарил Егора и ушел.

Когда Егор вернулся к своему костру, товарищи встретили его вопросами:

— Ну чо?

— Зачем он приехал?

— Выступать будем, чо ли?

Егор пожал плечами:

— Разве он до время будет говорить.

Кто-то из партизан уверенно сказал:

— Это ведь Фомин, а коли Фомина прислали, значит дело будет. Вот погляди! Фомин зря не приедет.

Фомин состоял в соседнем партизанском отряде. Он слыл за человека спокойного и выдержанного. Даже в самые опасные моменты боя никто не видел Фомина взволнованным, и если существует бесстрашие, то про него можно было сказать, что он бесстрашен.

Молчаливый, на первый взгляд медлительный и нерасторопный, Фомин всегда и везде поспевал во время, точно выполнял все поручения, никогда не отказывался ни от какой работы и не ссылаясь на усталость.

О прежней жизни Фомина никто толком ничего не знал. Он не любил рассказывать о ней. Слышали, что был он рабочим железнодорожных мастерских, а когда белые заняли город, сразу же ушел в партизаны.

В отряде Фомин славился своею храбростью и справедливостью. Относились к нему с уважением и некоторой робостью, которую вызывают люди непреклонной воли, замкнутые и строгие.

Партизаны знали, что если командир соседнего отряда прислал Фомина, то, значит, дело важное. Просто для связи Фомина не пошлют.

Пока строили догадки, зачем приехал Фомин, тот разыскал командира и перedal ему пакет.

Командир разорвал конверт, вынул четвертушку исписанной карандашом бумаги и, наклонившись к огню, стал разбирать неровные строки письма соседа. Потом он поднялся и спросил:

— Ты, Фомин, и поведешь нас?

— Я и поведу.

— Дорога трудная?

Лесом верст шесть — трудно, дальше болото будет небольшое, а потом падью и на рыхлях можно итти.

— Успеем?

Фомин помолчал, очевидно, рассчитывая время, потом уверенно сказал:

— Успеем. Я дорогу хорошо приметил. Плутать не будем.

Командир отряда Петухов позвал к себе командиров взводов.

От костра к костру покатилося приказание:

— Командиры взводов к командиру отряда!

И после того, как у последнего костра замер голос дневального, пошел также от костра к костру ответ:

— Есть командиры взводов к командиру отряда!..

И почти одновременно с ответом подошли к костру Петухова командиры взводов.

Держа в руках только что полученное письмо, командир рассказал собравшимся, что соседний отряд просит помощи. Около двух рот белых заняли деревню Крутогорскую, которая находится в восемнадцати верстах от месторасположения отряда, за лесом. Нужно было ночным налетом выбить белых из деревни и продержаться в ней хотя бы до утра, пока не подойдут пехотные части. А они были уже посланы и находились в пути.

Крутогорская была важным пунктом. Через нее осуществлялась связь отрядов. В ней была продовольственная база.

Командиры взводов выслушали молча Петухова и подчитали силы.

Для такой операции отряд был мал. Его четыре взвода едва насчитывали с коноводами восемьдесят человек. Даже под прикрытием темноты ночи справиться с двухстами хорошо вооруженных противников было не легко.

Это прекрасно поняли командиры взводов, но никто и словом не обмолвился о трудности или невыполнимости задачи. И когда Петухов кончил говорить, старший командир взвода коротко спросил:

— Сейчас выступать будем? Можно сесть?

Петухов посмотрел на часы и так же коротко ответил:

— Можно.

Через минуту от костра к костру опять покатилося приказание:

— Кончай ужина-ать! Седла-ай!..

* * *

Фомин вернулся к костру рассказчиков легенд, когда еще приказания „сдаться“ не было.

Алеша сидел, задумчиво глядя на огонь и не заметил, как подошел Фомин. Тот безмолвно подошел к Егору и стал пить чай, отрезав ломоть ноздреватого крестьянского хлеба.

Партизаны сгорали от любопытства узнать причину приезда Фомина, но спросить его стеснялись и молча наблюдали, как пьет он чай, ожидая, когда заговорит сам.

Вдруг Алеша, не отрывая глаз от огня, сказал:

— Чудной этот Фомин. Чо за человек — не поймешь. Не верит он нам, чо ли. Ничего никогда не скажет. Ломай голову, думай...

Фомин отставил чашку и, улыбувшись, что с ним редко бывало, посмотрел на Алешу.

— Ну и что же ты придумал?

Алеша вздрогнул от неожиданного вопроса, поднял голову и, увидев Фомина, смутился. Краска залила его лицо. Он отодвинулся в тень, чтобы скрыть смущение, и невнятно пробормотал.

— Пока ничего не придумал...

Фомин, увидев раскрасневшееся лицо Алеша, казалось, смутился сам. Он сдвинул на затылок шапку, потер лоб и глубоко вздохнул, как человек, пробуждающийся от глубокого и тяжелого сна.

— До поры до времени и придумать ничего не надо, — сказал он сдавленным голосом, избобличающим волнение. — Время придет, все, что полагается, тебе расскажут.

Столь необычное волнение Фомина не могло укрыться от партизан. Но никто, конечно, не решился спросить его об этом.

Некоторое время сидели молча. Фомин пристально всматривался в лицо Алеша, словно любуясь его слегка горбатым носом, густыми, сросшимися бровями, крутым раздвоенным подбородком и выпуклым белым лбом. Казалось, он вспоминал что-то. Потом он опять вздохнул и спросил, обращаясь к Алеше:

— А ты, паренек, откуда будешь?

— Я-то? — Алеша справился со смущением. — Из-под Троицка, со станицы Сухтелинской. Казаки мы. А отцы-то наши из уральских...

— Казаки-и?.. — переспросил Фомин. — А фамилия-то твоя как?

— Горбатых. А чо?

— Нет, ничего, — сказал опять Фомин, — напомнил ты мне одного паренька больно...

Фомин замолчал и лег на траву, подставив под щеку свою широкую, жесткую ладонь.

За своего, видно, принял, за сродственника, — подумал Егор, — или сына вспомнил, ишь как сразу затосковал. И желая проверить свою догадку, все же обратился к Фомину с вопросом:

— А у тебя-то есть сыны?

— Был... один... — глухо ответил Фомин и, словно поперхнувшись, замолчал.

Егор еще хотел спросить у Фомина что-то, но не успел. У соседнего костра закричали.

— Кончай ужинать! Седла-ай!

Партизаны быстро поднялись и побежали к лесной прогалине седлать коней.

* * *

Лес был густ и темен. Кони шли гуськом по неровной, перерезанной корнями деревьев тропе. Фыркали, пугливо шаркались от коряг и пней, спотыкались об узловатые корни, выступавшие, как жилы, из-под земли и нависших ветвей.

Передние всадники то и дело в полголоса окликали едущих позади.

— Береги глаза!

И сейчас же шелестела согнутая ветвь и ее ловко подхватывал всадник, перебрасывая через голову и повторял следующему:

— Береги глаза!

Почти всю дорогу ехали шагом, но кони взмокли. Путь был труден.

Пахло сосной, пихтой, елью, влажным мохом и конским потом.

Вел отряд Фомин. За ним следом ехал разведчик Алеша. Фомин, при малейшей опасности, голсом ласковым, непохожим на фоминский сдержанный говор, предостерегал Алешу:

— Глаз береги, паренек, ветку пускаю, сейчас хлестнет...

— Держи повод влево, тут челадно, коня изувечишь.

От голоса Фомина Алеше становилось тепло и радостно, как от ласки. Он уже бранил себя, что так нехорошо сказал про Фомина у костра, и между ними, разделенными темнотой, протянулись нити теплой дружбы.

Лес кончился неожиданно. Копыта коней зачмокали по болотистой вязкой земле.

Фомин остановил отряд.

— Здесь в поводе провести лучше,— сказал он,— толко.

Партизаны спешились. С каждым шагом почва становилась все более и более вязкой. Ноги коней погружались в болотную грязь, кони не слушались коноводов, останавливались, пятились назад.

Партизаны шли молча, насупившись, в полголоса бранили непослушных коней.

Наконец почва стала тверже. Кони пошли добрее.

— В падь вышли,— сказал Фомин,— теперь осторожней надо. На их заставу можем наскочить. Вот на увал поднимаемся— тут и Крутогорскую днем видать...

Петухов распорядился выслать разведку.

Ехать вперед добровольно вызвался Алеша.

— Постарше бы кого, посмышленее послать лучше,— сказал осмотрительно Фомин, вновь ставшая строгим,— молодой больно парень-то.

Петухов заступился за Алешу.

— Он у нас двоих старых заменит. Ничего, раз хочет, пуская едет.— Он с улыбкой посмотрел на Алешу и добавил.— Это наш цветик, радость наша, он всегда в разведку ходит.

„Вот чудной“,— с обидой подумал про Фомина Алеша, выезжая вперед,— „и чо ему...“

В пади было светлее. Алеша ехал, прислушиваясь к каждому шороху, минутно останавливал коня и вглядывался вперед, напрягая зрение в надежде различить хоть ближайшие предметы.

Вдруг впереди вспыхнул и тотчас же погас огонек. Алеша скинул драгунку. Ему показалось, что огонек мелькнул совсем близко. Прислушался. Было тихо.

Подождав несколько минут, Алеша опять повесил на плечо драгунку и поехал дальше.

Неожиданно, совсем близко от него, зашевелилось что-то черное и большое, Алеша круто осадил коня, схватился за шашку, но сейчас же опустил руку. Он разглядел лошадь, она мирно щипала траву. Дальше ходили еще несколько лошадей.

Алеша понял, что это крестьянский табун.

„Видно, нас не ждут“,— подумал он и поехал смелее. Все кругом было спокойно и тихо. Слышалось лишь дыхание и пофыркивание пасущегося табуна. Потом залаяла собака и кто-то крикнул:

— Сюда подводы ставь!

Другой голос ответил:

— Слушаюсь, господин прапорщик. Голоса прозвучали, как показалось Алеше, совсем близко.

„Деревня Крутогорская“,— подумал он, затаив дыхание,— „это белые...“

Затарахтела телега. Залаяла опять собака. Гулко хлопнула дверь.

„Но почему ни в одной избе не горит свет?— соображал Алеша.— Неужели все спят? Может быть, занавесили окна? Где же у них охрана?..“

Пораженный тем, что ему удалось так близко подъехать к деревне, Алеша повернул коня и поехал назад, стараясь держаться прежнего пути.

Когда он проезжал мимо табуна, опять в стороне мелькнул огонек. Алеша обернулся и увидел фигуры двух солдат. Они прикуривали от одной спички. Один из солдат опирался на винтовку.

Алеша невольно пригнулся к седлу.

„Застава!“— мгновенно сообразил он,— „надо держаться ближе к табуну, иначе заметят, поднимут тревогу, тогда все пропало...“

Но солдаты не заметили Алешу: было темно, да и сами они, очевидно, не ожидая происшествий этой ночью, спокойно покуривали, не особенно внимательно глядя по сторонам.

Вместо погашенного пламени спички скоро засветились два уголька раскуривенных папирос.

Алеша успокоился и, свернув с дороги на траву, чтобы меньше стучали подковы, пустил коня рысью.

* * *

Вслушав донесение Алешу, Петухов решил разбить отряд на две части. Одна должна была обойти деревню с фланга и открыть по ней огонь из пулемета. Другая — в конном строю, после обстрела, атаковать белых вдоль главной улицы. Этой же части поручалось снять без выстрела белую заставу, чтобы освободить подход к деревне.

— Больше шуму поднимайте. Панику на них нужно навести. Нужно, чтобы не поняли они, что вас только тридцать человек,— сказал Петухов коман-

диру взвода, которому было поручено вести партизан в атаку.

— Да, мало нас,— ответил тот,— как ни реви, шибко не шумишь... Еще бы человек хоть десяток.

Услышав это, Алеша сейчас же вспомнил о табуне. Он подбежал к командиру взвода и сказал:

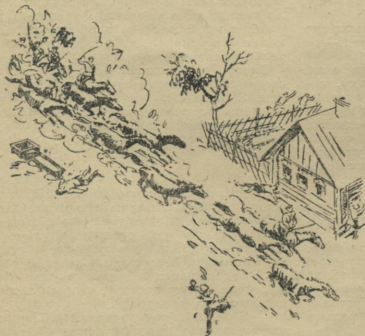
— Там, у деревни, табун лошадей пасется. Ежели его с собой в атаку повести, можно большого страху на белых нагнать. Шуму много будет... Вроде как полк в атаку идет. Ночью-то не видать, что всадников мало. А позади наш взвод...

Командиру понравилось предложение Алеши. Табун лошадей, прогнанный налетом (карьером) по деревенской улице ночью после обстрела, мог на самом деле навести на белых панику.

Так и решили сделать.

* * *

Охранение белых, состоявшее только из трех человек дозорных (белые не ожидали нападения) удалось снять легко. Пятеро партизан неслышно подползли к солдатам, и не успели те даже крикнуть, как после короткой борьбы были обезоружены.

Табун лошадей вынес партизан прямо на главную улицу села кучками в тыл белых.

В это же время Алеша с несколькими партизанами сбивали в кучу табун, готовя его к атаке.

Взвод выстроился позади табуна развернутым строем. Алеша с двумя партизанами выехал вперед, чтобы вести табун и не дать ему свернуть в сторону.

Все было готово к атаке. Ждал только условных выстрелов зашедшего во фланг деревни другой части партизан.

Алеша волновался. Казалось, что время тянется страшно медленно, что обязательно сейчас проснутся белые, поднимут тревогу, и атака не удастся.

„Скорей бы, скорее“,— думал Алеша, сдерживая тоже горячащегося коня.— „Чего они там канителются...“

Наконец, в стороне рассыпалась дробь пулеметов и, вторя ей, затрещала стройная ружейная стрельба.

Партизаны обстреливали деревню.

Теперь нужно было выждать пять-шесть минут, чтобы дать время белым выбежать из изб и тогда уже кидаться в атаку.

Стрельба оборвалась неожиданно и, приняв это за сигнал к атаке, командир взвода крикнул:

— Вперед! Марш-марш!

Алеша хлестнул нагайкой коня и загикал. Табун рванул за ним. Позади заулюлюкали партизаны. Земля вздрогнула от ударов конских копыт. Крик атакующих и топот табуна смешались в дикий гул.

Все мысли Алеши были сосредоточены на том, как не пасть в улицу деревни, и напороться в темноте на пресла огородов, не завести отря в тупик переулков.

Помогли табуны лошади. Они вынесли партизан прямо в главную улицу села.

Белые, разбуженные стрельбой, на самом деле приняв мчащийся табун за атакующих партизан. Убегая к огородам, солдаты отстреливались, если не понимая, куда и по кому. Эта беспорядочная стрельба наводила на них самих еще большую панику.

За селом, около поскопы, опять вспыхнул пулеметный огонь— это уже партизаны обстреливали бегущих кучками в тыл белых.

Алеша скакал вдоль улицы. Он увлекся и даже не заметил, что лошади из табуна рассеялись по переулкам, а гиканье партизан, мчавшихся позади табуна, стало значительно тише и доносилось уже откуда-то издалека.

Алеше было весело. Он понимал, что победа партизанам обеспечена, что затаея его с табуном удалась. Но задор молодого, еще неопытного воина гнал его все дальше и дальше.

„Проеду село,— думал Алеша,— первым доложу товарищу Петухову о победе. Пусть тогда кто скажет:— Молодой паренек...“

Начинало светать, но предрассветные сумерки оставались еще густы. Очертания предметов едва можно было различить.

Впереди улица казалась вымершей, а позади и где-то в стороне всныхивала и гасла ружейная стрельба.

Алеша скакал в конец села. Дальше, за поскотиной, шла полем широкая дорога и по ней двигались какие-то тени.

Алеша понял, что это белые. Они бежали группами вдоль дороги, пригибаясь к земле. Дорогу обстреливали партизаны под командой самого Петухова обошедшие деревню.

Дальше ехать было опасно и бессмысленно. Алеша понял, что он зарвался слишком далеко и повернул коня назад.

Вдруг прямо перед собой он увидел направленный на него ствол винтовки и грузную фигуру офицера.

Почти не соображая, Алеша взмахнул шапкой, но в тот же миг грянул выстрел. Он был ослепителен и громopodobен.

Клинок шапки со слабым звоном упал на землю. Алешу ударило в грудь. Он откинулся навзничь, увидел вдруг ставшие огромными щеку и погон офицера, потом беззвездное небо и упал на землю, слабея и содрогаясь.

* * *

Горнист трубил сбор. Со всех концов села съезжались на площадь партизаны. Привели пленных. Их было человек двадцать. Они были растеряны и подавлены. Многие из них просились в отряд к партизанам, обещали служить честно, говорили, что они мобилизованы и насильно отправлены на фронт.

Петухов приказал провести проверку партизан.

Отряд выстроился. Командиры взводов подсчитали потери. Было пятеро раненых, один убитый и один пропал без вести. Это был Алеша. Никто не знал, где он и что с ним.

Когда весть о том, что Алеша пропал без вести, дошла до Фомина, он померчал и, ни слова не говоря, отошел в сторону, стараясь спрятать свое лицо.

Петухов вызвал пятерых партизан и отправил их на розыски Алешы. Среди этих партизан был и Егор.

Он проехал вдоль всей главной улицы, потом вернулся назад, осмотрел переулки и, наконец, выехал к поскотине.

Алешы нигде не было.

Огорченный Егор повернул коня и решил ехать обратно к отряду в надежде, что другие, посланные с ним товарищи, оказались счастливее и уже нашли хотя бы раненого Алешу.

Всходило солнце. Где-то закричал петух, и все вдруг стало обычным и спокойным, как будто ничего и не случилось,— не было ни войны, ни убитых, ни раненых. Словно крик петуха пробудил людей от тревожного сна.

Егор потянулся, размятая кисти, и сразу почувствовал себя усталым и ослабевшим. Воспаленное лицо горело. Ноги затекали и болели.

Он опустил поводья, выбросил стремени и оперся о лук. Конь шел, низко опустив голову и на каждом шагу спотыкался. Он тоже устал и не мог одолеть дремоты.

Из домов выходили крестьяне, осторожно выглядывая в калитки, стараясь понять, чем кончился ночной бой, кто победил.

Босовогие ребятишки висели на заборах, тараща глаза на едущего по улице Егора.

Вдруг до Егора донесся слабый стон. Егор обернулся.

Около сырой канавы, густо поросшей сочной травой, сидел Фомин. Лицо его было запачкано грязью. Впадины глазниц — черны и глубоки. Крупные слезы катились из глаз, широко открытых и неподвижных. На коленях его покоилась голова мертвого Алешы.

Смерть не обезобразила лица паренька. Оно стало еще прекраснее. Первый солнечный луч освещал высокий гладкий лоб и длинные ресницы, тень от которых ложилась на бледные щеки. Синие густые брови, изогнутые крыльями

ласточки, оттеняли белизну алешиного девичьего лица.

Егор не решился окрикнуть Фомина. Потрясенный и растерянный, смотрел он на сурового партизана, которого никто в отряде не мог бы представить себе плачущим. Теперь этот человек беззвучно рыдал.

Егор вспомнил, с какой скорбью ответил Фомин на вопрос о сыне „был“ и понял, вернее почувствовал, что в смерти Алеши во второй раз переживает Фомин смерть своего сына.

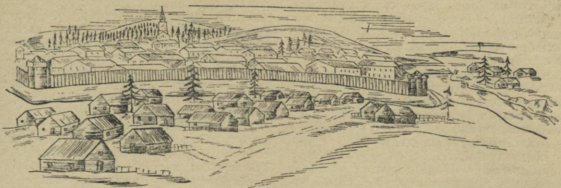
В селе партизаны закричали „ура“. Это они приветствовали передовые части красной пехоты, вступающей в Крутогорскую.

Егор снял шапку. Глядя на прекрасное лицо Алеши, он вспомнил о цветке папоротника — о счастье, отнятом офицером у казака, о многих своих обидах, тяжелым грузом лежащих на его плечах.

Потом он тронул нагайкой коня и поехал, унося с собой образ мертвого Алеши и возросшую ненависть к врагам.

УРАЛЬСКИЕ РУДОЗНАТЦЫ

Историческая повесть А. БАРИНА

Содержание повести, напечатанной в № 1 и 3 „Уральского следопыта“.

Егорушка Сунгуров жил в слобде Мельковке с матерью — солдатской вдовой Маремьяной — под самой стеной Екатеринбургской крепости. Он окончил казенную школу. Через два года, по требованию Демидова, как „письмоумеющий“ был отправлен на работу в Нижнетагильский завод. Не выдержав издевательств демидовского приказчика Кошкина, Егорушка убегает домой к матери. По дороге встречается с рудознатцем Дробининым, который оказывает ему помощь. Егорушка знакомится в доме Дробинина с женой его, сумасшедшей Елизаветой и ночью невольно подслушивает тайный разговор Дробинина с разбойником Юлой.

Возвратившись домой, Егорушка решает идти с повинной в Обербергамт (Горную канцелярию). Начальник Горной канцелярии Татищев, вместо наказания, назначает Егорушку Сунгурова в помощники к его же бывшему учителю Ярцову, который едет в Шайтанский завод Демидова в качестве шихтмейстера. Нового шихтмейстера на Шайтанском заводе встречают с почетом. Хозяевам завода — Демидовым, врагам Татищева, нужно „обуздать“ шихтмейстера. Мосолов, приказчик Демидовых, знает о побеге Егорушки с Тагильского завода, он хочет использовать его и предлагает Егорушке работать для пользы Демидовых. Егорушка скрывает это предложение от Ярцова.

Нерешительность Ярцова наруку демидовскому приказчику. Через несколько времени Ярцов вместе с Мосоловым едут на дальний, вновь закладываемый чугуноплавильный завод Демидовых на реку

Баранчу. Дорогой они встречают манси — Степана Чумпина, заезжает к нему в зимовье. Манси рассказывает им о найденной им „железной горе“ и показывает руду.

На приiske Мосолов оставляет Ярцова, говоря, что ему придется провести здесь еще несколько дней. В проводники он дает Ярцову манси, не говорящего по-русски. Дорогой Ярцов делает странную находку: недалеко от Тагила проводник поднял из травы берестовую коробочку с компасом Мосолова.

По дороге Ярцову творят всяческие препятствия, чтобы только задержать его. Добравшись, наконец, до Шайтанского завода, он собрался хорошо отдохнуть, но новости о „шипинишом бунте“, сообщенные ему Егорушкой, испортили ему отдых. Егорушка, увидевший руду Чумпина, выпавшую из сумки шихтмейстера, нашел ее очень хорошей. Неожиданно приезжает Хрушов, помощник Татищева. Увидев руду манси и узнав, что заявка на нее еще не сделана, Хрушов спешно посылает Ярцова в Екатеринбург заявить о находке месторождения.

Ярцов скачет в Контору горных дел и успевает сделать заявку на полчаса раньше Василия Демидова. Демидовы проиграли. Мосолову сильно достается. Он возвращается на завод, узнает по дороге о „шипинишом бунте“. Идет к бунтовщикам и при диквандии бунта захватывает Юлу. Егорушка все больше и больше заинтересовывается рудонекательством. Он ездит с штейгером на „железную гору“, найденную Чумпиным, обмывать ее. Приехав на ловышку к матери, он решает подать прошение в Контору горных дел о том, чтобы ему разрешили учиться рудонекательству.

15. Два рубля за целую гору

На месяц собирался лесничий Куроедов в горы, а проходил полтора.

Медленно двигались они с Чумпиным: надо было тщательно проверять направление по компасу, делать затесы на деревьях, измерять расстояния, много раз возвращаться в одно место, чтобы найти самый прямой, самый удобный путь. Когда-нибудь по их следам пройдет дорога, а по дороге потянутся груженные железом возы. Приходилось избегать слишком крутых подъемов и таких ни-

зин, через которые нельзя положить слани.

Не раз встречались они лицом к лицу со зверями, вброд и вплавь перебирались через извилистую Серебрянку, питались тем, что убивали стрелы охотника и длинноствольная фузея лесничего. Наконец, вывел его Чумпин на крутой берег Чусовой к паулу оседлых манси.

Для верности лесничий, отдохнув три дня, снова отправился тем же путем обратно. К концу августа пришли они на Баранчу.

— Я тобой доволен, — сказал лесничий Чумпину. — Надо рассчитаться. Вот тебе два рубля.

Высыпал кучку монет в протянутую руку охотника.

— Чего перебираешь? Ведь не умеешь считать!

Чумпин поднял голову. Губы его дрожали, в глазах блестели слезы.

— Мосса, ойка!..

— Мало? Куда тебе деньги?

— Ын, ойка! Еще!

Куроедов поворчал, но достал кошель, выбрал еще два полуполтинника с изображением двуглавого орла и цепи вокруг, добавил маленьких серебряных копеек.

— На. Больше не проси, я с собой в леса мешков с деньгами не таскаю.

Чумпин встряхнул в горсти свои деньги. Ой, мало, — только-только Чохрынь-ойке долг вернуть, а уж о покупке собаки и думать нечего. И это за все — и за железную гору, и за то, что к Чусве-реке ходил? „Больше не проси“, — сказал...

Чумпин ушел в лес, прижался к стволу ели, чтобы его никто не видел, и долго, всхлипывая, плакал.

Деньги отнесены и положены в серебряную чашу перед идолом. На обратном пути, уже пройдя священный кедровник, Чумпин снял лук и выстрелил в белку, — их много прыгало по ветвям и по земле.

Белка мягко шлепнулась наземь, а стрела отскочила в кусты рябины. Охотник подобрал зверька и стал искать стрелу. Русскому, наверно, никогда и не найти бы ее в густых зарослях, а манси прямо к ней пришел, отогнул ветки с тяжелыми кистями желто-красных ягод и взял стрелу.

Развел костерок. Из белки вырезал желудок, полный кедровых орехов, продел его на палочку и стал поджаривать, поворачивая над огнем.

Потом сидел, отдыхая. Печально глядел на недалекий кедровник, ни о чем как будто и не думал, а глаза отмечали все признаки конца лета, все охотничьи приметы.

Вот проплыла в воздухе длинная паутина. Вот желтый лист свалился с березы прямо на руку. Маленький зверек койсер, с пятью черными полосками вдоль спины, прыгал в траве, посвистывал, как птица. Другой такой же нес в раздутых щеках кедровые орехи к норке. Так, значит — на зиму запасает.

Вот высыпал их у норки: просушить на солнце, прежде чем убрать в кладовую. Третий койсер сушил около своей норки кучки брусники — у этого орехов, верно, уж полный запас. Если бы не так далеко от пауля, можно бы разрыть его нору — до полупуда в одной бывает самых отборных орехов. А зверек себе еще успеет набрать.

Много койсеров видно сразу. И белок много. Это предсказывает обильный соболиный промысел в начале зимы. Только бы зима наступила покругче и с ранними снегопадами. Нынче опять без собаки промышлять, трудно будет. Ту зиму искал белку по шелухе на снегу. В ясную погоду — на слух. Даже манил белок голосом: црк, црк! Ничего, откликались. Ну-ка, сейчас попробоваться.

Со всех сторон застрекотали белки. Одна высокими прыжками подлетела к самым ногам неподвижно сидящего охотника. Хи-хи, прыгайте себе! Еще у вас мех не серый, только на еду годится пока.

С треском и стоном прилетела хохлатая сойка. Ее охотник не любит. Лесная сплетница! Всех птиц передразнивает. Воровка тоже большая, птичьего гнезда зорит. Когда скрадываешь зверька подвернется сойка, — крик поднимет на весь лес, зверь уж неспокоен.

Но эта сама казалась встревоженной. Она прилипла к нижним ветвям деревьев, срывалась, сверкая голубыми зеркальцами крыльев, — вообще заметна была взволнована.

Ее беспокойство заразило и охотника. О ком предупреждает сойка? Не его же заметила?

А сойка пронзительно завершала улетела дальше, хлопая крыльями.

Вдали, там, откуда примчалась сойка, послышался гул. Он рос и приближался. Над деревьями пронеслось несколько птиц, очень похожих на сойку. Одна из них упала на верхушку кедровника, полклевала шишку и с криком помчалась обратно, опять выше деревьев.

Это ронжа. Притом ронжа-разведчица. Вот кто наугал сойку! Весь год ронжа лазает по деревьям, плохо и неохотно летают, вернее, перепархивают пониже. Но осенью — и то не всегда — собираются в стаи и перелетают на большие расстояния, от кедровника к кедровнику. В несколько часов стая очисщает от орехов самую богатую рощу.

Гул стал громче и ближе. Десятки ронж показались над лесом, суетливо

метались на круглых крыльях, каркали и верещали.

Чумпин встал, торопливо зашагал в сторону. Ему ронжи, конечно, ничего не могли сделать, но жутко бывает попасть в самую средину их стаи.

Не успел он пройти и двух сотен шагов, как показались летящие полчища ронж. От карканья, от хлопанья крыльев в воздухе стоял непрерывный шум.

Охотник остановился и, зажав уши, поднял голову вверх.

Небо потемнело, как перед грозой. Некоторые ронжи, самые слабые или самые голодные, сваливались на ветви одиноких кедров, но вся туча летела туда, к священному кедровнику.

Никогда не видел Чумпин такого нашествия — полчася, час стоял он, сначала в сумраке, а потом в полной темноте, а над ним шумели птичьи тучи.

И Чумпин поднял кулак, закричал птицам злобно:

— Вы, русские ронжи! Русские! Люлька-хум!

Но человеческий голос был не слышен во всем заглушающем гаме и свисте крыльев.

16. Заговор от боли

Ивашка Солдат учил Юлу заговору от боли.

— Повторяй за мной:

Небо лубяно
И земля лубяна...

Ослабевший, изломанный во всех суставах разбойник лежал на соломе и покорно повторял слова Ивашки.

— Дальше:

...Камень не слышит
Жесточи и пытки.

— Камень не слышит... — шевелились губы Юлы.

В пальцах Ивашка вертел восковой шарик. Говорил вполголоса — только для Юлы. Говорил как молитву.

— Еще раз:

Камень не слышит
Жесточи и пытки.
Мертвый не чувствует
Железа и боли...

Рядом кто-то перечислял, за что какие полагаются наказания.

— За первую татьбу бить кнутом, отрезать левое ухо и на год в тюрьму. За вторую татьбу бить кнутом же, отрезать правое ухо, четыре года тюрьмы. За первый разбой — правое ухо и три года тюрьмы...

Несколько колодников по утрам вывели просить милостыню.

Их сборами и питалась вся камора. От казны еды не полагалось, а милостыня велика ли? — только с голоду не помереть. Дергач отдавал Юле большую часть своего пайка. „Мне ништо, я скоро выйду. А ему казнь принимать, силы много надо“.

Кирша тоже ухаживал за разбойником, растирал ему суставы, поил водой, готов был хоть, полдня держать руку под его затылком, чтоб поудобней было лежать, — но не в силах был отказаться для него от куска хлеба. Голод был сильнее всего, и жалость просыпалась в Кирше всегда слишком поздно, когда хлеб уже был съеден до крошки.

...Камень не слышит
Жесточи и пытки...
Так бы и я
Не слышал ничего.

— Тверди, Юла, тверди. Это все.

— ...Становщикам, пристанодержателям, укрывателям беглых арестантов — по вырвании ноздрей вечная заводская работа. Атаману разбойничьему — смертная казнь четвертованием...

В каменную стену хлестал дождь. Сменялись караульные у дверей. Серый день перешел в серый вечер. Потом настала ночь.

Ночью открылась дверь, пришли люди с фонарями.

— Макар Воробьев, прозвищем Юла! — выкрикнул голос.

Ивашка подскочил живо к Юле.

— Положи в рот, — совал ему шарик мягкого воска. И тверди. Не забыл? „Небо лубяно и земля...“

— Кирилл Давилов Деревянный, — крикнул снова голос.

Киршу вызвали на допрос в первый раз. Он пошел за двери, как неживой.

— Направо! — проговорил Ивашка, слушая шаги за стеной.

И тут донеслись в камору шум, возня, крики Юлы. Разбойник звенел цепями, хватался, должно быть, за что-то и кричал:

— Слово и дело государевы!

На миг возня за стеной стихла, потом успешные шаги многих ног протопали мимо дверей — налево.

17. „И назвали мы оную гору: Благодать...“

Татищеву сообщили из екатеринбургской пробирной лаборатории, что новая руда пробована в малой печи и по пробе

вышло из пуда руды железа, вытянутого в полосу, десять фунтов, и то железо оказалось самое доброе, мягкое и жильное.

Оставалось одно единственное сомнение: можно ли устроить колесные пути до Чусовой? Только по Чусовой сплавляют уральские заводы свой металл в Каму и дальше в Волгу. Если от Кушвинской горы нет прямого пути к Чусовой, то завод строить нельзя: железо с доставкой через Тагил будет стоить вдвое против демидовского.

Рапорт Куроедова решил дело.

Татищев приказал, не дожидаясь указа от кабинет-министра, готовиться к постройке казенного завода на Кушве. В начале сентября он сам поехал осматривать гору.

Осенний лес. Сотни крестьян согнаны исправлять дороги от крепости до Баранж — по всей линии, где проедет экипаж главного командира. Поперек размытой колеи валились широкие лапы еловых ветвей, золотые березки, дрожащие кровавой листвою осины. У срубленной осины горький печальный запах.

Шихтмейстеры заводов, поправляя парики, подбегали к экипажу отдать рапорт.

Колыска командира прокатила мимо Невьянского завода, задержалась на ночь в Нижнетагильском и снова замелькала по горным склонам.

Большие тяжести притягивает магнит железной горы — сам Татищев, оставив коляску, верхом поднимается по тропинке. Его сопровождают двадцать один горный офицер и целый отряд рабочих. Чумпин — опять проводником, он обмирает от страха и надежды.

Татищев прошел все двести сажен шурфов, копанных вдоль горы и шестьдесят сажен поперек.

На самую высокую — южную — вершину главный командир не смог забраться. Он остановился на площадке под черным магнитным столбом и долго глядел на открывшееся перед ним уральское приволье. День был тих, ясен и напоен осенним вином. Сентябрь щедро раскрасил леса. Все ближние горы играли, как яшма. А очень далеко — совсем серебряные — вставали снежные вершины.

Гордые мысли охватили повелителя области, пристрастием большей любого из европейских государств. В его власти эти горы со всеми скрытыми в них богатствами, — а сколько их еще откроет-

ся? От его приказа зависит судьба и самая жизнь тысяч людей, здесь живущих.

Ученик Петра Великого, изъездивший по приказу императора всю Европу, образованнейший человек в России — он хотел здесь, в горах Пояса, в дикой стране создать самую богатую из областей российских. Он не любил двор императрицы Анны с его интригам и душным этикетом.

А ведь он сам возводил ее на престол, — пять лет назад. Он тогда во главе партии шляхетства боролся с партией верховников, которые хотели ограничить самодержавную власть Анны. Его партия победила. Он был церемониймейстером при коронации императрицы.

Татищев сам сочинил для себя инструкцию при отъезде сюда. Анна подписала — и тем вручила ему большие права.

Он отправился в горы Пояса — за две тысячи верст, куда конная почта скакала из Санкт-Петербурга не меньше месяца. Демидовы не ожидали встретить в нем такого опасного врага.

Первое знакомство и первые столкновения у них начались давно, еще в первый приезд Татищева, тогда капитана артиллерии.

Демидовым удалось тогда свалить противника. Оклеветанный, опальный уехал Татищев в столицу оправдываться перед царем Петром, — и не оправдался.

Теперь, через двенадцать лет, он вернулся вельможей — действительным статским советником. Главным командир, вооруженный опытом и — это, может быть, всего важнее — инструкцией, которая совершенно подчиняла ему частных заводчиков.

Однако для полного торжества Татищеву необходимо сделать казенные заводы не менее прибыльными, чем частные. Только это могло упрочить его положение, уберечь от нечаянного каприза Бирона. А все лучшее рудные места разхватаны, у Демидовых и рудознатцев и литейщики куда лучше казенных. Преступник Татищев, генерал де-Геннин, был талантливый металлург и изобретатель, он многого добился, но что сравняться с Демидовыми — и не мечта.

И вот новая рудная гора... Теперь, пожалуй, можно будет померяться силами с кем угодно.

Татищев обернулся к свите. Группа горных офицеров старалась поднять большой обломок скалы, чтобы сбросить его вниз.

Блестя инструментами, проверял измерения шихтмейстер Раздеришин.

Один молодой офицер забавлялся тем, что прижимал к скале ногу, обутую в ботфорт с железными гвоздями. С усилием отдергивал и опять прижимал.

И все сразу оставили свои дела, ловили взгляд Татищева, ждали его слов. Он сказал голосом человека, который никогда не ошибается:

— Господа, подлинно сия гора — сокровище из сокровищ. Во много лет рудокопам до дна не дойти. Здесь будет крушовый завод — и, может быть, самый лучших из всех.

Все торжественно молчали.

— Ваше превосходительство, какая сила! — сказал молодой офицер, смущенный докрасна тем, что главный командир видел его забаву. Теперь он хотел показать, что прекрасно понимает значительность минуты — и вообще он не развлекался. Это был научный опыт.

— А велика ли магнитная сила? — обратился Татищев к Хрушову. Татищев любил точность и не умел шутить.

— Есть камни, что привлекают тяжести в половину своего веса и побольше, — ответил Хрушов.

— Есть камни, что привлекают тяжести в половину своего веса и побольше, — ответил Хрушов.

Татищев направился к спуску, но остановился.

— На досуге надо будет придумать горе приличное звание, — сказал фон задумчиво.

— Что прикажете, ваше превосходительство? — не расслышал Хрушов.

— Для Бергколлегии в Петербург отправь, Андрей Федорович, отличный экземпляр.

— А вот этот и пошлем, ваше превосходительство, — Хрушов указал на

глыбу, которую горные офицеры уже приподняли и раскачивали.

— Этот? Ну пусть этот.

Черная глыба загрохотала вниз, ломая липовую поросль...

Когда Татищев уже перекинул ногу через седло, отправляясь в обратный путь, к нему подбежал Чумпин. Заговорил быстро, путал русские и родные слова понять — ничего нельзя. Но по голосу и по лицу видно, что жалуется человек.

— Переведи, Куроедов, — приказал Татищев лесничему.

— Да он может по-русски, ваше превосходительство, только перетрусил шибко.

Чумпин жаловался, что его мало наградили. На полтора месяца он бросил промысел, водил лесничего по горам.

Чумпин жаловался Татищеву, что его мало наградили

За это достаточно тех денег, что ему дали. Но он указал гору. Кто даст ему ольн за прииск железной горы? Ему надо купить собаку и хороший топор, надо муки и котел... Уедет самый большой начальник. Уедет, забудет про Степана. Скоро зима. Русские зимой не показываются в этих краях. Сколько еще ждать манси обещанной награды?

Татищев терпеливо выслушал Чумпина. У него правило: с „инородцами“ говорить мягко и поступать справедливо. Еще не дождавшись конца жалоб, он сделал знак секретарю Зорину. Тот подал ему кошелек.

Увидя это, еще один манси бросился к главному командиру. Яков Ватин схватил стремя татищевского седла и кричал:

— Ойка! Ойка! Я тоже указал русским железную гору. Это было в моей избе. Менги, ойка, — мы двое. Я давно крещен, Степанка зовусь. Я тоже хочу котел! И топор! И муки!

— Правду он говорит? — обратился Татищев к Чумпину.

— А!

— По ихнему „а“ значит да, — перевел Куроедов.

— Так он тоже знал о руде?

— Атим, ойка. Никто не знал. Я один.

— „Атим“ значит нет, ваше превосходительство.

— Слушай, Куроедов, разбери их. Расспроси всех жителей, кто первый разыскал руду. И донеси мне в Катеринск. А пока, — Татищев протянул деньги Чумпину, — вот тебе.

Всадники тронулись и один за другим исчезли на повороте тропинки.

Чумпин отбежал в сторону, разжал кулак и посмотрел на свое богатство.

Главный командир уральских и сибирских заводов дал ему два рубля.

Поздним вечером коляска Татищева приближалась к Екатеринбургской крепости. Впереди скакал верховой с фонарем.

Татищев думал: как назвать гору? Вопрос не праздный. Иногда удачное имя стоит находки самой горы. Аннинской — в честь императрицы? Но это слишком откровенная лесть. Притом Аннинским недавно назвали завод с поселком при верхней плотине.

Надо такое слово, чтоб запомнилось при дворе. И чтоб сразу говорило о богатстве горы. Царицына гора? Похоже на Царицын луг, что-то домашнее.

— Магнитная? — Но так зовется демидовская гора у Шайтанки.

— Высокая? — Есть.

— Кушвинская? — А кто знает речонку Кушву?

— Вогульская?

— Богатая?

Татищев положил себе: придумать имя до приезда в крепость. Но вот уж стена, мост через ров, сонные уложки города... А имя так и не найдено.

На ужин Татищеву подали горячее молоко и ломтики черного хлеба, — он соблюдал умеренность в пище.

После ужина занимался делами.

Нашел в бумагах заказанные им сводки цен на железо. Схватился за карандаш, быстро стал подсчитывать. Вышло: два новых завода на Кушву дадут в год 50 тысяч рублей чистой прибыли. Изрядно, — когда все казенные заводы, вместе взятые, не приносили до сих пор больше 70—80 тысяч! Татищев пришел в хорошее настроение.

Больше делами заниматься не стал. Позвал камердинера, тот помог главному командиру раздеться и лечь в постель. Унес свечу.

Забылся на минуту, но мысли рвались, теснили одна другую — мозг хотел отдохнуть. Сделал усилие: забыть обо всем, заснуть. Не удалось. Попробовал стариковский способ — шептал числа по порядку, но к числам присоединять слово „рублей“, и они становились живыми, тревожными.

И тут, смешав все мысли, спутав себе в голове мелькнуло слово — одно слово. Татищев открыл глаза. Слово точно вливалось еще в темноте, написанное фосфорными буквами: благодать.

— Благодать! — Вот оно, имя для новой горы.

Крикнул камердинера, не пришел. Тогда Татищев сам, в шлафроке с кистями шарка туфлями, вышел в комнату камердинера, зажег свечу от ночника с невольной завистью поглядел на свистящего носом слугу.

За столом уселся основательно. Теперь бессонница не отпустит до утра. Стал писать черновик письма императрице. Длинный титул опустил — секретарь завтра вставит — писал о самом деле.

„Сего сентября 5 числа ездил я сюда на реку Кушву и, приехав на оной 8 числа, осматривал. Она гора есть высока, что кругом видеть с нее верста 100 и более; руды в оной горе не только наружной, которая из гор вверх ст...

бами торчит, но кругом в длину и попереки раскапывали и обрели, что всюду лежит сливная одним камнем в глубину. Для такого обстоятельства назвали мы оную гору — Благодать, ибо такое великое сокровище на счастье вашего величества по благодати божией открылось тем же и вашего величества имя в ней в бессмертность славиться имеет*.

Имя Анна означает по древне-еврейски „благодать“. Такое название горы должно было понравиться при дворе.

В том же письме Татищев просил утверждения постройки двух заводов, приписки тысячи крестьянских дворов и чтобы всех ссыльных направляли бы из Руси ему для работ на новых стройках.

Кончив письмо, обдумывал, чем заниматься до утра. Для таких бессонных ночей было у него припасено несколько больших работ.

Из пачки „терпящих отлагательство“ наугад вытянул бумагу. Оказалось прошение школьника Сунгурова об отпуске на поиски руд. И сразу заработала голова: „Нет рудознатцев. Тех двух демидовских придется скоро вернуть. У Гезе кончается контракт, он, кажется, больше не останется, уедет в Саксонию“.

На обороте егорова прошения Татищев набросал указ Конторе горных дел, чтоб дали рудоиспытателю Гезе пятерых самых способных старших школьников, а рудоиспытатель учил бы их не мешкал. За полгода выучить всему, что сам знает — распознаванию руд, исканию лозой и по наружным приметам, испытанию доброты руд и прочему.

Пересчитал, загибая пальцы, вычислил... „сентябрь, октябрь... март“. Вспомнил, что контракт Гезе кончается этим годом, и исправил: „Ученье кончить к 1 января 1736 года“.

18. Мудрая наука Гезе

Только трех учеников согласился взять рудознатец Гезе и то после долгих споров, после того, как советник Хрущов показал ему контракт и пригрозил за неисполнение параграфа восемнадцатого задержать жалованье. В восемнадцатом параграфе говорилось, что каждый год Гезе обязуется обучать по одному русскому ученику, а Гезе до сих пор ни одного не выучил. Отговаривался тем, что нет школьников, знающих немецкий язык в совершенстве.

Против трехмесячного срока обучения рудознатец не возражал — все равно

в январе ему уезжать. Но Хрущов намекал: в конце-де ученья его ученикам будет испытание в комиссии, и Гезе принялся с такой яростью пичкать своих трех школьников горным искусством, что те свету не взвидели и жаловались на распухшие от обилия сведений головы.

Один из учеников был петербуржец Адольф фон-дер-Пален, долговязый, белоголовый юноша. Второй — сын иноземца-штейгера Симона Качки с казенного Полевского завода, смуглый как цыган, маленького роста, горбоносый, его взяли из немецкой школы. Третий — бывший арифметический ученик из солдатских детей Сунгуров Егор. Этот попал к рудознатцу только потому, что самый указ главного командира об ученьи был написан на прошение Егора.

Егору просто повезло, зато и не было человека счастливее его, если не считать Маремьяны. Жил он опять в Мельковке и каждое утро бегал в крепость на уроки.

С языком сделалась так. Из всех троих один фон-дер-Пален свободно говорил по-немецки. Он и служил переводчиком для Качки, слабо понимавшего немецкую речь, и для Сунгурова, который по-немецки, что называется, ни в зуб толкнуть.

Занятия шли на квартире Гезе или в его лаборатории. Он показывал ученикам образцы минералов саксонских и уральских, заставлял твердить их названия и свойства. Потом взялись за руды — только одних железных существует восемь разных руд, а медных и того больше, совсем непохожих одна на другую: зеленая, синяя, красная, пестрая, колчеданная...

Как редкость, Гезе показал кусочек серебряной руды из Башкирии. Насчет золота подтвердил, что на Урале его не имеется и, верней всего, быть не может.

На доске мелом Гезе рисовал, как лежат руды в земле. Надо было запомнить разные фигуры — флечы, штокверки, эрцадеры...

Егор не отставал от своих товарищей в ученьи. Ему очень пригодились и опыт заводской работы и то, чему успел научиться от Дробинина. Вот только названия у саксонца дикие, ни на что не похожие. Дробинин говорил: „Песочный камень, горшечный камень, горновой, известной, точильный камень“, и сразу было понятно, какой к чему. А тут зубри: глимер, штейнмарк, кварц, гемс, боллусс...

В один погожий холодный день, около Покрова, рудознатец повел учеников в горы применяться к действию рудоискательной лозы.

Вышли из крепости по шарташской дороге. Рудознатец шагал впереди, он был не в духе. Ученики догадывались почему: вчера в конторе у него вышел крупный разговор о лошадях и повозке для загородных учебных вылазок. Давали ему одну лошадь, он не захотел. Сказал, что пешком лучше будет ходить.

Егор нес ящичек, обитый кожей, — тяжелый ящичек, хоть и ловко приспособленный для плеч на ремнях. Рудознатец не объяснил, что в ящичке, но Егор не сомневался, что там знаменитая лоза, которая чудесным образом указывает места, где под землей лежат руды. Поэтому Егор выступал гордо и отказывался от помощи. Фон-дер-Пален нес лопату, а Качка каялку.

Быстро дошли до села Шарташ. В Шарташе видели раскольничий праздник. Толпа пестро нарядных кержачек обступила поле около кладбища. На поле шли состязания: бородатые, стриженные в скобку кержачки, сняв полукафтаны, стреляли из луков в цель. В толпе горластым, сильно окаяющим говором обсуждали полет каждой стрелы.

Гезе вежливо приветствовал толпу, как всегда, по-своему: „Глюкауф“. Ближние кержачки несмело прикоснулись к картузку, глядя мимо немца. Женщины поклонились в пояс без всякого, впрочем, смущения или страха.

Прошли улицей села. В конце проулков, с правой стороны, виднелось большое озеро. Из труб изб струились сытые жирные запахи праздника.

За Шарташом прошли еще верст пять, а там Гезе свернул в лес. Должно быть, он не раз бывал здесь раньше — не колебался, не искал прохода, вел как по городу. И привел к каменистым холмам, поросшим диким малинником, жимолостью и корявым березнячком.

Егор с удовольствием снял с плеча ремни ящичка. Рудознатец начал занятия. Прежде всего, он разослал учеников на сбор камней, а когда набрались груды разных камней, больших и малых, заставил распознавать их, вспоминать названия.

Потом Гезе вынул из кармана перочинный нож и срезал березовую ветку с развилиной. Ветку очистил от лишних сучков, так что от комля расходились

только два отростка — в виде недавно упраздненной ижицы.

— Es ist eine Wünschelruthe oder Berg-ruthe, unser Instrument, — сказал рудознатец и показал ветку каждому ученику. — Eine Person, die mit der Wünschelruthe geht und angibt, wo Mineralien, Erze, Wasser und so weiter sein sollen, — heist Ruthengänger.

— Фон-дер-Пален переводил:

— Волшебная вилка — ихний инструмент. А кто с ней по горам ходит, тому открывает минералы и прочее. Такая персона зовется лозоходцем.

Гезе показал, как следует братья за лозу. Надо было взять за два конца перстами наизворот, а комель обратить кверху.

— Кверху держать, — повторял фон-дер-Пален за рудознатецем. — Перпендикулярно. Так, чтоб ладонь к лицу, а верхняя часть ладони к земле обращена была. И держать как можно крепче.

Несколько шагов прошелся Гезе сам и сразу же заставил ходить учеников.

— Надо примечать то место, где лоза в руках подвинется и верхним концом к земле склонится. В таком месте заметку положить следует или колышек вбить. И так главное простиранье жилы узнается.

Егор стиснул ветку изо всей силы — пальцам больно, и ходил старательно.

— Пусть свою лозу покажет, — шептал он фон-дер-Палену. — Что он нарощую-то нам издал!

Когда все трое научились правильно держать лозу и ходить с ней, рудознатец заявил:

— Вот и все. Так и ищут, без всякого дальнего искусства. А то, что древние рудодобыты о разных родах таких лоз суесловили — о горячей, об огненной, о скачущей, о верхней и нижней лозах, — то все пустые их выдумки. Лозу можно сделать дубовую, сосновую, из орешника или из другого дерева. Многие, напротив того, употребляют железную или медную проволоку или китовый ус — лишь бы на подобие лозы изобразить.

Сказав так, рудознатец нагреб в кучу сухих листьев и сел. Ящичек он поставил перед собой на камне и стал развязывать ремни. Ученики обступили его. Гезе приостановился, взглянул на учеников и что-то недовольно сказал.

— Говорит, урок окончен, можно отдохнуть, — перевел фон-дер-Пален.

Ученики в недоумении отошли. Уселись в стороне на горке и поглядывали искоса на немца с ящичком.

— А ведь ничему мы еще не научились, — сказал со вздохом Качка. — Вот выпусти нас одних в горы, разве что найдем. Даже как начать не знаем.

— Тверженье сплошь, — согласился и Сунгуров. — Мне по ночам все штокверки снятся, а в натуре ни одного не видал.

— И не надо, — беспечно заметил фон-дер-Пален. — Мне, то-есть, не надо, не знаю, как вам. Я инженерный ученик, буду кончать учебу по механике.

— Ну, нет. — Егор тукнул каблуком по камню. — Я из него все высосу за три месяца. Пусть учит во-настоящему. Мне другого случая во всю жизнь не дождаться. Плохо вот, что немец он. Адька учи меня по-вашему балакать.

— Языку научиться год надо, а Гезе через два месяца уедет. Да и когда учиться? С утра до ночи „горное художество“ долбим, а скоро еще пробирное прибавится.

— Ты самые главные слова только, чтоб я спрашивать мог, что мне надо. Маленький Качка вдруг привстал, шею вытянул.

— Глядите, ребята, — открыл...

Все посмострели на рудознатца.

А тот откинул крышку ящичка и доставал хлеб, яйца, ветчину, масло, фляжку с питьем. Все это раскладывал на белой салфетке. Вот ящичек и пуст — в нем ничего, кроме еды, не было.

Качка повалился на землю и прыскал, не в силах удержать смех. Пальцем тыкал в Сунгурова и ни слова не мог произнести, фон-дер-Пален тоже смеялся.

Гезе показал, как следует браться за лозу

— Ты, Егор, значит, ему поесть танца, надсажался. Вот так волшебная лоза!

— А ну вас, — отмахнулся Егор и сам затрясся от смеха. — Чур, не мне обратно ящик нести. Адька, как по-немецки „скотина“. Я ему хоть шопотом скажу.

На обратном пути Гезе спросил:

— Умеете вы теперь пользоваться рудоискательской лозой?

— Да, умеем.

— И на испытании ответите, как искать через лозу?

— Ответим.

— Ну так запомните: на работе никогда не пользуйтесь лозой. Это будет потерянное время.

19. Вести о Дробинине

Егор торопился в лабораторию: с утра должны ехать на железный рудник, а

вечером пробирные занятия, надо припасы химические проверить.

Опаздывал сейчас потому, что забежал на базар купить подошвенной кожи — сапоги с этими походами горели, как на огне.

Еще когда вперед бежал, видел толпу у края базара. Чем-то она показалась необычной, да и плач как будто слышен из середины толпы. Тогда не задержался, пробежал мимо. А сейчас пробился с плечом, наскоро взглянуть, в чем дело. Взглянул и ахнул: русые волосы, дуги бровей над удивленными навсегда глазами, детские плечи... Это же Лиза Дробинина на земле, растрепанная, жалкая, в грязной одежде, с непокрытой головой.

— Лизавета! — не помня себя, крикнул Егор и подскочил к ней. — Лизавета, откуда ты взялась? Что с тобой? Где Андрей?

Женщина в сером платке стала поднимать Лизавету.

— Знакомая тебе? — спросила она Егора. — Вот и ладно. Сказывают, со вчерашнего дня еще все бродит по базару да плачет. Так и замерзнуть недолго. Не здешняя она, что ли?

Егор не знал, что и делать. В лабораторию нельзя опоздать — едут. И такое дело. Где же Андрей? — Веди домой, обогреть надо девочку, — продолжала женщина в платке.

Махнул рукой Егор и повел Лизавету в Мельковку.

Дорогой пробовал расспрашивать, но Лизавета ничего не могла объяснить. Только дрожала всем телом да принималась плакать, когда Егор упоминал про Дробинина.

— Мама, кого я привел. Угадай, — сказал Егор матери.

— Кто такая? — с сомнением и не очень дружелюбно смотрела Маремьяна одетья девушки.

— Помнишь, про жену Дробинина рассказывал? Она и есть.

Этого было достаточно Маремьяне. Стала хлопотать около Лизаветы, привела, как родную. Расспрашивала ласково и осторожно, но и ей ничего выведать не удалось.

— Напали худые люди. Андреябили, — только и сказала Лизавета.

Егор ушел в лабораторию.

Когда он вернулся поздно вечером, то тайна немного разъяснилась.

— Человек тебя ждет, — шепнула Маремьяна сыну в сенцах. — Зовут, называют, Дергачом, а по чю пришел, я не спрашивала. Тебя-де, надо.

В избе сидел незнакомый человек, тощий, с белым лицом — как трава, что под досками вырастает, и без одного уха.

— Здравствуй, милый человек, — обратился Дергач к Егору. — Ты ли Суягуров будешь?

— Я.

— А я из тюрьмы здешней сегодня вышел. Колонник один мне наказывал непременно тебя найти. Знаешь ли Андрея Дробинина?

— Мама, слышишь? Вот где Андрей-то! — Наказывал Андрей тебе сказать, что взял его государевы воинские люди в прошлом месяце. Взял вместе с женой. Головой скорбная у него жена-то, что ли. Вот о ней и просил Андрей. Пусть, говорит, узнает, где она и как она, и мне, Андрею то-есть, весточку передать через арестантов, что милостыню собирают. А если ее из тюрьмы освободили, так велел ей помочь, а то стинет, как дитя малое.

— Здесь уж жена его, у нас, — не вытерпела Маремьяна. — Спит, сердечная на печке.

— Ну-у? Как все ладно получается. Вот рад будет Андрей! Справедливый он, с совестью. Такому и в камере легко, только за жену и страдал все.

— А за что его взяли?

— Ничего не сказывал. Он много говорить не любит. Да не за худые, поди дела. Есть безвинные в тюрьмах, — обнесут их зря и хватают. Много таких! Ну, спасибо вам за добрые вести, поеду я.

— Куда ночью-то, — враз сказали Егор и Маремьяна. Оставайся ночевать, и истенотишь нас.

Дергач даже удивился.

— Вот вы какие. И черного отпусти не спрашиваете. Ухо мое видели?

Рассказал про свое несчастье, про блужданья по тюрьмам.

Сегодня он уж побывал в Обербергамте. Да, плочу его дело: генерала Генина нет, и проволочная фабрика закрыта, а старые мастера разбрелись куда-то. Не дают ему бумаги, придется долго хлопотать.

Кончилась беседа тем, что Маремьяна заказала Дергачу валенки для Егорушки.

— Вот, — сказала Маремьяна, укладываясь спать, — большая у нас семья стала. Бог дочку мне дал и хорошего человека не зря послал.

На другой день Егор с товарищами работал в лаборатории. Это была не

большая квадратная комната. У одной стены стояли три пробирные печки с ручными мехами для дутья. У другой стены — две тумбы с весами, пятифунтовыми, для грубого веса, и аптекарскими под стеклом для малых навесок.

Все трое делали опустылевшую им работу — пробу железной руды. Кажется, уж давно научились, все руды перепробовали — и сысертскую и гороблагодатскую, и каменскую, а Гезе все не дает следующей работы — пробы медной руды. Егор подсыпал березовых углей в печку. Качка давил ручку мехов, подбавлял жару. Фон-дер-Пален взвешивал на аптекарских весах новую навеску толченой руды.

Пришел Гезе. Ученики поклонились и ждали, как он поздоровается: если скажет „Глюокауф“ — значит в добром настроении, если „гутента“ — значит, злой и придирчивый.

Рудознатец сказал: „Глюокауф“.

Работы учеников одобрил. Обещал с завтрашнего дня начать пробы медных руд.

— Пакет ему приносили из конторы. Адька, скажи, — напомнил Егор.

Фон-дер-Пален сказал. Добавил еще, что посылный пакет оставить не захотел, просил рудознатца прийти за ним в Контору горных дел. Рудознатец, однако, сам не пошел, а послал фон-дер-Палена.

— Насилу дали, в собственные, говорят, руки, — сказал фон-дер-Пален, вернувшись и вручив Гезе письмо и запечатанный сверток.

Немец читал записку и время от времени повторял: О!.. О!.. О!..

Потом распечатал сверток, вынул три серых камня. Нахмурившись, разглядывал, пробовал ногтем, нюхал.

— Убрать все, — перевел фон-дер-Пален его приказание. — Вымыть ступку, тигли, изложницу. Будем делать пробу серебряной руды.

Ученики оживились. Это поинтереснее, чем железная.

— Откуда руда? Неужели здешняя? спросил его Адольф.

Гезе ничего объяснять не стал. Сам отделил по кусочку от каждого камня, сам раздробил кусочки молотком и, отсыпав часть в ступку, велел Егору хорошеенько истолочь.

Потом опять сам долго растирал в фарфоровой ступочке. Полученного порошка отвесил один золотник. Пять золотников пробирного свинцу смешал

с бурой и все вместе высыпал в тигелек.

Тигелек поставил в печь, в самый жар, отметил время на часах и велел двадцать минут поддерживать наисильнейший огонь.

Через двадцать минут пододвинул тигелек поближе к устью печки, чтоб хватило наружным воздухом, а дутье уменьшил. Наконец, еще ненадолго поднял жар, выхватил щипцами тигелек из углей, постучал им по полу и опрокинул над изложницей.

— Теперь должно дать спокойно остыть. Получится веркблей — свинец со всем серебром, сколько его в руде было, — перевел фон-дер-Пален.

Крошечный слиточек Гезе проковал осторожно молотком. При этом шлак откопшился. Гезе взял с полки белую толстостенную чашечку — до сих пор эта чашечка ни разу в ход не пускалась. Ученикам рудознатец как-то говорил, что чашечки сделаны из пепла овечьих костей.

Снова расплавил веркблей в белой чашечке и, заглянув в нее, сказал равнодушно:

— Кейн зильбер-эрц. Нур швейф.

— Что, что он говорит?

— Говорит, что это не серебряная руда, а пустой камень.

Заглянули в чашечку и ученики — там только налет серого порошка.

Гезе заставил всех троих проделать ту же пробу. Опять толкли, отвешивали, смешивали с бурой и свинцом. Когда тигли поставили в печь, рудознатец ушел. Сказал, что вернется через полчаса. Письмо и руду оставил валяться на подоконнике.

В первую же свободную минуту Егор раскрыл письмо — немецкие буквы.

— Адька, прочитай. Что это за руда? Я пока поую за тебя.

Фон-дер-Пален вытер пальцы.

— От Хрущева записка. Не пишет откуда руда. Просто: „Попробуйте“, подлинно ли эти каменные куски серебро содержат...“

В это время явился гиттенфервальтер Зонов из Конторы горных дел — справится, получил ли рудознатец сверток с камнями и идет ли проба.

— Уж испробовали, — важно ответил Егор. — Разве такая серебряная руда бывает!

— Нет, ребята, вы не шутите. Пусть Гезе напишет рапорт за своей подписью и сам принесет в Контору. Знаете,

что это за руда?—разбойника Юлы.

— Как Юлы?—Егор бросил ручки мехов.

— А вот так. Юла в тюрьме сидел, ему за разбой смертная казнь положена, а он с пытки закричал „слово и дело“. Объявил главному командиру, что знает место серебряной руды. Его, честь честью, взяли за Контору горных дел, от пыток, от казни освободили. Послали команду за рудными образцами,—их Юла хранил у какого-то осокинского рудоискателя.

— У Дробинина!—крикнул Егор и победил.

— Не знаю. Только рудоискателя тоже взяли потому, что он, выходит, приют давал разбойнику и не доносил на него. Вот какие вы кусочки пробуете.

— Что же теперь им будет?

— Если куски подлинно руда и место богатое, то Юлу освободят или дадут ворове легкое наказание. Так и везде объявлено. По всем базарам по-русски, по-татарски и еще по по-каковски-то читают, что если кто укажет в казну богатую руду, тому все прошлые вины простятся и еще награду дадут. Говорят, Юла потому и смел был, что припас от кого-то рудное место на крайний конец.

— А если не руда?—с ужасом спросил Егор.

— Тогда плохо их дело. Юлу и за разбой и за то, что зря „слово и дело“ кричал, по всей строгости накажут. А рудоискателя того казнят за пристанодержательство.

— Еще не готова проба, господин Зонов, видите, плавим,—сказал Егор.— Не раньше вечера кончим, а рапорт Гезе сам принесет.

Только захлопулась дверь за Зоновым, как Егор дрожащим голосом обратился к товарищам:

— Братцы, давайте пробовать со всем тщанием! Может, бедная очень, а все-таки руда. Нельзя дать Андрею Дробинину погибнуть.

И он рассказал товарищам все об Андрее.

— Надо так сделать,—предложил горячий Качка,—серебра немножко подбавить в руду. Спустить копейку в тигель.

Это предложение отвергли—Гезе все равно не надушеет. Он тогда пять раз сам пробу сделал.

Когда рудознавец вернулся в лабораторию, он подивился усердию, с каким

работали его ученики. Фон-дер-Пален с общего согласия объяснил Гезе, что от результата их проб зависит жизнь двух человек.

— О!.. о!..—говорил Гезе, слушая рассказ.

Стал опять сам делать пробу. Для точности изменил немного способ: навески увеличил вдвое, вместо свинца взял глету, буру прибавлял не сразу, а частями.

Все равно—в белой чашечке серебра не являлось.

Тогда Гезе принес кусок немецкой руды. „Из Верхнего Гарца“,—сказал фон-дер-Пален.—Тем же способом попробовал эту руду. Шарик серебра получился. А руда Юлы давала все тот же тусклый серый налет.

На восьмой пробе рудознавец остановился.

— Кейн зильбер-эрц,—повторил он строго, словно приговор произнес.

20. О Чумпине вспомнили

Среди зимы шел обоз на гору Благодать. Снег лежал глубокий—до самых засечек на деревьях, а их летом делали на уровне плеча. Люди протоптавали дорогу перед лошадьми. Обоз тянулся медленно.

Двое молодых чиновников на лыжах побежали вперед. Дорога шла поперек горного склона, так что правая лыжа была немного выше левой.

Чиновники убежали далеко от обоза, когда первый из них, в красном полушубке, вдруг резко откинулся назад и сел между лыж, стараясь остановиться. Второй, в черном полушубке, налетел на первого, соскочил с лыж и провалился по пояс.

— Эх ты!..—закричал он с веселым смехом,—туда же первым следом!..—И голос его осекся: он понял, что испугало товарища.

Впересек дороги с горы мчался черный медведь. Он нырнул, нелепо горбатясь и подкидывая задними лапами снег. На самой дороге зверя перевернуло через голову, но он, не останавливаясь, выправился и кинулся дальше вниз, за ели.

На следу медведя показалась вторая фигура—охотник на лыжах.

Охотник скользил красиво и уверенно. В зубах веревочки от носков лыж—он правил поворотами шеи и локте увертывался между деревьями. Руки

заняты ружьем. Охотник готов был выстрелить каждую секунду, даже приложился было на бегу, когда медведь куврыкнулся. Но его самого трягнуло на бугре, он взмахнул руками, выравнявсь, — и оба скрылись в ельнике.

— Ишь, проклященный, — сгасал чиновник в черном полушубке. Здесь медведи, дьяволы, и зимой не спят.

Он взобрался на лыжи и отряхнулся. Снизу долетел короткий стук выстрела.

— Положил! — вскрикнул чиновник, выпрямляясь. — Ну и ловко... А может, промахнулся?

— Это вогул, — заметил чиновник в красном полушубке. — Вогул не промахнется.

— Значит, свежует сейчас... Вставай, чего ж ты сидишь? Дальше надо...

— Нет, погоди. Я чего придумал. У вогула, поди, дорогие шкурки есть. Можно поживиться. Пойдем-ка к нему.

— А с чем? Даром он тебе отдаст? — Даром. А то что бы за пожива! — Сувься когда у него кремневка. Сам говоришь, промахов у вогула не бывает.

— Вот в кремневке-то вся суть. Вогулам запрещено огневое оружие иметь. Мы даже обзаны отобрать. Сначала кремневку отберем — он в человека не выстрелит, не бойся, — а потом и насчет шкурок видно будет. Айда, что ли?.. Ну, чего думаешь? Обоз еще далеко.

— Ты, Ваня, хоть медведя ему оставь. Больно красиво он за зверем летел.

Чиновники свернули с дороги, заскользили вниз, верхом на палках. По глубокому следу легко нашли манси.

Он сидел на туше зверя и снимал шкуру. Кремневка лежала рядом на

Охотник с ружьем мчался на лыжах за медведем красиво и уверенно

лыжах. При виде русских, манси перепугался так, что посерел.

— Пача, ойка, пача! — пробормотал он, вставая, и нож вывалился из руки в снег.

Чиновник в красном полушубке кинулся к ружью. Схватил его, сдул с полки порох, сунул товарищу.

— Держи. — И обратился к манси. — Ты что, плут, огненное оружие завел? А? Кто тебе позволил? Да я тебя засужу, нехристы поганого! В тюрьму! Что, что?

Но манси молчал и только чуть покачивался, опустив окровавленные руки. Хлоп! Хлоп! Две пощечины раздалась в лесу.

— Ваня, не надо! — поморщился второй чиновник и отвернулся.

— Не мешай, так с ними и полагаются... Где купил, сказывай! Молчишь? Ты знаешь, кто я? Я тебя могу... что угодно могу. Зверуй со стрелами — слова не скажу, а чтобы огненное ору-

жие, то цыц и перецыц! Шкурки у тебя есть?

— Атим, ойка.— Манси отрицательно помотал головой.

— Вот я сам погляжу.

Чиновник полез к манси за пазуху и извлек несколько шкурок.

— А, еще враты! Мне враты?

Новая пара пощечин. Ограбленный охотник опустил на снег: ноги у него подкосились.

— Это что, соболь или кунца? Гриша, держи... Это векша? Не надо векши, на тебе, лови!

Беличью шкурку кинул на снег к манси.

— Ну, пошли. На первый раз так и быть прощаю. Но огненного оружия больше не смей покупать, это помнить, помнить и перепомнить! Если узнаю — в тюрьму! Как тебя звать?

— Чумпин.— Ответил манси.

— Как?— Чиновники переглянулись.

— Чумпин, ойка.

— А имя?

— Степан.

— Это ты гору Благодать сыскал?

— Я, ойка.

Чиновники опять переглянулись смущенные. Манси поднялся. Из красных воспаленных глаз его текли слезы.

— Что же молчал-то, не сказывался,— раздраженно сказал чиновник. Тебя велено сыскать и послать в Екатеринбург.

— Ойка, ойка!— Чумпин бросился на колени, кланялся чиновникам, заливался слезами.

— Да нет! Чего ты напугался? Награда тебе вышла.

— Тебя деньги ждут, а ты от них бегаешь,— подхватил второй чиновник.— Иди смело, богатый будешь.

Чумпин недоверчиво смотрел то на одного, то на другого. А чиновники зашептались.

— Придется вернуть шкурки. Еще разболтает в правлении заводов.

— Жалко,— возлились сколько!

— Хрущов дознается... за такое дело, знаешь...

— Да, знаю. Влопались мы зря! Ну, отдай. Нам кремневка останется, полтора рубля всегда стоит.

— И чиновник в красном полушубке крикнул Чумпину:

— Эй, держи свою рухлядь! Да смотри, не пкини об этом в городе. Знаешь, кто я.. Не знаешь?.. Ну и хо-рошо.

21. Следы на снегу исчезают

Чумпин обошел вокруг крепости, как зверь вокруг ловушки.

Ничего не видно за двухсаженными стенами. На пруду из снега торчат острые колья рогаток. Пройти можно только через одни из трех ворот.

Подкатил к западным воротам, поднял лыжи на плечи. Конные, пешие проходили из крепости и в крепость. Целый обоз плетеных коробов с углем стоял у ворот, пережидая. Когда обоз тронулся, Чумпин пошел с ним и так вступил в крепость.

Непонятные звуки, незнакомые запахи неслись со всех сторон. Грохотало невидимое железо, из-под навеса вместе с искрами сыпалось вперегонку разноголосые стуки. Люди кричали громко, как пьяные. Слишком много шума!

По главной улице Чумпин прошел весь город до восточных ворот. Они были открыты. Всех выпускали беспрепятственно.

Около одного большого дома — это был госпиталь — Чумпина затошнило. Уж очень отвратительные запахи. Как это русские жить здесь могут?

С лыжами на плечах бродил Чумпин по Торговой стороне. Спросить кого-нибудь о своем деле не решался — все казалось очень занятыми.

Торговец в длинном до пят тулупе, стоявший около ободранных бычьих туш, помахал Чумпину vareжкой.

— Манси, меха есть?

— Нету.

— Продай уж? В другой раз прямо ко мне носи. Запомни Митрия Рязанова.

Чумпин спросил, как найти самого главного командира.

— Самого главного? — торговец захохотал. А с полицмейстером и говорить не хочешь?

— Так велели.

— Ну, ищи самый большой дом!

Чумпин послушно отправился искать самый большой дом. Заходил в дом Осокиных, в церковь, в казарму, — его выгоняли.

На плотине встретил другого манси и обрадовался. Этот нес на виду лисью шкурку и не казался испуганным шумом и многолюдством.

— Пача, юрт!

— Пача, пача, где изба главного командира?

— Ляпа — совсем близко. Вернись обратно и смотри налево, где много лошадей.

— Теперь найду. Плохие люди русские, лолькар-хум!

— Совсем плохие. Всегда хотят обмануть манси.

— Прощай, спасибо.

— Осемеуль!

Лыжи Чумпин очистил от снега и поставил у входа в правление. Поднялся по лестнице, подождал, когда откроется дверь, и скользнул в дом. Не забыл осмотреть и попробовать дверь изнутри: захлопывается сама, но щелкает нет,— просто гиря на веревке тянет. Выйти легко в любую минуту.

Очень большой дом у командира! Еще и внутри десятки высоких норколей. В который итти?

Наугад пошел налево — вслед за первым попавшимся человеком. Попал в толпу. Сколько гостей! Но невеселые все и очень толкаются. Затискали Чумпина.

Придется еще спрашивать дорогу. Выбирал лицо подороже, да то худо: у всех русских лица одинаковые. Только и можно различить — „ойка“ ли, у которого борода и усы сбриты, а на голове белые лохмы, или „керсенин“ с бородой.

У окна стоял один такой „керсенин“. Шапка зажата меж колен. Левого уха нет. Он захихивал в деревянную коробочку бумагу, свернутую во много раз, и что-то приговаривал. Чумпин спросил его, где дадут деньги за прииск железной горы.

— Милый, не здесь... Етта контора судных и земских дел. Коли насчет горы, так иди в Контору горных дел, туда, через сени.

Пошел Чумпин, куда указали.

По дороге увидел и узнал Мосолова... Хотел к нему подойти. Тот, видать, тоже узнал Чумпина, поволил по нему жестким взглядом — и вдруг повернулся, исчез в дверях.

Чумпин вошел в большую палату, стоял, приюхиваясь к странным, отталкивающим запахам.

— Чумпин! Чумпин! Степан! — услышал он веселый мальчишеский голос. Сдернул шапку-совик с головы, искал кто зовет. И вдруг заулыбался радостно, все лицо в морщинки собрал: русский Сунгуров пробирался к нему в толпе.

— Здорово, Степан. За наградой? Я уж слышал. Это к бухгалтеру надо, я тебе покажу.

Из-за пазухи вытащил Чумпин кунью шкурку, встряхнул и протянул Сунгурову.

— Тебе, знакомый, тебе, юрт! Бери.

— Не надо, экой ты! Продай лучше на базаре. А про твое дело сейчас узнаю. Иди сюда, в сторонку. Подожди меня.

Через минуту вернулся.

— Занят бухгалтер, с лозоходцем расчет делает, уезжает лозоходец. Подождем еще. Как ласточка-то по-вашему — ченкри-кункри?

Оба смеялись. Чумпин все совал кунью в руки Егору, а тот отказывался.

— У меня тоже радость сегодня, Степан. Смотри, — развернул лист бумаги. — Вот что написано. „Аттестат или удостоверение“. Я теперь рудоискатель. Этот самый лозоходец и учил меня, что уезжает-то. Вчера испытание нам было, теперь все подписали аттестат, только советника Хрушова жду. Он подпишет — и готово. Их кан минералнен унд ерце зухен. К тебе на Баранчу приеду, ты еще одну гору припасаи.

Егор сверкал от радости и болтал, не заботясь, слушает ли его охотник.

У Чумпина болела голова. Взгляд Мосолова крепко запомнился. Не он ли так давит голову? Есть еще соболок за пазухой, надо подарить приказчику, пусть не глядит так.

— Идем, идем, — заторопил Сунгуров. Бухгалтер свободен. Сюда, за мной.

Тащил охотника за руку.

— Господин Фланк, вот вогул Чумпин, которому награда назначена.

Немец бухгалтер переспросил фамилию и стал рыться в ящике. Достал бумагу, вслух прочел:

„Оному новокрещенному вогулу Чумпину выдать в поощрение двадцать рублей. Да и впредь, по усмотрению в выплавке обстоятельства тех руд, ему, Чумпину надлежащая заплата учинена будет“.

— Рихтик! — сказал Сунгуров. Полу чай, Степан, дванчик рублей.

Бухгалтер велел Чумпину расписаться, а тот понять не мог, что от него требуется.

— Он неграмотный, господин Фланк, — сказал Егор. Вогул ведь.

— Ну, так пусть хоть крест поставит.

— Кат-пос, — объяснил Егор охотнику. — Надо на бумаге кат-пос, тамгу сделать, вот как на березах ты делал.

— А-а, — понял Чумпин и вытащил нож. Кат-пос! Где?

Кругом них раздался хохот.

Бухгалтер спрятал бумагу.

— Пускай за него кто-нибудь рас-
вишется,— сказал он сердито.

— Нет, мы вот так,— нашелся Сун-
гуров.— Дай сюда руку, Степан.

И он намазал ему кончик пальца чер-
нилами.

— Теперь тисни здесь... Вот Зэр
гут!

На бумаге остался жирный отпечаток
пальца. Бухгалтер удовлетворился.

Чумпину отсчитали порядочную кучку
серебра. Он собрал его в кожаный
мешочек и спрятал за одежду. Потом
расстелил на столе перед бухгалтером
пышную шкурку куницы.

— Убери,— крикнул бухгалтер.— На
службе не принимаю.

— Спрячь скорее, Степан,— шепнул
Сунгуров и потащил охотника к две-
рам.

— Ты ведь сегодня не уйдешь домой?
Приходи ко мне ночевать в Мельковку.
Ты один не найдешь, ну подожди в се-
нях. Я только Хрущова поймаю и вме-
сте пойдем. Ладно?

— Омаст, омаст, юрт!— Чумпин со
всем соглашался.

Однако, оставшись в сенях один, не
стал ждать, а вышел на улицу.

В воздухе кружились медленные сне-
жинки. Лыж у входа не было. Чумпин
разыскал их на берегу пруда. Маль-
чишки катались на его лыжах с берега
на лед. Чумпин подошел к пруду, дол-
го смотрел на ребячьи забавы, жалостно
усмехаясь, но отобрать не решился.

Когда мальчишкам надоело кататься,
Чумпин подобрал лыжи и через во-
сточные ворота вышел из крепости. Снег
падал хлопьями.

Наступал зимний вечер.

Из крепости через западные ворота
вылетела кошевка, запряженная резвым
гнедым конем. В ней сидел шайтанский
приказчик Мосолов.

Когда кошовка отъехала от крепости
настолько, что за падающим снегом не
стало видно бастионов, приказчик дер-
нул кучера за кушак.

— Стой, Пуд!

Кучер натянул вожжи.

— Запомнил вогулича, что я тебе
показывал?

— Да.

— Так вот. Я один до дому доеду.
Ты вернись в крепость, у наших возь-
ми лыжи, догони вогулича. Да скорей,
пока след видно.

— Ну, догонию...

— Тебе все досказывать надо?.. Он
сегодня получил награду. Большие день-
ги несет. Ну, о деньгах у нас с тобой
никакого разговору не будет. А того
вогулича чтобы больше никто не видал.
Понял?

— Понял.

— Так хозяевам надо. Буду тебя вы-
купать, они эту услугу попомнят. Иди.
Мосолов подождал, пока кучер скрыл-
ся из виду, подобрал возжи и ударил
коня. Снег брызнул из-под копыт.

Лыжный след вьется от крепости на
север. Мимо кузниц на горке, мимо
слободы Мельковки, в лес. След уже
припорошен снегом.

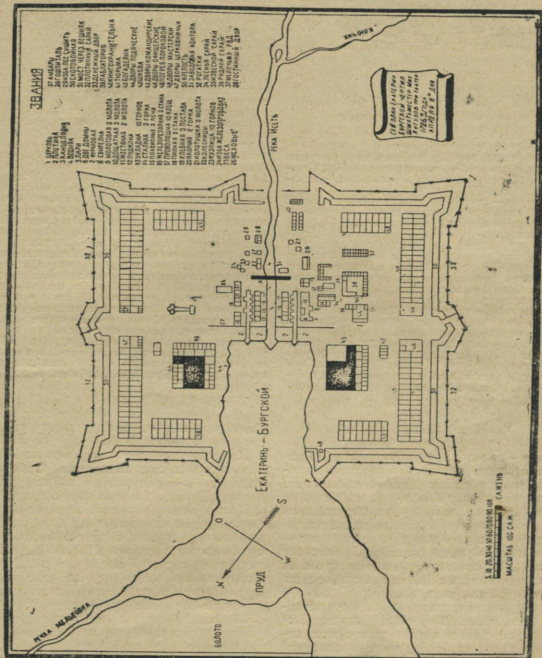
Опытный глаз охотника разглядел бы,
что по широкому следу обтянутых шку-
рой вогульских лыж прошли вторые
лыжи, поуже.

В лесу, близ озера Шувакиш, лыжный
след раздвоился, заматался...

А потом ровной полоской лег круто
в сторону— налево, к Верхисетскому
пруду. Это след одной пары лыж, тех,
что поуже. Второго следа не было. Он
кончился на истоптанной полянке в лесу.

Снег падал до полночи, засыпал по-
лянку и все следы.

К утру приморозило, прояснило. Взо-
шло солнце и холодным малиновым
светом озарило Уральские горы и не-
подвижные леса, утонувшие в снегах.

План Екатеринбургской крепости, относящийся к эпохе действия повести „Уральские рулозатни“.

ПУТЕШЕСТВИЯ ^{по} книгам и газетам

БЫЛИ ГОРЫ ВЫСОКОЙ

От редакции

Перед нами книга, созданная рабочими Высокорогского железного рудника.

Она выпущена Государственным издательством Истории фабрик и заводов, под редакцией М. Горького и Д. Мирского. Запись и обработка рассказов произведены Ю. Зыгостевым.

Сто авторов — сто действующих лиц, работавших на горе Высокой в различные эпохи, начиная от демидовщины и кончая нашими днями.

Среди авторов — партийцы и беспартийные, грамотные и неграмотные, старики и молодые, отцы и дети, деды и внуки. Просто и безыскусственно рассказывают они свои были. Тут и мрачное прошлое рудника и трудные восстановления его после гражданской войны, и сверкающая радость побед современного строительства.

Это — первая книга из серии Истории уральских фабрик и заводов, созданная самими рабочими. В этом ее величайшая ценность.

Художественные достоинства рассказов не одинаковы, но все они трогают своей простотой и убедительностью.

Путешествуя глазами по страницам книги „Были горы Высокой“, мы выбрали ряд рассказов, отличающихся

занимательностью сюжета и художественностью слова.

Мы даем эти избранные рассказы для того, чтобы книга эта стала известна самым широким массам советских читателей.

В тот момент, когда мы пишем эти строки, уже нет одного из талантливых авторов этой книги — Григория Семеновича Быкова, которому принадлежит помещенный здесь рассказ „Беспризорники“.

Рассказы Быкова, помещенные в книге, ярки и гневны. С большевистской ненавистью обрушивается он на классовых врагов, беспощадно разоблачая их. Быков вскрыл множество преступлений, между прочим, разоблачил Арину Криворучкину — самогонщицу и доносчицу при „белых“.

Почти тотчас же за появлением книги „Были горы Высокой“ предательский выстрел прекратил жизнь этого мужественного человека: группа классовых врагов с сыном Арины Криворучкиной — Петром во главе, организовала и совершила это гнусное убийство. Быков был ими предательски убит накануне отъезда в Свердловск на курсы областной журналистики, куда он стремился.

Из прекрасных иллюстраций художника К. Кузнецова, которыми снабжена книга, мы позволим себе дать перерисовки к рассказам „Люди в западке“, „Десная каторга“, „Робить надо“ „Петка-Лягушонок“.

На Шихане

Шихан — вершина горы Высокой. Прежде она шумела соснами и лиственницами, скрывая в своих недрах несметные богатства руды. Там царил мертвая тишина. Иногда только она нарушалась стуком таратаек в выработках да топором лесоруба. В ночное время прохожие опасались идти горой. Суеверные страхи были связаны с этим местом. А в праздничные дни Шихан был местом пьяного разгула и драк.

Первая пятилетка совершенно изменила лицо горы. Теперь по ночам Высокая не сливается с мраком, а сияет десятками веселых огней, далеко освещая окрестности.

Рычат экскаваторы, подают гудки паровозы и лязгают буровые станки. Вместо хвои стогодальных деревьев гора оделась сетью электрических линий, водопроводов и воздухопроводов.

Гора Высокая — сплошной монолит снегитов — трещит по всем швам под напором большевистской горной техники.

Снегитов ждут новые металлургические гиганты Урала.

Началом вскрышных работ на Шихане был июнь месяц 1931 года. С большим трудом были затащены на гору экскаватор „Рустон“ и два буровых станка.

Когда все было готово к началу работ, в один из июньских дней на Шихане взвились красные флаги. Много народа сошло на митинг. После речей, по звуку оркестра, экскаватор „Рустон“ нагрузил породой первый состав вагонов. Паровоз потащил их на отвал, и началась большая работа.

Убрать 2½ миллиона кубометров крепчайшего грунта, не поддающегося экскаватору без взрывных работ, было не просто.

Оборудование было плохое, и работать с ним ни руководители, ни рабочие как следует не умели. Пришлось учиться у себя же, на своих ошибках и неполадках.

Серьезным препятствием были взрывные работы. Люди привыкли рвать мелкие перфораторные шпурь, заряжая их

100—200 граммами аммонала. А для экскаватора нужно врать глубокие скважины с количеством взрывного вещества 100—200 килограммов и врать не шпуром и бикфордом, а электричеством. Скважины нужно особо правильно расположить, правильно пробурить, иначе можно пустить на ветер тысячи рублей, можно разбить экскаваторы и паровозы летящей породой, убить десятки людей.

Много было простоев и несчастьев, пока мы не освоили это дело. Плохо было и то, что наш экскаватор „Рустон“ был чересчур ветхий и ломался почти каждые сутки.

По временной дорожке с крутым подъемом втаскиваем на Шихан думкары и паровозы. Как тяжело их втаскивать! Сколько истрачено сил и нервов.

Втаскиваем думкары на канате экскаватором „Марион“. Раздается команда: — Пошел!

Все нервы напрягаются в единую мысль: не допнул бы канат, не сошел бы с рельс вагон, не уал бы... Бывали страшные моменты: наклоняется паровоз, продавливая путь, рвутся канаты...

Наконец, все думкары и паровозы благополучно подняты на Шихан.

Спускаем думкар на нижний уступ Шихана к экскаватору „Марион“. Темно. Нужно было приостановить спуск. Но решаем спускать в темноте.

Хрусталеv стоит на тормозе думкара. Вдруг лопается канат. Думкар летит вниз по рельсам. Хрусталеv, не растерявшись, затормаживает до конца и спрыгивает. Благодаря этому думкар неуредимо скатывается вниз.

Разве это не геройство со стороны Хрусталева!

Н. Сандригайло.

Хорошо за печкой — тепло!

Может, это история давняя, но все-таки была она. В число привезенных людей угадал и мой дед, Иван Кузьмич Базанов, в 1827 году. Отцу было четырнадцать лет.

Строил Демидов каждому рабочему семейству „особняк“ — дом с одним окошком. Другое окошко маленькое, руку сунуть. Тридцать сажен вглубь усада (усады), пятнадцать в ширину земли давал.

С десятилетнего возраста на подходящую работу ставили. Рассказываю со слов отца о порядках при управителе

здешнего рудника Шмакове Иване Леонтьевиче в 1850 году.

Приходит Иван Леонтьевич в забой к забойщику. А сорта мешать было запрещено.

— Что, шельма! Чего перепутал?

Берет его за волосы и дерет. Части такие случаи бывали.

Так дед забит был в руднике за невыполнение урока. Зададут вот выробить четверть сажени. Четверть тебе, чтобы сегодня сробил.

А если забой крепкий?

Приходит перед концом работы десятник с правилом (саженью). Смеряет. Потом вылезает наверх, садится у западни (крышка, которой запырался спуск в шахту). И этих вот, которые не выполнили урока, берут слуги хозяинца.

Берут в пожарную галанчу (каланчу), в которой стояла жаркая чугунная печь.

За печкой этой так томят, что человек изнемогает. Приходит Иван Леонтьевич.

— Что, шельма, нагрелся! Будешь урок выполнять?

За прогульный день наказывали.

Самая верная прислуга была Кузька Сергеев Кривой. Он звал, где кто живет, куда ходит, где котомошная. Как только скажут ему: „Кузя, поезжай!“ — Он уже разношает. В салому прталось. А он найдет и привезет.

Федор Козьмин.

Люди в западне

Я поступил на работу в 1870 году одиннадцати лет, а в шахту я спустился семнадцати лет на 91-ю сажень. Всего 100 саженей было. В 1886 году. Рабочая смена — 12 часов с перерывом на один час.

У реденького часы были. Приходилось женам горняков слушать в 4 часа ночи, как на поденщину звонят. В колоколо бреччат. На Лисьей горе, на болоте, на Медном руднике. Такой заунывный звон — чорта подымет! Баба сидит на печке, слушает у отдушны, у окошечка у маленького: вставай отец, поденщину проспали!

На пятнадцать минут опоздал, все в шахту спустились, западню на замок, никаких чертей! Иди домой...

Когда время выходить из шахты, берут березовый черешок, привяжут запяточку: „Сколь время?“ Пошлют наверх. Оттуда таким же порядком ответ.

А вылезешь из шахты раньше времени мокрый, западня заперта, ступеньки

Все в шахту спустились, западно на замок — и никаких чертей!

обледенелые. Человек 30—40 мерзнут, просят:

Отопри!

— Нет, сукины дети! Рано вылезли.

До пяти не откроет.

Домой прибежишь — портянки обледенели. Хозяйка знает. Поставит котел с водой на печку. Воду в таз выльет. Опустить ноги, оттаиваешь.

И эта работа продолжалась до 1889 года. В 1889 году появилось самое ладное слово в Тагиле — забастовка.

Федор Козьмин.

Детская каторга

Очень трудно было мне проводить свое детство. Отец мой был алкоголик,

получку всю протаскивал в кабак, а нам приходилось голодовать. Потом отец мой помер, я остался в семье самый старший, мне было в то время десять лет, а всего семьи у нас осталось после отца десять человек.

Жить было совершенно нечем.

С десяти лет я поступил сортировать малахит на Медный рудник, где проработал до четырнадцати лет.

Заработок мой был очень мал, два — три рубля в получку.

Решил эту работу переменить.

С тринадцатилетним братишкой Максимом мы поступили в „Северную шахту“ катать вагонетки.

Работать нам приходилось по двенадцати часов ежедневно.

Работа нам выпала непосильная.

Железная дорожка была не усовершенствована. Некоторые вагоны доходили весом до пятидесяти пудов тяжести. Во время катки вагоны ежеминутно сходили с рельс. Нам с братом неподильно было подымать вагон.

Я, как старше был брат, меня брало зло, что так часто вагоны срывались.

Бил я его за это по ушам. Он заплакал. Глядя на него, заплачу и я, но все таки подымать вагон и катить нужно дальше. Шахта не ждет, дает сигнал и очередной вагон все-таки подходит. Когда станешь доносить шегерю (штейгеру) шахты Сушкову о неисправности дорожки, тот заявляет:

— Ну вас к чорту, вам все негодны. Вас только осталось выгнать отсюда с работы!

В следующий раз хотя и получали аварии, но из боязни, чтобы не убрал с работы, приходилось молчать, так в то время была сильная безработица.

Д. Дмитриев.

В демидовской школе

Я остался после отца годовой. Не запомню отца. Жаль, на карточке не снимался он — посмотрел бы, какой он был. Нас трое осталось. Мать нас воспитывала. Две сестры. Одной шесть лет, за старшую она была, а другая — меньше меня.

Мать говорила, что отец был очень из себя здоровый. Настоящий горняк был. Робил и в будни и в праздник. Безответный работник. Остыл и от остуды умер на горной работе. Немного и похворал. А правило был в крыльцах (косяк сажень в плечах).

Мать ходила к прядичку Томбасову. Тот набирал вятских человек шестьдесят, рассылал их по участкам, куда потребуют. Он божественно, жи. А вятские так у него под сараем и квартировали. Имя (им) надо было изготовить на 60 человек, суп и все, хлеба пекчи (печь) прибрать, обиходить. Все это мать делала. Здоровая была, страсть. А мы сами, одни. Меня мать отдала с восьмью лет учиться. Девки неграмотные остались, а меня мать во что бы то ни стало хотела выучить.

Я проучился три года в гальянской школе. Было трудно нам третий год. Перевели нас в третий класс шестьдесят человек, а к концу года осталось двадцать. В неделю три раза приезжал к нам отец Леонид, священник. Такой худой, бородешка жиденькая... Бывало, закричит — на заднюю парту слюни летят. Он нас учил закону божию. Кому ухо оторвет, кому волосы выдерет. И все за религию за эту. Отцы на него ходили жаловаться, и все ничего... Потому и немногие выдержали до конца года. Наматает, бывало, у девочки косу на руку и бьет головой о парту.

Я сколько ни отказывался ходить в школу, мать мне давала приказ:

— Не пойдика. Не пойдика! Я тебе ни сапог не куплю, ничего!

Тоже мне за это стужку давала. И выдержал я весь год до конца. Но попов же не залюбил...

По двенадцатому году кончил я школу. Мать меня определила в приказчики к купцу Копылову. Мне не понравилось торговать. Как придут в магазин наши гальянские мужики, мне стыдно, я отворачиваюсь, не делаю ничего. Только два месяца проработал. Как на пасхе отпустили домой, я не вернулся больше. Мать гонит, а я все равно на своем:

— Пойду робить к ребятам на Медный рудник!

Мать видит — ничего не поделаешь. Сходила к магазинеру Толстову на Медный, выпросила взять меня в малахитную.

В малахитной я проработал с год, потом в рассылки пошел, проходил пять лет, а потом пошел работать на шахту. Был воротовым года три. Как двадцать лет минуло мне — в гору спустили. Катчиком работал, забойщиком. Лет восемь робил в горе не Медном.

Илья Баранов.

Жизнь малолеток

Я стала помнить себя, когда мне было лет пять. Ходила я все в церковь мимо Тагильского завода. Мне там казалось страшно. На домне работницы толкли руду балдой. Они скорее походили на страшилищ, чем на людей, — лица черные и злые. Никто из них во время работы даже ни на что не глядел. Я, бывало, останавлиюсь и долго смотрю на них.

Но когда я подросла — поняла, что они сердитые от непосильной работы.

И еще не забыть никогда, как мой отец всегда ходил с работы мокрый. Зимой застынет, сапоги примерзнут к ногам, и всегда злой. А когда пьяный или проиграется, то кто куда прячешься. Мы его боялись.

Минуло мне восемь лет. Мать повела меня в школу. Два дня прошло — я писала палочки с закруглением. Отец решил помочь мне, стал показывать. Я боюсь, и получилось, что я не так делала. Отец злился, в конце концов потерял терпение и дал мне по уху. Я со стула долой. Так долго продолжалось: соскочу, снова за работу, снова неладно, пока не надоело отцу меня учить.

Перевели во второй класс. Но вот что со мной получилось плохо: никак я не могла учить закон божий. Батюшка решил выгнать меня из школы. Вызвали мать. Она упростила, обещала шкуру с меня слоруть. Батюшка согласился.

Мать отпорола меня, но положение не исправилось. На экзамене я по „закону“ не выдержала. Больше учиться было неохота — второй год сидеть в одном классе. Но, главное, — надо было думать о работе. Отец наводил на эту мысль. Он всегда говорил:

— Вас, девчонки, кормить — все равно, что за окно бросать. Вырастете, замуж пойдете, будете работать на чужую семью. Что мне пользы тогда? Вот парнишка —

это дело! Я буду стар, и он должен будет кормить меня.

Мне обидно, что я не парнишка. Говорю отцу:

— Я пойду работать.

А отец:

— Посиди дома...

Но я упросила отца, он согласился. Мать купила мне коноплянки и сшила из мешка запон (фартук).

Вот я и на работе. Нас собралось много таких, как я, новичков и малолеток.

Сижу я раз на свалке, подол руды держу и думаю: то ли на ногах итти, то ли сидя съехать. Слышу, говорят:

— Пришел смотритель Зубакин Иван Николаич!

Слышу, кто-то говорит из моих товарищей, которые раньше поступили:

— Смотритель опять пьяный. Ишь, рассыпает клады, пустышь ищет.

Я гляжу, боюсь итти. А он по порядку подошел к моей клады — тоже рассыпал. Я жалею: сколько работы нам наделал! У нас, у маленьких, кладь была отдельная.

Началась осень. Руда застывает в глине. Плохо! Пришлось руду с глиной в

ящик закладывать. Кто-то узнал, что Зубакин пропил все, и его сняли. Поставили Климова Александра Павлыча. Вот пришел новый смотритель и давай тросточкой глину отковыривать от руды. Сказал:

— Я тебя за такую штуку уволю.

Страшно мне было смотреть на него. Ушел.

Как-то я только глины натискала в ящик и еще не засыпала рудой, а брат мне ватрушек принес. Уселась завтракать. Климов идет. Я чуть ватрушку не уронила от страха. Он подошел ко мне и глядит, как я сижу, экая малая, да замерзла, да грязная. Ну, думаю, ткнет тросточкой и сразу глину найдет. Что делать? Как-то надо к нему подмазаться. Я положила на руку ватрушку и говорю:

— Александр Павлыч, покушай моей ватрушки!

Он повернулся и ушел. Вот было радости! Но скоро он меня все-таки уволил.

Я не знала, куда бежать. Домой итти — налупят. Мать налупит — еще не горе, ну, а если отец бить будет? Страшно! Сколько ни плакала, а домой пришла. Ни жива

Работать нам с братом приходилось по двенадцати часов ежедневно. Вагоны весом иногда до пятидесяти пудов, часто сходили с рельс. Нам было непосильно подымать вагон. [К рассказу «Детская каторга»]

ни мертва залезла на печь. Думаю: не сказать — утром будут будить на работу, тогда хуже. Хоть в слезах, но скачала. Отец ничего:

— Холодно! Посиди дома зиму...

Зима прошла. Я снова на камешках. Тяжело много брать, спина болит таскать тяжелые подола. А мало таскать — получать будет нечего. Стала я на гонку посматривать, у гонщиков проситься кататься, лошадей управлять. Скоро меня взял старичок один на гонку. Я так старалась угождать ему, что он хвалил меня. Дело пошло. Мои подруги все собирают камешки, гонять их не берут, а я гоняю. Хоть и на плохой кобыле, а все же гоняю.

Кончилось лето. Зимой в самую стужу я опять дома. Мать накупила мне кое-что и говорит:

— Надо заводить приданое! Вот давай шить платье на рост. Ну, когда реденько оденешь в церковь...

И сшила с высокой талией под самые пазухи с тремя сборками в пять полос. Из двенадцати аршин. Да сшила мне платье с пузырями на руках, да капюшон пришила, чтобы руки закрывал, да такой капюшон, что даже не знаю, к чему его применить, да шаль плюшевую купила.

И оделась я во все новое, в церковь пришла... А из церкви пошла — подол у платья от снега мокрый сделался. Платье было сиреневое и цветки на нем разные. Так я его отшлепала, что мать подолом подмоченным мне рыло натыкала, чтобы знала я, как надо подбирать платье, не по снегу его тащить. Бьет да приговаривает:

— Да шкура ты барабанная, да неряха ты проклятая, много вот тебе уберегешь приданого, вот первое платье на тебя одела, и ты его испортила... На вот! На вот! Всю морду разобью... Да одену на тебя холст — будешь тогда помнить, как надо беречь. Я еще бабушкину одежду берегу чистенькою, вот как берегу, а ты, такая неряха, и дочерям своим не уберегешь...

Началось мое горе с платьями — платья есть, а носить нечего.

Просидела я эту зиму последнюю и с весны стала думать итти гонять к крупным подрядчикам, которые не робот сами, а все дело у них лежит на рабочих.

Тут я и узнала, что значит богатые подрядчики против того старичка, у которого робила на плохой кобылке. Он

расчитывал на совесть, нисколько не обижал меня. У крупных подрядчиков я пошла на лошадей хорошую. Придешь утром запрягать лошадей, колеса намажешь и лошадей сама запряжешь и на работе одна все больше кладешь. А расчет у всех один — недодать да схерить. Ходишь — ходишь за деньгами, а он все: „нет мелких“... Ну, который ничего, а который ни за что не хочет платить под всяким предлогом: „мало заработил“ да „после отдам“ и т. д. Много тогда денег подрядчики недодавали рабочим.

А батраки, которые жили у подрядчиков, те никогда не выбрабливались из долга.

На руднике нам жаловаться некуда. Подрядчик что хотел, то и делал. Мы совершенно ничего не знали о производстве. Администрация с нас рвала: кого штрафовала, кому приспывала. Кто не робил — получал, а кто, бывало, заработит, и получать нечего.

Таисия Чернышева

А рябчики — пополам!

Я выпросился на Железный рудник работать кузнецом в 1883 году. Проработал три дня. Смотритель Викентий Алексеевич Берг снял меня с работы неизвестно по какой причине, а вместо меня принял Степана Зосю, который принес ему две живых рыбы.

Пошел я к Бергу спросить, почему меня из кузницы сняли. Он ответил:

— Не нужен!

Потом воротил меня и спрашивает:

— Ты охотник?

— Охотник.

— Вот принеси мне рябчиков — на работу приму.

Не хотелось мне итти смотрителю за рябчиками, но делать нечего: проходил два дня, настрелял шесть штук, понес смотрителю. Берг охотно взял их и велел выходить на работу.

Как-то узнав, что я хороший охотник, он вызвал меня в свой кабинет и говорит:

— Я слышал, что ты хороший охотник. Сейчас весна. Давай ходить на охоту, рябчиков будем делить пополам. А за это время я буду тебе выписывать по рублю пятьдесят копеек в сутки.

Я согласился и кормил смотрителя Берга рябчиками три весны и три осени.

Иван Крючков.

Без полиции, а порядок

Слышим мы, что царя Николая свергли. Сюда в Тагил телеграмма, видно, пришла. Уж как мы себя тут на высоте почувствовали! На галанчах зазвонили в колокола:

— Давай сход!

Народу сбежалось — тучи!

Со всех концов народ на сход побегал. Собирались по частям: на Вые, в первой части, в третьей части. Всюду ребята ладные были, наши рабочие. Тут-то большевики и выделились.

Первым долгом предложили.

— Долой полицию!

— Долой наемных шкурех!

— Пусть будет наша, народная милиция!

Я был на гальянском сходе. Меня выбрали в число милиционеров. Интересно то, что Филипп Чулков, крупный кулак — подрядчик с Железного, был промеем нами выбран начальником.

Надели красные повязки на рукава, стали наблюдать за порядком. Тут подошла пасха. Уж Гальянка наша известна была драчами (драчунами). Раньше, как пасха, бывало, пьяных кругом полно, хулиганство, драки. Полицейские на Гальянку даже боялись ездить. А тут всем на диво показалось. Даже бабы удивились:

— Вот тебе и изволь! Полиции нет, а тихо.

Ни хулиганских песен, ни криков — все честь честью. Мы безоружны ходили. Скажем только:

— Ребята! Порядок чтобы! Чтобы не было безобразий этих, какие раньше велися. Бросьте!

Все слушались. Если играют где в картешки на улице — разойдутся.

Илья Баранов.

Робить надо!

Значит, уж мой года уклонные. У меня одна заповедь: надо робить. То надо сделать, это надо сделать. Больше ничего. Ну, я все же доволен. Я два документа имею героя труда. Роблю и роблю.

В девятнадцатом году осталось нас на руднике, коннозавойщиков с лошадьми, человек десять. Фомич тогда ходил за смотрителя. Он с нами всю бытность тут водился до двадцати первого года.

Думали: „Сохраним рудник? Сохраним!“

Ночью бежит Фомич — рыссылок-то не было.

Он, Михаил Фомич Боровых, сам все бегал. Если сам нарчит, — придем. К Гане прибежит, ко мне ли, к Васе Бородину, — бывало, никогда не откажемся. С семьями прямо приходили.

Дожди были сильные. Подмывает трубы водоотлива. Они по красному боку, по мягкому, на брусьях висят. Кабы торнуло магистраль — затопило бы выработку. Мы уж брусья запасные да столбы припасали для подставки труб.

Раз дождь был страсть сильный! Ровно таких дождей и не бывало. Устой под водоотливными трубами подмыло. Рудянка из берегов вышла. Ой, мать честная!

Ночью Фомич прибежал на рудник. Мокро. Темея. Он кричит машинистам водоотлива сверху:

— Как, ребята? Ровно плохо идет вода? Плохо вода убывает у вас! Что не спускаете моторы?

— Да толку-то, — кричат, — никакого нету! Гнет трубы. Свертки перегибает!

Взглянул Фомич на магистраль и обомлел. Батюшки, что делается! От каждого свертка — где труба с трубой свернута — вода по белякам бьет. Трубы уж качнулись сильно и того гляди совсем разойдутся. В свертки бежит вода. Гайки-то отвернулись.

Побежал я наржать близ живущих рабочих. На третьем уступе было, на самом это на паршивом месте. Мягкая глина больно была, выворотить ногу не можно. Грязина, да ночка, да ничего не видно, да будь ты трижды проклят! Взглянет на ноги: то ли в обуви, ли в чем! Все-таки идем спасать рудник. Потом говорил Фомич:

— Не будь вас, вот этих мужиков ничего бы от рудника не осталось. Все бы залило. Пруд бы на этом месте был.

В такую мокреть вытащи кого робить! Три слова только и сказал бы другой: „Да больно-то нужно.“

А мы пошли!

По Кузьку Бушуева, перво он прибежал. Кузька пришел и артель свою привел — братьев Зыковых. Федька Раскатов, Ганя Якимыч, я, еще кое-кто пришел. Собрались на уступе, начали столбы подставлять, чтобы трубы не падали.

После мотор спасали.

Мотор один совсем было затопило. Вот воды сколько уж было! Выше гайки с полметра. Стали отрывать его — нейдет... Ганя Якимыч говорит:

Мотор совсем было затопило. Стали отрывать его, — нейдет. Якимыч с ключом в руках спустился в воду, а вода была ключевая, холодная. Спасли мотор мы.

— Ну, ребята, деваться некуда, последнюю гайку надо отвернуть уж ни срубить ее, ничего нельзя.

И с ключом в руках спустился в воду. Сам-то стоял в аккурат по шейку, в аккурат до этих пор в воде. Вода была ключевая, уж очень холодная. Зубами он так: «А-в-в-ва-в-ва! А-в-ва-в-ва!»

Как сейчас помню. Отвертывал он ключом гайку. Два поворота сделал:

— Ну, ребята, спасены!

— Вережками сперва спутали мотор. Тялю подняли на третий уступ.

Я вино не пью. Мне и было поручено угощение мокрых мужиков, которые отрывали мотор. Я только давал по стаканчику, по одному.

А так нельзя было много-то. Переются.

— Когда работу кончите — тогда доста пейте.

Спасли мотор мы. Наладили трубы водоотлива. Радуетса Фомич:

— Ну, ребята, бегите домой... Просто спасибо.

Никому так не доставалось, как нам досталось. Ругали подрядчики:

— Ну какой вас чорт ночью несет робить? Хватаете на кого?

И все же наша взяла. Были мы ударниками и в то время.

Андрян Пшакун.

Беспризорник

Наступил голодный 1921 год. Пришлось мне ездить в поисках хлеба. Спекулянты уставят все нары мешками с мукой или рожью, а сами разлягутся на мешках. Везут всего подходяще. А мы, ребятшки, сидим под нарами, ждем, чтобы контроль прошел. Контролером был Колька Баранов Трифонович, куриный паренё с Гальянки. Каждый его знал. Мы сидим под нарами, молчим, авось не услышит. А спекулянты доказывают ему:

— Сидят, под нарами-то!

Он спрашивает:

— Кто под нарами?

Мы отвечаем:

— Зайцы!

— Вылезайте!

— Волков боимся!

Он засмеется и уйдет.

После проверки спекулянты дождатся спать. Большие мешки кладут под головы, чтобы их не украли. А мы снизу

в щели между досок прорезаем перочинными ножиками эти мешки и подставляем свои. Мука ли, рожь ли тоненькой струйкой бежит сквозь дырку из их мешков в наши. Спекулянтка на мешке, знай, храпит, а голова-то ее все ниже да ниже клонится. Как только наполнишь свой вешевой мешок, быстренько завяжешь его, на первой же остановке выскакиваешь. Спекулянтка проснется, начнет шуметь:

— Мешок распорол! Хлеб покрали!

А нас поминай, как звали. Мы на обратном поезде уже к себе домой едем...

Так шла моя жизнь в 1921 году. В 1922 году я совсем обнищал, пошел по деревням под окнами собирать. В тот год много народу померло. Покойников часто складывали в пустые сараи на околицах деревень. Я залезал в такие сараи и менялся с мертвецами обувкой. Стянешь с него пимы хорошие, а ему наденешь свои:

— Носи, друг! Тебе ведь все равно на том свете. А мне холодно...

Однажды я возвратился из деревень больной. Девять дней пролежал дома. За девять дней у нас умерло четверо: мать, бабушка, двое братьев. Я остался один, тяжело недужный, очень слабый и истощенный голодом. Лежал в избе у окна. Караулил, когда пойдет мимо старый горняк большевик Каписко.

Вот он показался, высокий, черный.

Я открыл окно и стал просить его, чтобы он меня убил. Он посмотрел и спросил:

— За что?

— Я голодаю четыре дня...

Он сказал:

— Подожди минутку. Я сейчас пришло...

Прошло пять минут. Прибегает мальчишка, такой же черный, как и он, сын его Мишка. Принес хлеба.

И так каждый день Каписко стал носить мне хлеба. Когда идет со службы, обязательно передает мне фунта два или полтора. Он кормил меня, пока я не поправился.

Григорий Биков.

Как разведывают железную руду

Под этой горой (Высокой) руда. Прежде всего, надо точно узнать, где она именно залегает, сколько ее и какого она качества. Надо достать кусочки руды на пробу. Может быть, это такая руда, которую вовсе невыгодно разрабатывать.

Или ее мало. Или она таится чересчур глубоко. Надо разведать руду, прежде чем ее добывать. Зайдем на Шихан (вершина горы Высокой) в бревенчатый сруб с дощатой вышкой над его крышей. Трое рабочих возьмется у черного замасленного станка. В станке что-то вертится, мелькают трансмиссии, хлопает в насосе вода.

Это станок алмазного бурения, сруб — бурильная вышка, а дощатый колпак — копер.

Бурить руду, которая почти железной плотности, лучше всего алмазом. В головку бурильной трубы — в коронку — вчekanено 8 алмазных камешков; четыре ближе к внутреннему краю коронки, четыре — к внешнему. Они посажены вперемежку. Коронка сидит на трубе, которая называется колонковой трубой.

Завертится коронка бура и вопьются ее алмазные зубы в рудное тело горы. А труба начнет заглатывать колбасу из руды, как уж заглатывает лягушку.

Эта рудная колбаса называется „керна“. Колонковая труба может вобрать в себя три метра керна. В геолого-разведочном отделе есть такие трехметровые колбасы из руды. Но получаются они такой длины редко, потому что руда и камень обычно перемежаются слоями мягкой породы и дают в виде керна разноцветные коротенькие колбаски.

Ну, хорошо. Вошла колонковая труба на три метра, а дальше? Дальше к ней сверху привинчиваются трубы-штанги. Колонковая труба только „забурник“, ее дело итти вперед, прокладывать путь в руду. А за нею потянется столько „штанг“ по три метра длиной каждая, ввинченных друг в друга, какой глубины скважину следует пробурить.

Задача станка — так держать и вертеть штанги, чтобы они не ломались, не стачивали алмазные зубы, а неуклюжо выгрызали бы из горы круглый керн.

Станок работает электромотором. Каждую смену штанги вытаскивают, развивают, а керн отправляют в геолого-разведочный отдел для исследования. Главный геолог передает его в химическую или механическую лабораторию и по возвращении керна с анализом точно определяет сколько, где и какой руды содержит Высокая.

Андрей Рыбаков.

„Петька-Лягушонок“ и „коломенский гость“

Летом 1930 года на Высокогорский рудник был прислан первый крошечный

паровозик в две оси по прозвищу „Петька-Лягушонок“. Он предназначался для откатки вагонеток с мойки Тимошенко на бункера. „Петька“ был старый, таскал очень мало груза, мойка из-за него постоянно стояла. Я работал на ремонте этого паровозика в ожидании новых паровозов. Чтобы использовать экскаватор на вскрыше южного борта горы Высокой, надо было проложить узкоколейный путь на отвал.

Тогда экскаватор, только что собранный, уже стоял на южном борту и клал породу в костромские вагоны. Откатка велась мотовозами, которые брали только по два вагона и везли очень медленно. Экскаватор простаивал 80 проц. своего рабочего времени. Ожидалось прибытие узкоколейных коломенских паровозов. Надо было приспособить для них пути.

Начались субботники по перекладке путей, балластировка, увеличение радиуса кривых. Не все еще верили, что коломенские паровозы пойдут по нашим путям нормально. Но на субботники шли все, отправлялись на южный борт, получали вачеги, инструмент и приступали к работе.

После трех- или четырехчасового коллективного труда все вместе ужинали

в столовой. Руководители — секретарь и директор — работали вместе с нами все время, настойчиво убеждали тех, кто сомневался, что коломенские паровозы пойдут.

Первого „коломенского гостя“ все ждали [с большим нетерпением. „Петька“, лояльно чувствуя, что идет сильный конкурент, старался доказать, что он сможет всю работу повернуть и один.

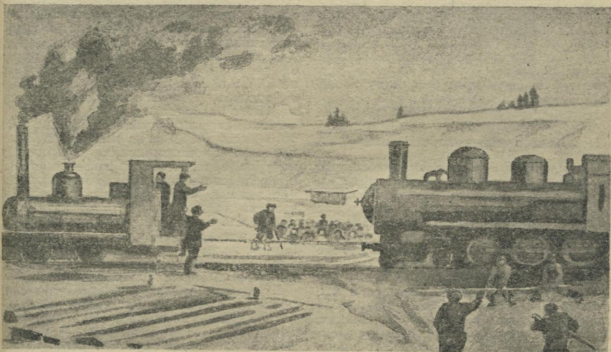
Голосистый, как молоденький петушок, „Петька“ с длинной высокой трубой то и дело шмыгал с вагонетками от мойки Тимошенко на бункера. Выше будки торчала голова машиниста Францева. Он себя чувствовал героем!

Но напрасно хотел доказать „Петька“, что он и один своротит все горы рудника. Эти горы велики, и много с ними требуется работы...

Вечер. На улице холодно. Начало ноября. Идет мелкий снежок. В тупик, подталкиваемый широким паровозом, подается нам на платформе долгожданный „коломенский гость“.

Он кажется таким большим, что даже не верится, что это чудовище поедет по узеньким путям рудника.

Новый, только с завода, он и в сумерках блестит своими свеженькими частями.

Подцепили к „Петьке-Лягушонку“ „коломенского гостя“. Дернул „Петька“ — и ни сместа.

На эстакаде народ. Нужно разгружать „коломенского гостя“. Тут и Тихонов, дорожный мастер, в своих неизменных стоптанных сапогах, и заведующий дорожным цехом Бушин. Много работников обсуждают:

— Как его разгрузить?

Установили план разгрузки и подвели под паровоз рельсы. Привязали „гостя“ канатом.

„Петька-Лягушонок“, квакнув, подбежал к месту разгрузки, всем видом своим показывая, что он и не такие дела делал.

Подцепили к нему „коломенского гостя“, дернул „Петька“ — и ни с места. Пробует он — и опять ни с места. Не берет. Присмирел бедный „Петька“. Задумались и руководители — как разгрузить коломенца?

Решили в помощь „Петьке“ прицепить мотовоз.

Медленно, чуть потрескивая выхлопом, неуклюжий, как черепаха, подполз к притихшему „Лягушонку“ мотовоз. Но и двое они не смогли сдернуть с места грузного сотоварища.

Прицепили второй мотовоз.

Взяли враз, дернули, и, медленно поворачивая колеса, „коломенский гость“ встал на землю Высокогорского рудника.

Через четыре дня на этом коломенском паровозе повел первый состав из шести костромских вагонок вместо трех копелевских, которые таскал „Петька-Лягушонок“ от эскаватора на отвал.

Паровоз сразу стал работать вполне нормально. Это очень подняло дух рабочих. Люди увидели результат своих дел. Выросла вера в свои силы.

П. Серебряков.

„Педадь мертвого человека“

Вот мы работаем на электровозе уже двадцать дней, и ни дня еще не прошло, чтобы каждая смена не делала его капитальную чистку. Он все время у нас блестит. И будет блестеть вперед! А как же иначе? Ведь взяли лучших паровозников-машинистов и обучают их работе на электровозе. Стыдно было бы нам загрязнить такую машину.

У электровоза четыре мотора и все четыре оси — ведущие. А у паровоза ведь всего одна ведущая ось. Значит, сила сцепления колес с рельсами у электровоза в три раза больше. Это очень важно для рудника, потому что на нем все время подъемы.

Электровоз зеленоватый, защитного цвета хаки. Он похож на брусок, посередине которого выставляется будочка машиниста. Над будкой, как шупальцы, поднимаются вверх изогнутые прутья токоприемника.

В будке полная чистота, есть шесть манометров и два контроллера — один на задний, другой на передний ход. Есть в электровозе два компрессора с электроавтоматическим регулятором давления воздуха. Как доходит давление до 9 атмосфер — автомат-регулятор разьединяет контакты. А как давление опустится до 7½ атмосфер, так он сам соединяет контакты, и компрессор опять работает независимо от желания машиниста.

— Четырнадцатого вы переходите на электровозы, — сказали нам.

14 ноября утром мы вывели электровоз из депо. Присутствовало нас четверо машинистов.

Серебряков показал нам, как надо ехать. Для того чтобы строить электровоз, надо включить силовые моторы, три цепи управления и „педадь мертвого человека“.

Мы стоим у контроллеров. Под ногами у нас эта педадь — пластинка, на которой стоит машинист. Во время движения электровоза машинист не должен с нее сходить. Как только сошел, электровоз остановится. Силовые моторы перестанут работать. Тормоза-автоматы сразу затормозят движение.

Если, скажем, машинист вдруг умрет от разрыва сердца, то он свалится с педали, и электровоз остановится. Потому педадь и носит название „педадь мертвого человека“.

Манометры показывают давление сжатого воздуха. Два из них определяют давление автоматических тормозов у контроллеров, два другие — давление прямодействующих тормозов. А последние два манометра указывают давление воздуха для опрокида руды из думкаров и для электроаппаратуры. Вот для чего электровоз имеет манометры. А контроллеры — это аппараты, которые производят пуск машины, регулирование скорости и электроторможение.

Контроллеры могут давать три скорости хода электровоза: тихий-последовательный — километров 10 в час, последовательно-параллельный — километров 15 — 20 в час и параллельный — до 67 километров. Как только переключишь с одного на другой, электровоз сразу:

дерг! На параллельном-то мы пока и не ездили. Боймся, не позволяют пути.

Больно в электровозе-то зимой хорошо! Имеются электропечи для согревания кабины. Чисто. Масляного там нет ничего. Все блестит. Мы работаем раздевшись, в белых рубашках с галстуками, в хороших ботинках и костюмах.

Вот рассказ о нашей первой поездке на электровозе.

Первому позволили ехать мне. Чтобы испытать силу тяги, я прицепил к электровозу три думкара и паровоз. И какую же силу имеет электровоз! Ведь один паровоз весит 80 тонн и каждый думкар по 27 тонн. Он их стронул играючи.

Сначала мы все трое влезли в кабинку. Ребята наблюдают. Я взялся за контроллер, наступил на педаль. Аж дрожь берет, руки трясутся. Боюсь. Озноб меня прошибает. Решаюсь держаться бодро.

Включил вентиляторы, они зашумели с визгом. А затем — и силовые моторы. Электровоз тронулся. Тихо, спокойно, мерно. Без всякого толчка. Стакан чаю в него поставь — и то не сплеснет ничуть.

Стали взбираться на подъем. Я взглянул назад — паровоз и думкары за нами едут.

Машинист соседнего паровоза кричит мне:

— Все равно растянетесь!

Не поднимаем, значит. Сила моторов не одолеет подъема. А нам хоть еще столько прицепляй — и то вывезем. Ребята в кабине сидят — восхищаются. Так и улыбаются во всю.

А я не помню себя. Думаю: „Вот я овладел какой техникой! Пуше американского инженера..“

П. Полуэктов.

ИЗУЧАЙТЕ СВОЙ КРАЙ!

В дни своего отпуска и в этом году десятки и сотни молодых рабочих пойдут в краеведческих партиях по горам Урала в поисках нефти и золота, по каналам и рекам Кольского полуострова в поисках кратчайшего водного пути, заникмам Восточной Сибири, собирая народные песни, сказки, бы- динны.

Все это выражает огромное стремление познать свою страну. Но все это — проявление личной инициативы отдельных энтузиастов, все это еще достаточно стихийно и неорганизовано.

Нам нужно подлинно — массовое краеведческое движение, которым бы в плотную, прежде всего, занялись комсомольские организации.

Какие увлекательнейшие возможности для краеведения у комсомольцев Урала!

Среди жителей уральских сел часто встречаются искатели камня и руд. Эти рабочие и крестьяне так же, как и большинство наших самоучек-изобретателей, страдают от недостатка образования, но обладают в то же время удивительными знаниями природы, умением подмечать и наблюдать. Сколь-

ко полезных ископаемых открыто этими охотниками за камнем!

Почему не организовать встречу их с молодыми, начинающими следопытами? Почему не направить вместе со старыми охотниками молодых краеведов в еще не разведанные места?

На старых заводах уральских капиталистов Демидовых, Строгановых сохранились неизученными ценнейшие архивы с документами о крепостном труде, о барщине на заводах, о развитии техники и т. д. Они могут дать очень много интересного для изучения нетронутых документальных богатств.

Незаслуженно забытый сейчас талантливый писатель Мамин-Сибиряк оставил в своих романах и повестях образы людей и нравов старого Урала. Как интересно было бы пройти по новому Уралу со своеобразным „путеводителем“ — кингми Мамина-Сибиряка, чтобы сравнить настоящее с прошлым и потом рассказать о невиданном расцвете своего края.

„Комсомольская правда“

СТА Р Ы Е

У РА Л Ы С К И Е Б Ы Л И

И Н О В Ы Е

Люди, ворочающие горами

Резко затрещал будильник.

Инженер быстро встал с кровати и открыл окно. Прохладный воздух бодро и резко пробежал по телу.

Инженер посмотрел в окно: начинался замечательный осенний уральский день.

Гора Караульная своим бурым гребнем на северо-востоке четко рисовалась в прозрачном воздухе, даже самые маленькие чахлые березки на вершине были видны отсюда невооруженным глазом.

Инженер вынул из шкафчика бритвенный прибор.

В такой день, особенно торжественный для него — главного производителя работ, день, в который решалась судьба его упорной годовой работы, он должен быть особенно придиричивым именно к себе. Выбирая свой лучший галстук, надевая самый новый костюм, он этим самым отдавал честь своему труду, своим товарищам, самому себе.

К восьми часам утра инженер был совершенно готов. Он теперь совсем не походил от того сутулого человека в залатанной спецовке, которого с утра до вечера видели на участке. Он изменился так, что, подойдя в последний раз к зеркалу, свистнул от удовольствия.

Перед ним стоял высокий, широкоплечий человек с уверенными, очень молодыми серыми глазами, человек, ничем не уступающий любому американцу.

...Он посмотрел на маленькую карточку, прикрепленную кнопкой к белой деревянной стене. Разве этот мальчишка, маленький вихрастый беспризорник, и есть он — инженер Александр Николаевич Чеканцев? Прошло только десять лет с тех пор, как он ночевал в ростовских асфальтовочных котлах, играл на деревянных ложках, ездил в багажных ящиках, голодал.

Прошло десять лет, — и вот он стоит перед самим собой, перед зеркалом и видит эту высокую складную фигуру в светлом костюме, в галстук стального цвета, в накрахмаленном воротничке, в

желтых полуботинках, свежесбривший, уверенный, молодой.

А за окном высится угрюмая старая гора, огромный бурый массив кварцита.

Сегодня, ровно в четыре часа, он, Александр Чеканцев, опустит рубильник, чуть щелкнув, вспыхнет зеленая искра, побегит электрическая молния по шнурам, и двадцать пять тысяч килограмм аммонала, заложенных в недрах глубоких штолен, обрушат гору, дадут десятки тысяч тонн глыб и осколков первосортного кварцита.

* * *

Чеканцев вышел из дома. Он пошел по поселку, мимо белых домов-коттеджей, по пустоши, побуревшей от солнца, по редкому березовому лесу. Ему вспомнились слова корреспондента московской газеты, с которым он беседовал вчера:

— Вы счастливый человек, Александр Николаевич, — говорил этот корреспондент. — Вы делаете удивительные вещи. Посмотрите на этот ландшафт, на старый, угрюмый уголок Урала, на эту Караульную, которая как будто бы сторожит каменное вечное спокойствие. Разве это не замечательно — одним движением руки изменить весь ландшафт, перевернуть горы?

Ковырялись в горе заводчики. Кустарно наскребывали по полкубометру кварцита в день (жгли на породе котры, раскаляли ее, затем обливали водой), — дул однообразный „сивер“, шли дни... Когда-то Караульная называлась Липовой — росли на ее склонах редкие липы. Эта гора была единственным месторождением липы на Урале. В шестидесятых годах прошлого столетия начал выходить на ее вершину мужичок в нагольном тулупишке (от этого мужичка осталась слабенькая подозрительная трубка): лесничество приступило к наблюдению за лесными пожарами. С этого времени гора получила наименование Караульной. Почти два века берегла она суровый покой этого лесного угла, чахлые свои липы, бурые массиво

кварцита, и вот теперь сразу меняется все: приходят новые люди, открываются новые производства, долина приобретает новое значение, даже птицы начинают петь как-будто по-иному.

* * *

...В конторе было дымно и шумно. Кроме подрывников с красными повязками на руках, приехало большое количество „гостей“. Увидав их, Чеканцев вежливо поморщился.

С гостями — представителями объединений, газет, кинооператорами, фото-репортерами, с этим народом он не умел обращаться.

То, что было для них особенным, занимательным и побуждало соваться в самые рискованные места, для него являлось итогом упорной работы, огромнейшей ответственностью. Не исключена была и опасность того, что именуется „необходимым производственным риском“.

Гостям надо было рассказывать подробности, указать им места, с каждым нужно было вежливо побеседовать, каждому объяснить то, что было уже год известно ему, инженеру Чеканцеву.

И он говорил почти заученные слова: — До этого дня самым большим взрывом в СССР был знаменитый Жигулевский взрыв — 36 тонн аммонала. Но там была легкая порода, а потому и подготовка к взрыву была проще. Здесь же, на Караульной, пришлось проходить крепчайшую породу — кварциты. С молотками самого тяжелого типа удавалось проходить в смену только 90 сантиметров. Вот как трудны и сложны были подготовительные работы. Подземных проходов проложено 143 метра, шириной в 1,2—1,6 метра. В этих проходах заложено 11 зарядов аммонала, от одной до четырех с половиной тонн каждый. Метод взрыва — электропаление с применением детонирующего шнура. Задача взрыва — выбить из-под горы такое количество породы, чтобы гребень мог осесть в образовавшуюся пустоту.

* * *

...В двенадцать часов дня последний обход. Прорабы внимательно проверяли свои участки. Чеканцев обходил скважину за скважиной. Сейчас он напоминал полководца, изучающего место будущего сражения.

Подрывники в красных повязках, 25 тонн аммонала в горе, вооруженные винтовками пикетчики, одевшие гору и не допускавшие к ней посторонних ближе чем на 5 километров, красный флажок на вышке конторы, общее возбуждение, особенная суровая озабоченность, не сходящая с лиц присутствовавших — все это придавало участку подлинно военный вид.

Частые, глухие взрывы доносились с востока, где незначительными зарядами рвали малый массив. Они как бы подчеркивали напряженность сегодняшнего дня, его конечную цель.

Корреспондент фотографировал ребристые темные скалы с ярко желтыми надписями: „Скважина закончена бригадой Селихманова ударно — 12 часов 6 ноября 1934 г.“, „Скважина закончена бригадой Сабирова ударно — 10 час. 5 ноября 1934 года“.

В эти скважины уходили провода, шли в недра горы, где был заложен аммонал.

Обедали в два часа. Обед проходил тихо. О взрыве старались не говорить. Когда представитель динасового завода пробормотал что-то о детонации, на него посмотрели с каким-то сожалением и завели совершенно посторонний разговор о свердловском оперном театре.

Чеканцеву было трудно есть. Он ел через силу, без аппетита. Сказались и бессонные ночи последней недели. Мешали направленные на него любопытные взгляды гостей. Люди ели, посматривая на него, как на „хозяина дня“.

Когда он брался за вилку, многим казалось, что он берется за рубильник. Это чувство постепенно передалось и Чеканцеву.

Наконец, он вытер губы салфеткой и встал. Встали и остальные.

Все пошли в сторону Караульной, мимо труб Первоуральского динасового завода, того самого, который с нетерпением ждал сырья, — результата сегодняшнего взрыва. Его, в свою очередь, ждали заводы Востокостали. („Динасовый кирпич, изготовляемый из молотого кварцита с готовляющей примесью извести, способен выдерживать самые высокие температуры. Поэтому он необходим для металлургических печей“, — записал в свой блок-нот корреспондент).

* * *

Чеканцев сидел около мраморной доски запечатанного рубильника и смот-

рел в окно. Два сигнальщика молча стояли за его спиной. Часы показывали без пятнадцати четыре. Ему казалось, что они стучали особенно громко и резко.

За окном высился бурый гребень Караульной и виднелась вереница кривых столбов, уходящих от дома к гребню горы.

...Часы показывали без двенадцати четыре.

И вот на этой двенадцатой минуте Александр Чеканцев неожиданно почувствовал, что холодный пот выступил на его висках.

Им овладел новый приступ тяжелой ответственности.

Он вспомнил, что есть шанс, дикий, но возможный, когда при наличии естественной пустоты в породе, взрыв может произойти не так, как предполагалось планом, а сосредоточив всю силу взрыва в этой точке естественной пустоты.

Такой взрыв уподобится выстрелу из чудовищного орудия и сметет на своем пути все. Невозможно же было прозондировать несколько миллионов кубометров чистейшего кварцита!

Чеканцев сжал губы. Они высохли и горели.

Что могло бы случиться при таком взрыве?

Неизвестно, в какую сторону последовал бы выстрел, а следовательно, неизвестно, какие бы разрушения он причинил.

Во всяком случае, попади он в зону чеканцевского рубильника, никто не остался бы в живых.

Если бы даже взрыв обошелся и без человеческих жертв, то пропали бы двенадцать месяцев упорной работы, погибли бы бесцельно 25 тонн аммонала, получилась бы ужаснейшая неудача, позор.

Часы показывали без десяти четыре. Чеканцев встал.

— Давай сигнал, Федоров, — почти шопотом сказал он.

Федоров махнул сигнальным флажком.

Резко ударил предупредительный выстрел: взрыв последует ровно через десять минут.

Стало удивительно тихо.

Чеканцев зашагал по комнате.

— Нет, не может быть неудачи, — громко и неожиданно сказал он. — Пора. — Он снова сел к рубильнику.

Без пяти четыре...

— Колокол, Федоров! — твердо сказал Чеканцев.

Над старой березовой рощей, над долиной монотонный и заунывный проплыл густой голос колокола.

Дальше было просто и страшно.

Часы показали четыре.

Рука легла на холодную ручку рубильника.

За окном спокойно высились каменная громада Караульной. Гнулись наверху чахлые березки.

Рука нажала...

Чеканцев не услышал шороха соединения. Он лишь увидел, как из-под горы вырвался буро-желтый, клубящийся шквал дыма. Тяжело ударило в ноги. Звякнули стекла. Волна удара прошла через ступни до сердца, до глотки и остановилась (Чеканцев вспомнил, что он забыл открыть рот).

Березки наверху дрогнули.

Гребень сломался надвое.

Середина гребня рухнула куда-то вниз. Все заволочилось тяжелой тучей дыма и пыли, словно проснулся долго дремавший вулкан и началось извержение.

Чеканцев выбежал из дома.

Его обгоняли другие люди. Все спешили к месту взрыва, к дымящимся облакам. В воздухе пахло развороченными недрами земли и газами аммонала.

Чеканцев, задыхаясь, остановился.

Мимо него пробежали кинооператоры, поблескивая никелем тренога и аппарата, прораб Урванцев, молодой ленинградский практикант.

Но Чеканцеву уже не нужно было спешить. Он увидел дело своих рук там, где только что возвышался бурый гребень Караульной горы, — голубело осеннее небо. Ниже, словно дорога к нему, именно так, как предусматривал план, лежал полукилометровый путь желтых ребристых обломков, словно каменный ледник спустился с горы и стер половину ее гребня и захватил ее с собою.

Чеканцев вынул портсигар.

Он понял, что взорвет еще не одну гору, что дело его прекрасно, что задание партии и правительства выполнено хорошо. Он вздохнул всею грудью и спокойным шагом направился к толпе гостей, собравшихся перед грядою обломков взорванной горы.

— Это тебе не фабричную трубу взорвать! — были первые слова, которые Чеканцев услышал после взрыва. Пикетчик, обратившийся с этими словами

к товарищу, увидев подходившего к ним Чеканцева, неожиданно замолчал, шагнул по направлению к инженеру и крепко, до боли, пожал ему руку.

Юрий РЮМИН.

От редакции: В следующем номере „Уральского следопыта“ читатели найдут очерк о еще более грандиозном взрыве на Аурзаховском рудорождении, написанный свидетелем его — Е. Степешко (журналист) и В. Телиным (фото-репортер), иллюстрированный фото, заснятым последним с расстояния 400 метров от места взрыва, в то время как радиус падения взорванной почвы определялся 800 метрами.

Памятники

Мы разговаривали о памятниках старины. Каждому из нас не было и двадцати пяти лет. Но это не мешало нам отлично знать свою родину, ее бесчисленные богатства и достопримечательности, встречающиеся на каждом шагу. Наконец, в тот вечер мы праздновали нашу встречу. Естественно, разговор был не только содержательным, но и живым. Яков Беренов, ставший теперь гордостью всей страны, коммунист и геолог, сказал:

— Мы молоды. В наши годы вполне уместно поговорить о чувствах. Вот я и расскажу вам об одном замечательном памятнике, который возник из чувств, свойственных только нашей эпохе. Итак, о памятниках и чувствах.

— Наполеон, покорив Египет, как свидетельствуют историки, стоял перед пирамидой Хеопса, задумчиво склонив голову. Созерцая пирамиды, он не мог не подумать о рабах, воздвигнувших ее. Рассматривая картины Федотова, мы не избежим мысли о горькой судьбе этого русского художника и о его времени, вернее безвременьи для всех по-настоящему культурных и передовых людей тогдашней Российской империи. Мы непременно вспомним, что замечательный художник видел свой век черным, смешным и бедным и погиб в сумасшедшем доме. Даже вот и сейчас, глядя из окна на здание в стиле ампира, стоящее напротив, мысль наша невольно обращается к эпохе феодализма, к поркам и пыткам, к слезам и горю.

Так всегда. Когда видишь вещь или произведение искусства, то невольно следуешь мыслью к тем живым людям, которые были ее творцами, к той эпохе, в которую они жили, и срываешь с нее покровы столетий.

А вот другое:

Темная ночь. Я стоял в лесу, на вершине горы. Передо мной на высоком столбе горела одинокая электрическая лампочка. Я склонился, прочитал надпись на столбе, и золотое руно эпохи засверкало для меня невиданными богатствами чувств, величия, силы.

А между тем все обычно. Вам уже известно, что лето я провел в георазведочной партии в поисках свинца на Северном Урале. Жили мы в деревне, закинутой слепым случаем в леса и горы, окружавшие нас на многие километры.

К нам приходили старики из местной сельскохозяйственной коммуны. Чистые, приветливые, длиннородые. Они приходили поговорить о делах коммуны.

Однажды пришел молодой парень. Не улыбаясь, смело глядя в глаза, он попросил книгу по монтажу электростанции. У нас не было такой книги. Товарищи рассмеялись. Парень не смутился.

— Жаль. А я подбил мужиков в коммуне электричество установить. Деньги уже собираем.

— Ну, а без книги это невозможно разве?

— Почему невозможно? С нас ишь дорого берут. Коммунары роптать стали... Так я сам хотел...

Парень назвался комсомольцем Николаем Ижболдиным.

В очередную поездку в ближайший районный город я купил элементарный справочник по электротехнике и отдал его ему. Николай жал мою руку.

— Ну вот... А я и не знал. Спасибо.

Справочник помог, но дела не решил. Сам Николай Ижболдин произвести установку и монтаж электростанции не мог. Он был просто грамотным парнем и от инженера-электрика его отделяла дистанция немалых размеров.

Но вот в коммуне появился техник. Николай вымеривал с ним расстояние от места будущей электростанции до домов коммуны, вбивал в землю многочисленные колышки, отмечал крестиками дома, подлежащие электрификации, записывал что-то в блок-нот. Вечерами он вместе с техником приходил к нам.

— Кажется, выйдет... Только здорово дерет,— Николай кивает головой на техника,— уступить никак не хочет... Где же коммунару поднять этукую деньги?!. Сбавь хоть немного...

Техник вынимал из кармана куртки тетрадь и уже в который раз доказывал невозможность сокращения сметы. Говорил он основательно.

— Сотня осветительных точек и монтаж. Давай поставим у силовой башни, на скотных дворах, в амбарах и в правлении. Будет много дешевле.

— Нельзя,— протестовал Николай и его глаза темнели.— Нельзя мужика-коммунара в таком лесу в потемках держать. Пусть во всей полноте социализм чувствует. Да и не могу я народ обмануть— доверили мне... Это наша коммунарская мечта...

Спорили они обычно до рассвета. Утомленные, расходились. Техник понемногу сбрасывал сотни рублей, сокращая расходы.

— Вот оно и легче будет,— успокаивался Николай.

Заходили и старики. Нам, четверем геологам, было в общей сложности около ста лет. Двоим из стариков перевалило за сто двадцать. Но они были не старше нас. Они позже начали жить. И жили теперь полно, всеми помыслами. Всеми движениями, всеми чувствами устремлялись к счастливому завтра. То были энтузиасты. Они не меньше Николая болели делом, затеянным коммунарой.

— Не может он этого допустить,— говорил один.— Не даст насмеяться над нами врагам... Пусть вся заграница знает наши дела. Пусть тамошние крестьяне раскинут мозгами: куда и с кем, по какой дороге им пойти. Нет, не допустит Никола позора на весь мир.

Коммунары рубили мачтовый лес, рыли ямы, устанавливали в них столбы. Из города привезли динамомашину. Коммуна взбудоражилась. Это было уже реальное, несомненное дело.

В новом амбаре на краю деревни техник с Николаем монтировали электростанцию. Спали мало. Неизвестно когда ели. Николай осунулся,— щеки ввалились, глаза блестели.

Потянули провода в избу коммунаров. На техника, сидящего на вершине столба, смотрели, затаив дыхание.

Когда же в первой избе вернули в патрон электрическую лампочку, еще холодную, мертвую, хозяйка бросилась вытирать ее и вытирала, бережно охраняя, как охраняет мать свое дитя от случайной беды.

Была уже ночь, когда постучались в окно. Вошел Николай. Сел и устало сказал:

— Кончили. Только не горит пока... Завтра пустим. В каждой избе... Вот она — наша мечта. Какая нынче жизнь!

Мы потом расширится, дадим ток окрестным колхозам. Здорово! Я учиться поеду. Хорошо... А они шушукуются.

— Кто — они?

— Бывшие кулаки, враги... Когда я еще начинал разговоры с мужиками об электрификации,— грозилась. Не нравятся им наша дорога, не по нутру...

Встал, протянул руку, улыбнулся.

— Прощайте. Я приходил, чтоб пригласить на праздник. Завтра пускать будем. Такое веселье устроим, что... Одним словом, весело будет. Придете? Он ушел.

* * *

Утром нас подняли раньше обыкновенного. В избу вошел старик, один из наших постоянных посетителей, любителей поговорить и порыться в коллекциях собранных нами минералов. Пошатнувшись, он подошел к столу.

— Бееда-а! — простонал старик и, навалившись грудью на стол, тихо по-старчески зарыдал. — Бееда-а! — снова проговорил он.— Ах, они гады...

Жили мы несколько на отшибе, за оврагом. Чтобы попасть в деревню, надо было пройти мост через лужу, где в ясные дни плавали утки и гуси. Когда мы выбежали на улицу, на мосту уже толпился народ.

На досках, на берегу лужи, лежал мокрый, изуродованный труп Николая Ижболдина...

Ждали миллионера.

— Давно ведь ему грозили,— плакала мать убитого.— А он бесстрашный... Проклятое кулачье!..

Она упала на доски и целовала сплывшие на висках волосы белокурого комсомольца. Женщины, вытирая слезы, поднимали ее.

Убийц нашли в тот же день в соседней деревне. Говорили, что это раскулаченные, бежавшие из ссылки.

Вечером мы присутствовали на грустном открытии электростанции.

Труп комсомольца лежал на столе под мраморным распределительным щитом с сияющим медным рубильником.

Председатель коммуны хотел говорить, махнул рукой, отвернулся. Техник понял, что речей не будет.

Он включил рубильник.

Над коммунарой повисло сияние электрических огней. На скотном дворе беспокойно замычали коровы и забились кони, встревоженные светом.

* * *

Мы уехали на изыскания и вернулись в коммуну только к осени. У сельсовета я встретился с парторгом коммуны. Мы долго ходили с ним по деревне.

Осенья полночь. Ветер. Парторг молча вел меня по тропинке возле свежих столбов, оснащенных качающимися проводами. Под ногами хрустела сухая пажить убранных полей. Коммуна осталась в полукилометре позади.

Мы поднялись на холм. Вокруг лес. Далеко-далеко мерцание огней.

— Вот, — сказал парторг.

В зарослях пихты стоял столб. На вершине его горела электрическая лампочка. Я нагнулся и прочитал на доске написанное химическим карандашом:

„Николаю Ижболдину“.

— Старики поставили, — говорил парторг, комкая в руках снятую с головы шапку. — Лес рубили, ямы копали... Монтер только провода навесил... А еще мечтают настоящий памятник поставить...

Когда мы спустились вниз, парторг продолжал:

— Долго мы думали, где хоронить. И решили — чтоб повыше, чтоб всегда на виду. Летом здесь по праздникам гулянья устраивают на этом холме. Теперь вот, как ночь, загорается лампочка на могиле, до утра горит. Но это временное. Мы настоящий памятник поставим, мраморный...

...Вот и все. Прошу простить за то, что я не дал вам поговорить о гранитных колоннах Исаакия, поднятых Монфераном, и о Палехе. Я тоже поклонник старины, и вещь, насчитывающая сотню лет жизни, для меня — одухотворенная вещь. Но тем не менее это не мешает мне отнести все древнее под протекторат добросовестных летописцев, историков и музеев. У нас есть хорошее сегодня и прекрасное завтра. Давайте отдадим ему должное.

Так закончил свой рассказ Яков Беренов, коммунист и геолог, известный своими открытиями всей стране.

С. Корольков.

ПОЗНАЕМ СВОЮ РОДИНУ!

Наша родина — богатая страна. Она богата разнообразием ценнейших запасов своих недр, плодородием своих полей и садов, она богата историей своих народов, она богата своей исключительной революционной героикой.

Каждая республика, область, район дают интереснейшую пищу для пытливых умов молодых людей нашей страны, призванных помогать поднимать страну до величайших вершин культуры и науки.

Она безгранична в своем разнообразии — наша родина. Цветущие сады субтропиков и ледяные просторы Арктики. Пустыни, где рядом с руинами

древнейших городов в песках возникают хлопковые оазисы. Тропы и дороги, прославленные легендарными походами Ворошилова и Буденного, Чапаева и Шорса, Блюхера и партизанов Щетинкина. Города — музеи Урала, где бок-о-бок с заводами передовой техники сохранились развалины цехов каторжного труда дореволюционных времен.

Большая радость познавать такую страну. Для молодого советского человека это значит не только обогащать себя знаниями, это значит еще больше полюбить родину!

„Комсомольская правда“

Платиновые шаромыжники

Рассказ ПЕТРА САХАРОВА

Его нашли рабочие ночной смены, занятые очисткой забоя от старых креплений. Он стоял по колено в сыпучем песке, между обрушенным пластом земли и плотно пригнанными друг к другу стойками древней старательской шахты. Свет прожектора упал на его желтую, словно вылитую из золота голову. В черепе зияла большая трещина, от которой во все стороны разбежались трещины поменьше.

Это случилось в предрассветный час, когда чернеет небо, когда луна приобретает короткую и неверную яркость, а ночные птицы кричат особенно дерзко и часто.

В Веселом Ложке всего с месяц как приступили к разработке старой россыпи гидравлическим способом. Днем и ночью мониторы, похожие на старинные крепостные пушки, выбрасывали сорокаметровую струю воды. С чудовищной легкостью водяное лезвие срезало верхний пласт земли и вгрызалось в недра, где таились редкие крупницы платины.

Гидравлика была еще неполностью обеспечена водой, и часто в самый разгар работы с водонапорного бака сигнализировали остановку. Чугунные мониторы замирали. Водяное лезвие гнулось, обламывалось и превращалось в безобидный ручеек. Тогда в забой спускались рабочие, вооруженные топорами, пилами и обитыми, похожими на железный кулак, балдами.

Остановкой пользовались, чтобы очистить забой от многопудовых камней и от торчавших из земли, как гнилые зубы, старательских креплений.

Во время одной из таких остановок рабочие гидравлики обнаружили этот скелет с пробитым черепом. Он вынырнул из-под осыпавшегося песка, как желтый поплавок.

Его внезапное появление озадачило гидравлистов. Один из них выровнял топор и громко ахнул.

Перед странной находкой собралась вся ночная смена. Череп цвета самородного золота возбуждал жгучее любопытство.

О находке не знал только сторож Петрович, который находился в дальнем конце Веселого Ложка. Петрович шагал взад-вперед вдоль сплотов, часто останавливался, прислушивался и поглядывал по сторонам. Всякий раз, как прекращалась подача воды, Петрович испытывал сильное беспокойство. Дно сплотов было обильно усеяно тусклыми зернами платины, скрытыми в гуще из остатков песка, хлористого железняка и камней. Когда прекращалось движение воды, драгоценную гущу можно было собирать голыми руками. Вокруг гидравлики бродило не мало темных людей, которые только и ждали случая поживиться платиной. Воры или, по-присковому, — шаромыжники днем опасались приближаться к месту работ. Зато ночью где-нибудь в кустах, за песчаным отвалом или в пересохшей канаве непременно дежурил какой-нибудь ловкач.

Неслышно ступая ногами, обутыми в валенки, Петрович двигался вдоль сплотов. Рукой он придерживал винтовку, перекинутую на ремне через плечо. Его доброе морщинистое лицо со бесбесеченными алкогодом глазами и с крупным, усеянным синими точками носом едва ли могло внушить кому-либо страх. Трудно было поверить, что этот горбатый, добродушный старик способен гоняться по отвалам за быстроногими шаромыжниками. Но это было так. Иначе ему не доверили бы охрану сплотов.

Петрович, старый искатель платины, лучше чем кто-либо другой знал повадки присковых хищников. Его трудно было

обмануть. Он сам зажимал платину в те годы, когда приiski принадлежали князю — частному владельцу.

В заболоченной долине угробно кричали лягушки. Песчаные бугры смутно рисовались в тумане. В слепых провалах угадывались знакомые очертания редких кустиков, истрепанных водой из забоя. Ничто не внушало опасений, и Петрович медленно пошел вверх по сплоткам. Приближалось время перерыва на чай и на курево. Петровичу надо было проверить ведерный чайник, подвешенный над костром.

Около скелета шумели гидравлисты. Петрович протискался вперед и на минуту оцепенел. По его лицу расплылось безграничное изумление.

— Елки зеленые! — воскликнул он, энергично хлопнув себя по ляжкам, — никак тот самый?!

Он подошел почти вплотную к скелету и потрогал пальцами разбитый череп.

— Вот, вот, вот, — возбужденно заговорил он, — и зуба одного не хватает и голова пробита ломом... а местность.. Неужели и местность та же?

Он поднял голову, озираясь на вершины гор, на темный лес по ту сторону долины, на песчаные отвалы.

Окружающие с интересом наблюдали за ним и прислушивались к его бормотанию.

— Знакомы были, что ли? — спросил кто-то, тронув Петровича за локоть.

Тот неожиданно рассмеялся:

— Еще как знакомы... Мы с ним на одних нарах спали, в одной посудине ложки полоскали.

Гидравлисты обступили его, требуя более обстоятельного рассказа. Он колебался, но было заметно, что ему самому хочется поделиться внезапно наглынувшими воспоминаниями.

— Чаевать пога, — напомнил кто-то, — вот за чаем и послушаем Петровича.

— И то дело!

Всей гурьбой направились к костру, где по-комариному пишал стынущий чайник. Набрали свежих щепок, расшестили груды седых углей, и около костра сразу стало тесно, тепло и уютно.

— Случилось это в ту пору, — начал свой рассказ Петрович, — когда приiski принадлежали князю. Сам князь к нам на Урал редко заглядывал. На приисках правили его приказчики. Они сдавали старателям в аренду участки и обязывали продавать всю добытую платину

только в княжью казну. Нечего и говорить, что за плагину старатели не получали и десятой доли того, что она стоила.

В Веселом Ложке была крупная платина. В первый год работы старателям не досталось здесь ни одного клочка земли, а контора все под наемных рабочих приспособила. Платина шла наилучшая, самородная, и слава о Веселом Ложке прокатилась по всему Уралу. Даже песню такую сложили в трактирах:

Получайте самородки,
Не жалейте, братья, водки,
Расцелуйте вы дружка
Из Веселого Ложка!

Нас было 16 копачей, нанятых конторой работали мы в шахте на четвертом участке. Добрая шахта досталась! Бывало, самородки нальцем из земли выковыривали. Но зато ой как тяжело работать было! Вам, теперешней молодежи, в диковинку покажется, как мы работали. Вы тут на свежем воздухе, посуху ходите, мониторами управляете. Машина за вас всю черную работу делает, ночью вам электричество светит. А у нас в руках была кайла, да лопата — вот и вся механика. Шахта велась кое-как, лишь бы скорее миновать пустые верха и добраться до пласта с платиной. Мы бы и рады не спешить, да начальство подгоняло. Другой раз заметишь смотрителю, что, мол, в таком месте всю крепку перекосило. А он:

— Ничего, сойдет. Коли боишься, ступай в контору, получай расчет. Нам трусов не надо!

А как тут не трусить, когда в шахте каждую неделю обвалы. Помню, семь человек угробилось, так и не откопали их, лежат где-то тут. Небось, и до них скоро мониторы доберутся.

Свежего человека в нашей шахте жуть брала. Были у нас чортовы ходы, где приходилось ползти на брюхе, головой подпирая тачку перед собой. В одном месте крепления с обеих сторон выгнулись и подопались... Тут бочком пробирались, цепляясь спиной и грудью за щепку. А уж как сквозь эту щель тачку с песком проталкивали. — сейчас и не припомню Ухитрились как-то!

Вскоре в этом недобром месте одного паренька как тисками сжало. Даже не пикнул — с жизнью простился.

Сырость еще у нас была неопиcуемая. Кое-где воды по колено, рыбешка какая-то завелась, бледная такая, посмотришь ее на свет, все косточки видно.

Алеша Бесфамильный поступил в нашу компанию летом, в самый разгар работы. Его прислали к нам взамен того незадачливого паренька, которого в щели придушило.

Нанимался Алешка впервые. Ему только что стукнуло двадцать лет. Жил он до того в деревне с родителями. Парень был видный, крепкий. У себя на деревне гоголем ходил. Все девки на него зарились. Как крестный ход — Алешка икону в руки и становившая в первый ряд. На Крещение в проруби купался. Ходил Алешка за дочерью первого деревенского богача, в женихи напрашивался, да ее тятка собак на него натравил... Еле убрался парень! Не пережил он конфуза и подался на приiski, хотел здесь попытать свое счастье.

Спустился Алешка вместе с нами в шахту, и поставили его к тачке породу возить из забоя к бадье.

Присматриваемся к нему: как будто бы ладный парень. Тачка у него в руках блохой прыгает. В опасных проходах не робеет, ложится на брюхо, или на корточках двигается, да еще зубоскалит.

— Ну-ка, — подмигивает соседу, — изобрази на губах плясовую, я вприсядку пройдуся.

Сосед „изобразит“ барыню, а Алешка и взаправду в присядку с тачкой пройдет. Рассмешишь всех до слез.

Новичок что надо!

Был между нами один секрет, который мы не сразу доверяли новичкам. Тайком от начальства брали мы породу из забоя и промывали ее ковшем в заброшенном тупичке. Одним словом — шаромыжничали. Намытую платину после работы делили поровну между собой. В сговоре участвовала вся артель. В те годы на приисках все старались обмануть ненавистное начальство и своровать у него из-под носа платину, принадлежавшую князю. Чем больше удавалось взять кому, тем сильнее восхищались им: „Ай ловкач! Такой князя по миру пустит!“

Алешка так подкупил нас своей плясовой вприсядку, что мы в тот же день решили доверить ему секрет. Пусть получит свою долю.

Когда Алешка свалил породу в бадью и возвращался с пустой тачкой в забой, его остановил Семенка, первейший артельный зубоскал.

— Оставай, браток, свою колесницу, — сказал Семенка, отбирая у него тачку, —

пойдем, я тебе нашу сокровищницу покажу.

Привел Алешку в тупичок и сунул ему ковш.

— Держи... Не все же на князя робить, надо и для себя постараться.

Алешка сперва не понял. Семенка объяснил ему, что надо делать, чтобы вечером, после работы, получить свою долю.

— О, нет! — решительно заявил Алешка, — я воровать не буду.

— То-есть, как так?

— Да так вот... Не хочу. Зачем воровать, когда можно разбогатеть честно. Так-то спокойнее будет.

— Вон ты каков! — присвистнул Семенка, — как же ты думаешь разбогатеть?

Алешка недовольно повел носом и огрызнулся:

— Как, как... Путьей к деньгам много, сумей только выбрать. Надо в чистоте себя держать, от незаконных действий подальше...

Семенка не стал уговаривать Алешку и поспешил вывести его из секретного тупичка.

Вечером, когда мы вернулись в барак и пристраивались ужинать к столу, Семенка объявил:

— Эй, шаромыжники!

Это слово — шаромыжники то-есть — тогда было в ходу и не считалось обидным. Одно дело было шаромыжничать на приисках князя и совсем другое — на теперешних наших, советских. Попробуй-ка, назови сейчас кого-нибудь из рабочих шаромыжником, он тебя не помилует... В наши дни это слово обидой звучит. А тогда мы друг дружку на каждом шагу так величали.

— Эй, шаромыжники! — докладывает Семенка, — а ведь новичок работать не стал и от доли отказался.

Новость всполошила нас. Окружили Алешку. Требуем объяснений.

Он малость струхнул:

— Братцы! Избавьте меня от этого...

Не могу я, душа не принимает... Меня отец в детстве ой как бил за воровство. На всю жизнь охоту отбил чужим пользоваться.

Что с ним, дураком, делать? Потолковали и разошлись. Около него остался только Коростель, который не терял надежды образумить парня.

О Коростеле разговор особый. Его настоящего имени никто не знал и имя он среди нас под кличкой, которую сам себе придумал. Он сидел в тюрьме и

потом был сослан куда-то, но по дороге сбежал. В те годы на приисках всякий народ попадался.

На вид Коростель ничем не был замечателен, но зато стоило ему заговорить, сразу чувствовалось, что человек он незаурядного ума. За это его и выбрали старостой артели.

Вот каков был этот Коростель, наш староста. В его внешности ничего особенного не было. Не высок ростом, коленаст, лицо слегка попорчено оспой.

Усадил Коростель новичка на нары и стал ему втолковывать. Только Алешка не сдается.

Потолковал Коростель с ним, да так ни с чем и отошел.

Отшатнулись все от Алешки. Живет он среди нас, как иностранец. На разных языках говорим.

Только видим, его это ничуть не тревожит. Работает себе паренек на славу. До работы жаден был, худого не скажешь. После работы заберет гармошку — и в лесок.

Однажды, под воскресенье, сидели мы вокруг керосиновой лампы. Начата четверть на столе, закуска, карты. Все, как тогда водилось. Только вдруг, кто-то спохватился:

— Вдь это последняя четверть! Завтра даже опохмелиться нечем...

И верно. Забыли наказать, чтобы из города привезли. Опечалило это ребят. Вдь раньше в воскресенье день на прииске только и развлечения было, что вино.

Тут Алешка вмешался:

— Хотите завтра вина четверть? Самого наилучшего?

— Что ты мелешь, откуда?

Алешка говорит:

— Ручаюсь. Вино из погребов управляющего приисками. Хотите?

— Уж не ты ли сопнешь?

— Зачем... Сам управляющий из рук в руки передаст.

— Брось языком чесать.

— Вот провалиться! — с азартом воскликнул Алешка, — завтра управляющий именинник... Мы пойдем всей оравой и воздравим его с днем ангела. Понимаете? Он расстроится и уж никак не меньше четверти отвалит.

Мы молчим, но знаем даже, что ему ответить. Тогда Коростель потянулся через стол к Алешке и сунул ему в нос кукиш:

— На, передай своему управляющему ко дню ангела.

Алешка сразу скис. Мы больше не заминались им и приналегли на остаток.

На другой день, к вечеру, прибегают Даша, горничная управляющего. Деваха замечательная была: тоненькая такая, быстрая, на ответ споря. Она нам всегда передавала все, что начальство между собой загадывало.

— К нам поутру ваш паренек приходил, Алешка, — сообщила она, — Ввалился на кухню и управляющего требует. Позвали. „Тебе чего?“ — спрашивает Серафим Петрович. А тот в ответ кланяется: „Поздравляем всей артелью со днем ангела, желаем многие лета здравствовать и в делах успех иметь“. Барин аж маслом покрылся от удовольствия: „Спасибо, говорит, не ожидал!“ и трешницу вашему парню подал. А когда тот ушел, Серафим Петрович плечико приподнял и под нос себе бормочет: „С чего это они? Артелишка, кажется, неважная и виду такое уважение начальству...“ Сильно недоумевал. Потом даже каждому гостю в отдельности об этом рассказывал.

Даша помолчала и с досадой закончила:

— Неужто вы его и впрямь к нашему барину на поклон отрядили?

Поднялся шум. Рассвирепели ребята. Попадись им в этот момент Алешка, живого места на нем не осталось бы. Только его не было. Он и ночью где-то пропадал. Пришел поутру — прямо в шахту. Хотели его проучить, да к утру забыли.

За ночь такое случилось, что вся артель как ошпаренная ходила. Обыск был. Полиция забрала утаенную платину и увела Коростеля.

Пропал наш староста. Больше мы его не видели...

Только и разговоров у нас было, что о Коростеле. Что то с ним случилось? Небось, начальство его вдоль и поперек разделало за побег из-под ареста. Об Алешке и думать перестали. Он себе крутится в шахте со своей тачкой, исчезает куда-то и возвращается поздно, когда все спят.

К концу месяца получаем наказ из конторы почитать за старосту Алексея Бесфамильного — это Алешку самого. Тут-то мы раскусили его подлую натуру. До этого и помыслить не могли, что свойский парень, такая же голь перекатная, как и мы, может оказаться змеей ядовитой. Хитер был, чорт! Даже когда его старостой назначили, своим прикидывался.

— Чтой-то — говорит, — начальству в голову взбрело меня возвеличить? И не пойму! В первый раз такая удача.

Семенка не выдержал:

— Молчи, иуда! Выслужился!

Ничего не ответил Алешка и поспешил отойти. Видел, что мы вне себя и

очень просто можем ему поздравительные выдать.

Поерепенились немного и стихли. Момент был неподходящий, чтобы от слов к делу переходить.

Вышли мы однажды поутру на работу. Денек обещал быть расчудесный. Солнце играет, в воздухе свежесть такая разлита, что охота прыгать и бороться.

Приходим на свой участок, однако в шахту спускаться не торопимся. Уж больно день хорош! А из входа в шахту мертвечиной веет, сыростью... Торчит из ямы лестница, вся какой-то зеленой слизью покрытая. Смотреть тошно, не то чтобы рукой за нее взяться.

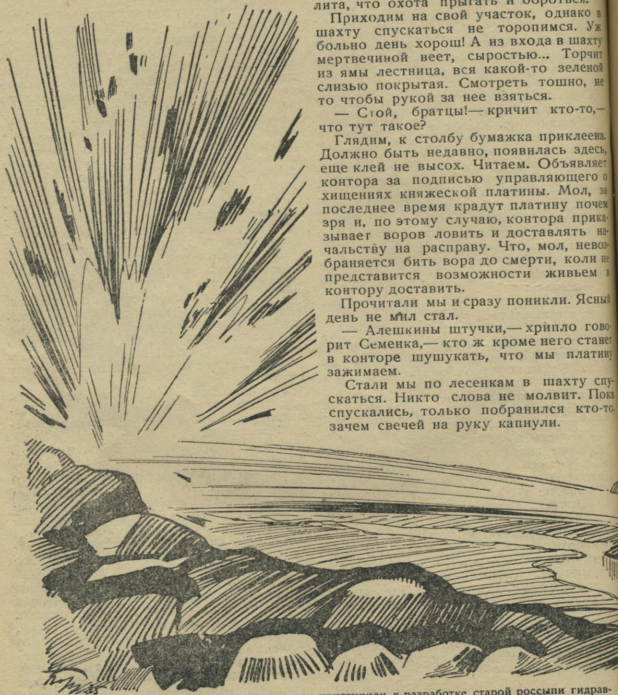
— Стой, братцы! — кричит кто-то, что тут такое?

Глядим, к столбу бумажка приклеена. Должно быть недавно, появилась здесь, еще клей не высох. Читаем. Объявляет контора за подписью управляющего о хищениях княжеской платины. Мол, за последнее время крадут платину почему зря и, по этому случаю, контора приказывает воров ловить и доставлять начальству на расправу. Что, мол, невозможно бить вора до смерти, коли не представится возможности живьем в контору доставить.

Прочитали мы и сразу поникли. Ясный день не мил стал.

— Алешкины штучки, — хрипло говорит Семенка, — кто ж кроме него станет в конторе шушукать, что мы платину зажимаем.

Стали мы по лесенкам в шахту спускаться. Никто слова не молвит. Пока спускались, только побранился кто-то, зачем свечей на руку капнули.

В Веселом Ложке всего с месяц, как приступили к разработке старой россыпи гидрав-

И спустились. Двух шагов по штреку не сделали — Алешку встретили. Он раньше нас ушел, считал своим долгом забой посмотреть, тачки проверить, освещение наладить. Как его старостой сделали, он люто за работу взялся, хотел другим примером быть.

Встретил нас шуткой. Не разобрать ему в полутемной шахте, что ярость наша, вот-вот сорвется.

— Гей, коршуны, чего крылышки повесили? Расхватывай работенку!

— Сам ты коршун, — отрезал Семенка, — весь падалю провонял.

— Чего! — удивился Алексей, — ты чего сказал? А, ну, повтори...

И сам к Семенке вплотную подходит. А тот развернуся, да как трахнет ему в переносье.

Однако Алешка не сдал. Чувствовал он себя в те дни на высоте положения и не хотел ронять свой авторитет. Сцепились они и тузят друг-друга по чем попало. Мы в стороне. Дрожью исхо-

дим, зубами скрипим, а в драку не вяжемся, потому — знаем: если бросимся Семенке на помощь, то Алешке верная смерть.

Только видим, нашему Семенке туго приходится. Здоров был Алешка, даром, что сердцевина у него гнилая. Прижал он Семенку к стойке и голову ему к спине гнет. Тому ни охнуть, ни вздохнуть... Тут мы не выдержали и на нового нашего старосту навалились. Никто в стороне не остался. Кончат, так всей артелью, чтобы ни один не сказал, что, мол, к расправе не причастен.

Не хотел бы я еще раз участвовать в таком деле.

Опомнились.

— Что ж теперь делать? — уныло спрашивает кто-то.

— Что, что... умели кончать, сумеем и ответ держать.

Тут Семенка встрепенулся:

— Покорно благодарю! Из-за такого гада на каторгу?

лическим способом. Мониторы выбрасывали 40-метровую струю воды (рис. к стр. 50).

И сам не хочу и вам не желаю.

— Так давай придумавай.

— И думать нечего! Видели там, наверху, объявление от конторы? Ну, так сообразайте...

Достаёт Семенка из ладанки, что на шее у него была привешена, заветный самородочек.

— Эх, жаль с добром расставаться,— говорит.

Вынимает из алешкиного кармана кисет и сует в него свой самородок.

— А ну, зовите сюда начальство! Вора поймали. Доставить его в контору было не способно, вот и прикончили, согласно инструкции, на месте.

Дальше пошло, как по писанному, будто Алешка и впрямь вор, а мы — конторские подхалимы.

Набежало в шахту начальства видимо-невидимо. Сам управляющий, Серафим Петрович, пожаловал. Лицо у него красное, бешеное, и на губах яичный желток...

Это он завтракал, когда ему о происшествиях доложили.

— Что же вы, мерзавцы, сделали! — кричит, — зачем человека погубили? Всех в кандалы закую, разбойники!

Выступил Семенка. Вытянулся перед Серафимом Петровичем во фронт и рапортует:

— Так что подхожу это я к старосте Алешке Бесфамильному и прошу, поприятельски, табачку на закурку. Он даёт. Сунулся в кисет, а там самородок чистой платины. Не иначе, как в забое своровал. Тут мы с ним и разделались, согласно приказа за вашей личной подписью.

Управляющий сбавил тон:

— Что такое? Какой самородок? Какой приказ?

Семенка ему еще раз повторил прежнее, со всеми подробностями.

Серафим Петрович совсем увял.

— Все же нельзя так, своим судом... Надо бы его в контору.

— Не пошел, — развел руками Семенка, — и первый в драку пустился. Силен, дьявол! Пустите, говорит, убегу... только, мол, меня и видели.

Не знаю, поверил управляющий или нет, а только затих он и стал разговаривать с нами совсем по-приятельски. Видно сообразил, что если дело до суда дойдет, то и ему самому нагорит за такой своевольный приказ. Слыхано ли дело, чтобы сам начальник своих подчиненных на смертную драку науськивал!

— Нехорошо, друзья мои, — бормочет себе под нос Серафим Петрович, — ну, да ведь я вам не враг... Если сумеете этого несчастного подальше убрать, чтобы и помину о нем не было, то я постараюсь замять все дело.

— Как не суметь, — бойко отвечает Семенка, — мы его так упрячем, будто он никогда и по земле не ходил.

Серафим Петрович оглянулся на мелкое начальство и строго заявил:

— А вы там поменьше болтайте! Не к чему на весь мир об этом трубить. Нелепый случай — и ничего больше.

С тем и ушел. Когда наверх поднялся, собственной ручкой изволил снять злополучное объявление и разорвать его на мелкие кусочки.

Вот и все. Алешку мы замуровали в землю, в том самом тупичке, где тайно мыли платину. Здесь вы и нашли его косточки.

С водонапорного бака призывали быть готовыми к пуску монитора. Желтый сигнальный светлячок потешно прыгал вверх и вниз, словно радуясь приходу воды с далекой плотины.

Только этого момента и ждал старый шаромыжник, бродивший вокруг присека. Он лежал на земле возле самых сплотов, выпачканный илом и глиной, неотличимый во мраке от бурой кочковатой почвы.

В продолжении часа, а то и больше, полз шаромыжник к сплоткам, купаясь в вязких наносах, застревая в колючем кустарнике, захлебываясь мутной водой в канавах. С непостижимой для его лет ловкостью он преодолел все препятствия и теперь готов был нырнуть в узкое горло сплотов. В руке он держал деревянный совок, завернутый в пустой мешок из-под крупчатки.

Шаромыжник тщательно обдумывал свое предприятие. Прежде чем решиться на кражу, он в продолжение многих дней и ночей наблюдал издали за работой в Веселом Ложке.

Расчет его был прост и надежен.

В предрассветный час бдительность ночной смены падает. Сон слепит глаза, притупляет слух. Но пробраться в сплотки можно только во время заминки с подачей воды. А когда мониторы замирают, сторож гидравлики, Петрович, ни на минуту не отходит от сплотов. В темноте его не видно и не слышно, но он тут. Он как призрак бродит

около рассыпанной на дне сплотов платины.

Шаромыжник не раз был свидетелем того, как Петрович уходил в сторону от сплотов, ложился за песчаными отвалами и отсюда наблюдал за своей территорией.

„Хитер собака!“ — с ненавистью и с уважением думал про него шаромыжник.

Однако старому хищнику все же удалось установить самый подходящий для кражи момент. После того, как с водонапорного бака сигнализировали о приближении воды, Петрович, обычно успокаивался и шел в забой. На несколько считанных минут сплотки оставались без охраны. Затем их заливало водой, и достать со дна платину было невозможно.

Вслед за сигналом с водонапорного бака шаромыжник полез в сплотки. Ему было под пятьдесят, суставы пощелкивали от ревматической боли и в голову хлестала кровь.

Он на четвереньках, по-собачьи, бежал по дну...

„Надо пробраться ближе к тому концу. Там оседает самая крупная платина“, — думал он.

Руки его вязли в драгоценной гуще. Он лег на дно и стал сгребать эту гущу совком. Мешок из-под крупчатки быстро наполнился. Но шаромыжником овладела почти болезненная жадность.

„Не скоро теперь такой случай представится!“ — бормотал он, уминая совком влажную гущу.

Внезапно над его головой прозвучало.

— А ну, вылазь!

Шаромыжнику возглас этот показался оглушительным, как выстрел.

Петрович перегнулся через край сплотов и ткнул вора винтовкой в спину.

— То-то я слышу, будто мышь скребется... Вылазь, шаромыжник!

Со стороны забоя донесся мощный шелест. Это проснулись мониторы. Вор торопливо выбрался из сплотов, вскинул мешок на спину и побрел впереди Петровича. Делал он это машинально, отупев от страха. Но вот он очнулся и понял, что все его планы рухнули.

„Будь что будет!“ — подумал он, сбрасывая мешок и прыгая в канаву.

— Куда! — взревел Петрович. Он щелкнул затвором и устремился за беглецом.

— Стой, говорю!

Хлопнул выстрел. Вор упал и зарылся лицом в песок.

„Вверх стрелял“, — сообразил он, не чувствуя боли. Хотел было вскочить и снова бежать, но Петрович уже стоял над ним.

— Вставай!

Вор зашевелился и сел, опираясь на руки. Он с неожиданным любопытством уставился в лицо Петровичу, разглядывая его крупный, усеянный синими точками нос и серую, не ровно подстриженную бороду. Ему хотелось пристыдить Петровича. Силился вспомнить подходящее библейское изречение, но ничего не получалось. Тогда он, кряхтя, стал подниматься и, расправив плечи, жестко бросил Петровичу:

— Старый ты, а вредный... Человека чуть не убил за чужую платину.

— То-есть как так за чужую? Платина государственная, значит и я ей хозяин.

— Хо-зя-ин! — сердито передразнил вор — много вас таких хозяев...

Из забоя на выстрел бежали гидравлисты.

— Неужто упустил? — волновались они за Петровича. Но тот уже шагал им навстречу, подталкивая прикладом вора.

— Раньше, лет двадцать назад, об этих самых куницах и кидусах у нас и не слышали — один только соболь водился. А потом уж эта куница пришла. Я же первый и добыл куницу. Еще удивлялся: соболь редко когда по деревьям от собаки уходит, а этот все с вершины на вершину скачет. Убил я его. Смотрю: соболь — не соболь, хвост длинный, раза в два длиннее задних лапок, а у соболя хвост от короткой. Мех погуще соболя. На горле белое пятно, а у соболя чистое. Сам зверек маленько побольше соболя. У соболя всегда хребет темнее, а мой весь на один цвет. Показываю я нашим ребятам — дивуются, никогда таких не видали. После я узнал, что это не соболь, а куница.

— А кидус?

— Погоди, будет и про кидуса. На другой год этих куниц наши ребята добыли уж не одну. А потом появился этот самый кидус. И не соболь, и не куница — середка наполовину. Хвост у него куний, а цвет меха — соболь. Лапки тоже соболя. Ростом с куницу. Волос погуще, чем у соболя, а куньего помягче. Голова — когда как у куницы, когда — как у соболя. Пятно на горле соболя. Больше — больше. Теперь у нас в южной стороне соболя почти не осталось. Все куница да кидус. Только в восточных урманах есть чистый соболь. Потом и сам кидус мешаться стал. Иной раз добудешь зверька, так и вовсе уж не разберешь кидус он или куница.

— А как вы думаете, откуда произошел кидус? — спросил я.

— Мы, охотники, так полагаем, что кидус это смяток. Спаривается соболь с куницей — вот и родится кидус. Я так полагаю, что в наших местах скоро соболу конец придет — заполонит его куница.

* * *

Кидус меня заинтересовал. В Свердловске, на биостанции, мне удалось побеседовать с одним из ее научных сотрудников о таинственном зверьке.

— Кидус водится только на Урале и больше нигде. Он совмещает в себе одновременно признаки соболя и куницы. Поэтому, и еще потому, что кидус обитает только там, где одновременно водятся и соболь и куница, мы предполагаем, что кидус — помесь этих двух видов — гибрид. Однако, вопрос еще далеко не изучен. О кидусе спорят. Неко-

торые полагают, что кидус представляет собою самостоятельный вид. Во всяком случае, кидус еще ждет своего исследователя.

«Соболь — знает. Западнее Уральского хребта он встречается как редкое исключение. Куница же до сих пор оставалась европейцем, но за последние годы неуклонно движется к востоку. Уже лет тридцать назад она переправилась Уральский хребет и с каждым годом пробирается все дальше и дальше в глубь коренных соболиных угодий.

— Итак, повидимому, куница предостанит уничтожить соболя? — спросил я.

— О, до этого еще далеко. Ведь куница, пока что, захватила только очень незначительную часть соболиных мест. Впереди еще тысячи километров сибирской, восточносибирской и дальневосточной тайги, куда наша европейская куница еще не проникла. Возможно, что на пути победного шествия куницы перед ней встанут непреодолимые препятствия. Но мое личное мнение, что на Урале песенка соболя рано или поздно будет спета.

— Интересно, как же происходит самый процесс вытеснения соболя куницей?

— Точно на этот вопрос пока еще нельзя ответить. Повидимому, куница спаривается с соболем, получается гибрид — кидус. Кидус, спарившись с куницей, дает зверька, имеющего уже очень немного признаков соболя. Дальнейшее сменение в последующих поколениях уничтожает последние признаки соболя. На пушных складах часто приходится видеть шкурки, о которых ожесточенно спорят опытные пушники: кидус это или куница.

— А бывает обратное явление, что соболь спаривается с кидусом?

— Да, повидимому, случается, но значительно реже. Победителем в этой борьбе видов безусловно является куница.

— Чем же объяснить превосходство куницы?

— Видите ли, куница несомненно более приспособлена к борьбе за жизнь в условиях культуры. Соболь — житель девственных елово-кедровых урманов, куница же обитает в более редких и светлых лесах. Человек, заселяя и вырубая леса, лишает соболя его естественных условий обитания и создает благоприятные для куницы. Куница более приспособлена к жизни рядом с человеком. В этом ее преимущество. Куница значи-

ПРИРОДА

И ОХОТА

Лесная загадка

Оглубел в лесу снег. Трудно стало работать собаке. Пора кончать промысел. Охотник заколачивает дверь промысловой избушки, нагружает добычей и припасами легкие длинные нарты, впрягает в них собаку, впрягается сам и пускается в дальний, тяжелый путь к дому.

Таежная страда кончилась. Начинается страда на заготовительных пунктах. Теперь приемщику за лихвой приходится расплачиваться за вынужденное безделье „мертвого сезона“. Час, другой сна тут же на вязанках шкурок, и снова лихорадочная работа по приемке, сортировке и упаковке ворохов пушнины.

В приемочной тесно и жарко. Повис туманом махорочный дым. Чувствуется тонкий, резкий запах пушнины, запах лесных зверей, пихтовой хвои и охотничьего костра.

Охотников много. Они сидят на лавках, на пороге, просто на полу, всюду, где может кое-как примоститься человек. Иной уже давно сдал свою пушнину и получил расчет, а все еще сидит, покуривает и неторопно ведет беседу о промысле, о собаках, о ружье, о лесных зверях — обо всем том, что всегда живо интересует охотника. А то просто слушает, что говорят другие.

Здесь подводят итоги бесконечно длинным зимним ночам у огня, среди бескрайнего леса; коротким, но до предела человеческих сил напряженным дням погони за зверем; тяжелым путям, совершенным через моховые болота, заваленные буреломом и заросшие густым, колючим ельником. Здесь спокойно и просто говорят о схватке с медведем, о пропавшем без вести в заснеженных лесных дебрях товарище.

Пушнина достается не даром.

Пушной товар самый капризный. Иногда чуть заметный даже для наметанного глаза оттенок меха уже создает разницу в цене шкурки какого-нибудь соболя или лисицы на десятки рублей. Потому-

то всегда неизбежны горячие споры между слатчиком и приемщиком, в которых живейшее участие принимают все присутствующие.

Интересную шкурку трясут, мнут, выворачивают наизнанку, гладят, шупают, нюхают — здесь вопрос уже не в рублях — само пушное дело становится уже не ремеслом, а искусством.

— Отродясь на Кедровом Увале кидусов не было, — возмущается охотник, — хоть кого спроси: никто там кидуса или куницы не видывал. Всегда только соболей водился. А у тебя шкурка за кидуса идет! Соболей это, как хошь!

— Со оболы! — горячится приемщик, — хорош соболей! А ты на хвост-то погляди! Разве у соболя такой когда бывает?

— А я тебе говорю, что соболей. Не первый год лесую. Куница либо кидус по деревьям идут, верхом, значит. А этот по-соболей, низом, по снегу шел. Знаю я их повадки. А пятно под горлом видишь? Это што ж, куничье что ли? Кидусовое пятно? Н-е-ет, брат, не надуешь!

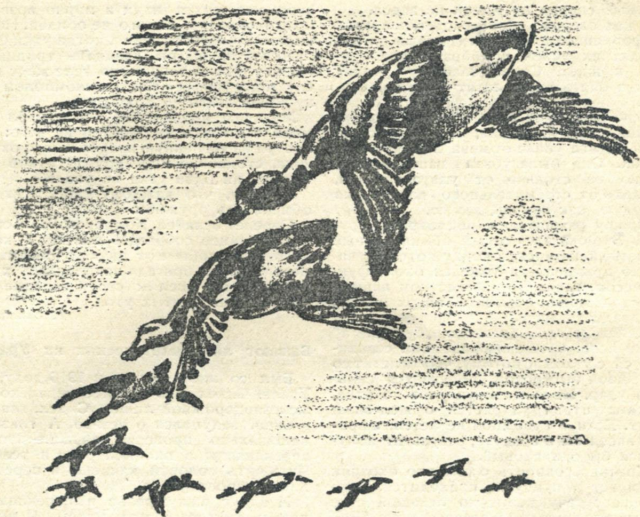
Спор разгорается. В нем принимают участие все. Одни присоединяются к охотнику, другие к пушнику. В конце концов, мнение, что это все же шкурка кидуса, торжествует. Охотник получает за нее на двадцать пять рублей меньше и ворчит:

— Только грех с ними, с кидусьями с этими. Раньше куда проще было. А как появился у нас этот кидус, да куница — кажинный раз аркаются. Сами уже рады!

* * *

Было уже темно, когда мы выбрались вместе с „обиженным“ охотником из прокурной избы и пошли по притихшей улице.

Меня интересовал зверек, о шкурке которого только что велись такие горячие споры. Охотник всегда с удовольствием говорит об охоте и зверях. Мой собеседник не составлял исключения.

Стая уток на перелете.

Утки продолжали свой перелет. Занятый охотой, я сперва не обратил внимания на соседей, но вскоре заинтересовался.

Ближайший ко мне мальчик, как только налетали на него утки, быстро вскакивал и с силой бросал что-то вверх. Что именно это было — рассмотреть не удавалось.

„Игра какая-нибудь“, — подумал я.

Но вот вижу, что после одного из таких таинственных бросков из стаи выпала утка. Мальчик со всех ног кинулся к ней, схватил и притащил к месту своей засады. Вижу, что один из дальних мальчуганов тоже бежит, должно быть к упавшей птице.

Это становилось интересным и я, удовлетворенный охотой, пошел к ребятам.

Ближайший паренек, лет двенадцати, встретил меня сурово:

— Огойди, не мешай. Ишь выставил-ся во весь рост: птицу пугаешь!

Право охотника на занятое место священо, а это был несомненно охотник, хотя еще и неизвестным для меня способом. Я скромно заверил его в том, что мешать не собираюсь, что уток набил уже достаточно (знай, мол, наших) стрелять не буду и только хочу посмотреть, как он охотится.

Покорный и скромный тон смягчил сурового товарища по страсти, и мне было разрешено присесть неподалеку, при условии не быть слишком на виду.

На стальной кольчуге громадного озера показалась стая уток. Чугь заметной полоской, низко над самой водой несется табун. Растет, ширится полоса, вот уже можно различить отдельные точки птиц. Ближе. И бурей налетает громадная стая.

Мальчик вскакивает и с силой кидает вверх какой-то металический прут. Он попадет в середину стаи, но утки летят

слишком далеко друг от друга, и метальный снаряд ни одной не задел.

А над озером снова растет, ширится бесформенное пятно, летит новый табун.

Мальчик успел подобрать свое оружие и ждет. Снова налетает утиная стая и опять вверх летит странный снаряд.

Ясно вижу, как одна из уток сталкивается с ним и, сбита, камнем валится вниз. Птица упала от меня в нескольких шагах. Она была убита наповал, очевидно не столько от удара снаряда, сколько от стремительного падения на твердую, как камень, землю.

Прошу разрешения посмотреть оружие. Это оказался самый обыкновенный железный шомпол, к концу которого наглухо прикреплена тяжелая, около фунта весом, гайка. При известном навыке шомпол можно бросить вверх метров на двадцать пять.

Действие своеобразного „бумеранга“ было ясно: брошенный шомпол сталкивается с уткой и потому, что та летит со страшной быстротой, получается сильный удар. Не шомпол ударяет по утке, а сама птица ударяется о железный прут. Если бы шомпол не летел, а просто висел бы в воздухе, результат получился бы одинаковый.

Конечно, говорить о том, что охотник попадает в птицу, не приходится. Просто навстречу невысоко леташей стае бросается тяжелый железный прут. Приходится кидать в среднем раз десять, чтобы сбить одну утку.

Частые неудачи мало смущают молодых охотников: уток много, времени тоже, а сбить за день охоты четыре-пятьсот жирных птиц не так уж плохо.

Соблазняет попробовать самому. Ведь убита таким образом утка для спортсмена-охотника стоит десятки застреленных.

Предлагаю юному товарищу маленькую сделку: он уступает мне во временное пользование свое оружие, взамен чего ему предоставляется в распоряжение на все время моих упражнений с бумерангом ружье.

Какой мальчик откажется стрелять из ружья?

Сделка к удовольствию обеих сторон состоялась, но, как выяснилось в последствии, в убытке оказались мы оба.

Попасть не только в утку, но даже в утиную стаю вовсе не так просто: мои броски дали самые печальные результаты: шомпол взвивался вверх, но самым

нелепым образом оказывался позади быстро несущихся птиц и мирно возвращался обратно, никто не обидев. Надо кидать заблаговременно, когда утки еще не долетели шагов двадцать тридцать. Но это только теория, на деле же к числу моих трофеев убитую шомполом утку причислить не пришлось.

Мальчик иронически поглядывал на меня, а я таким же образом на него: несмотря на усиленную пальбу юного охотника, стоившую мне пару десятков патронов, ни одна утка не упала.

Решили, что каждому свое, и вновь обменялись оружием.

Перелет ослабел. Компания уральских австралийцев собралась вместе. У каждого была добыча от двух до пяти птиц. Весело галдя, бригада направилась к деревне, а я пошел к своей засидке забрать ранее убитых уток.

В. Виноцкий.

Бывают ли землетрясения на Урале?

Был со мной случай в 1916 году, на Урале. Сидел я в домике недалеко от железнодорожной линии. Сидел, глядел в окно, задумался о чем-то. А глазами машинально проверял параллельность перекладины в оконной раме и рельса. Чуть-чуть головой качешь и перекладина закроешь рельс.

И вдруг вижу: рельс и перекладина переключиваются под углом. Я помогал, потер глаза пальцем, смотрю — угол! И еще больше! Даже страшно стало. Я зажмурился, посидел так и опять поглядел. Рельсы и перекладины были параллельны. Целый час я успокоиться не мог. Чего это ради галлюцинации у меня появились! Коли уж и геометрия не геометрия, то во что же тогда верить можно?

А вечером пришел приятель из города и говорит:

— Ты знаешь, в городе сегодня землетрясение было.

— Днем, — кричал я, — так часу во втором?

— Да, в это время. У меня бутылка упала со шкафа.

Я так обрадовался, что даже закричал. А приятель понять ничего не мог.

К счастью, на Урале не бывает больших „тектонических“ землетрясений, т. е. таких, которые вызываются ростом гор.

Есть участки земной коры, где горообразование продолжается. Складки налегают одна на другую, происходят раз-

ломы и сбросы громадных участков. Рост гор происходит медленно и незаметно для человеческого взора в течение тысячелетий и миллионов лет. Но время от времени случаются катастрофы — молниеносные нарушения залегающих пластов. Тогда за несколько секунд разрушается целая цветущая страна и погибают сотни тысяч населения. Мессинское землетрясение 1908 года продолжалось пять секунд, а погубило 130 000 человек в одной только Мессине (Южная Италия).

Для краткости назову еще только два примера. У многих на памяти крымское землетрясение 1928 года. А это лишь отголосок колоссального сброса, который рассек пополам Крымские горы во времена для человечества незапамтные, но во всяком случае в нашу геологическую эру. Тогда люди на земле уже существовали. И вот с тех пор земля в Крыму еще не может успокоиться.

Другой пример — японские землетрясения. Японские острова с точки зрения геолога — молодые острова. Они возникли, как подводный хребет в четвертичную эпоху. Значит, первобытный человек мог видеть на их месте еще гладкую морскую поверхность. Поднятие Японии продолжается и сейчас и будет продолжаться, пока ее острова не сольются с Камчаткой, с азиатским материком. Поэтому и колебание земной коры на этом участке — обычное и неизбежное явление.

А Урал — хребет старый. Он закончил свой рост в палеозойскую (древнюю) эру и с тех пор только размывался и разрушался. Последние судороги его давно прекратились.

Но что же служит причиной тех небольших уральских землетрясений, которые способны уронить бутылку со шкафа, хлопнуть ставней и раскатать висячую лампу?

Причина их — вода.

И вот почему. Во многих местах Урала известны пещеры. Они появляются от размывания водой известняка или гипса. По двум пещер и по соединяющим пещеры узким ходам текут целые реки воды.

Шахтерам Кизела эти подземные реки — вечная угроза. За углем приходится проникать ниже слоев известняка, и шахта всегда может наткнуться на пещеру. Тогда воде откроется путь прямо в шахту.

Река Сим на Южном Урале — интересная река. Сначала она течет, как и вся-

кая горная река, с пеной и брызгами, играющими в солнечных лучах. Но дойдя до горы Эссюм, река не сворачивает в сторону, а шумно врывается в бездну, которую давно уже пробрала себе в известняках горы. Под горой Сим исчезает и показывается на поверхности только через километр, за горой. Там она выбивается из известняков несколькими ключами. Воды ключей соединяются вместе, и река опять течет, как ни в чем не бывало.

Весной, когда Сим особенно полноводен, вся его вода не вмещается в подземное русло и часть потока направляется в обход по осыпям и между скал.

На берегу Сима в горе Ямазета есть большая пещера со многими коридорами, залами и озерами. Говорят, в ней скрывались во время восстаний целые отряды башкирских войск. В песке внутри пещеры находят кости зверей и людей.

Более известны Сугомакская пещера близ Кыштыма и Кунгурская ледяная пещера в гипсовых толщах.

А в глубине, неведомые нам, есть наверно еще больше пещеры. Если потолок такой пещеры, подмытый водой, обрушится на пол, а за ним и все верхние слои подвинутся вниз, то дрожь пройдет по горным породам на километры вокруг.

А когда заваленная пещера очень уж велика, то окрестные горы даже качнутся на миг.

С. Бахтияров

ЧЕМ УРАЛ ВСЕГО БОГАЧЕ

Ответ на поставленный в № 2 вопрос читателям нашего журнала

Тов. Сталин, говоря о природных богатствах СССР, сказал: „Взять хотя бы Урал, который представляет такую комбинацию богатств, какой нельзя найти ни в одной стране. Руда, уголь, нефть, хлеб — чего только нет на Урале!“

И правда, на Урале, словно в громадном геологическом музее, собраны всевозможные руды, минералы, горные породы.

Чем же всего богаче Урал?

На первое место по изумительному богатству запасов надо поставить калийные соли Соликамска. Это месторождение открыто в 1925 году. Громадная площадь свыше 1500 квадратных километров состоит из сплошного пласта калийных солей, залегающих на глу-

бине нескольких сот метров. Подсчитав очень грубо, выяснили, что запасы калия здесь равны 16 миллиардам тонн. В пять раз больше, чем во всех месторождениях мира, взятых вместе!

Это неисчерпаемый источник сельскохозяйственных удобрений (минерал сильвинит) и легчайшего, почти вдвое легче алюминия, металла магния (минерал карналит).

Кроме калия, здесь мы находим и хлористый магний, бром и гипс.

В 1934 году был пущен мощный калийный комбинат Соликамска.

Мировое значение имеет и уральский асбест. Баженовское месторождение дает стране десятки тысяч тонн высококачественных текстильных сортов асбеста. Баженовский „горный лен“ не уступает ни канадскому, ни южноафриканскому.

Кроме Баженовских рудников, Урал имеет еще несколько асбестовых месторождений — Красноуральское, Алапаевское, Останкинское, запасы которых достигают миллионов тонн превосходных сортов асбеста.

Первое место по поставке платины на мировой рынок занимает опять-таки Урал — единственное место в СССР, где добывается этот ценнейший благородный металл.

По восточному склону Уральских гор, начиная от Денежкина камня и до Омутинского района на юге гнутся россыпи платины. Здесь находят не только ее одну, но и редкие металлы: иридий, осмий и рутений, которые обычно сопровождают платину.

Недалеко от Златоуста лежит Саткинское месторождение магнетита — огнеупорного материала, который употребляется для футеровки доменных и мартеновских печей.

Саткинское месторождение — крупнейшее во всем мире. Магнетит здесь залегает мощным слоем на очень большой площади. Его общие запасы — свыше 200 миллионов тонн. Кроме Саткинского месторождения магнетитов, на Урале есть еще ряд других.

А хромит. При соединении с железом, никелем, вольфрамом и ванадием — эти ценные руды дают ряд прочнейших сталей. Хромоникелевые и хромовольфрамовые стали употребляются в машиностроительном и инструментальном деле, в авиационной промышленности. В СССР хромиты известны только на Урале. Самое мощное его месторождение — Сарановское,

но и кроме него найдено еще до 300 выходов хромита.

Теперь об уральском железе. Еще в доисторические времена народность, населявшая Урал, добывала руду и получала металл в своих первобытных доменных.

На Урале известно до 250 месторождений железных руд. Они тянутся от Висеры и до южных отрогов, теряющихся в Казакстанских степях. Много титаномагнетитовых месторождений на Урале — около 96. Давно были они известны. О Кусинском месторождении знали еще 175 лет тому назад. Не знали только, как плавить эту руду, поэтому и не трогали этих запасов.

Титаномагнетитовые месторождения раскинулись на протяжении 700 километров и еще не все разведаны. И все же, приблизительные их запасы не меньше 146 миллионов тонн.

Из других месторождений самое крупное — Магнитогорское. Общие запасы его — свыше 400 миллионов тонн руды. Расположено месторождение на склонах гор Атач, Дальней, Узьянки и на холме Ежовка — все они составляют гору Магнитную.

У подножья горы по инициативе т. Сталина создан мощный металлургический гигант. Одновременно с ним, на вершине горы Атач горняки Магнитогорска построили рудник — гигант.

Второе месторождение — горы Высокой имеет свыше 100 миллионов тонн руды.

Гороблагодатское — с запасом руды в 100 миллионов тонн, и много менее значительных.

Самые основные из месторождений осадочного типа — Бакальская группа с запасом около 150 миллионов тонн руды, потом месторождения Алапаевского района, еще слабо разведанные, но и то имеющие не менее 200 миллионов тонн.

Каменско Синарский район, где заложено до 130 миллионов тонн руды.

К оме перечисленных месторождений на Урале есть еще много других, менее мощных.

Вот те ископаемые, которые обеспечили Уралу почетное место на мировом рынке.

Недра Урала еще далеко не изучены и можно ожидать все новых открытий.

Новейшая техника изменяет отношение к руде ископаемых, которые считались нестоящими и просто отброшенными.

Например, берилл — отходы при добыче уральских изумрудов. В отвалах изумрудных копей его столько, сколько не найти ни в каком другом месторождении в мире.

Долго пролежал он без употребления. Теперь же научились добывать из него металл — бериллий — еще более легкий, чем магний.

В ряды чемпионов мира выдвигается и уральский боксит — руда алюминия. Только пять шесть лет разведаны бокситы, а уже спорят геологи — чего же больше на Урале, железных руд или бокситов?

А самоцветы? Уральские камни получили большую известность. Самоцветы — алмаз, эвклаз, аквамарин, аметист, александрит, опал, гиацинт, турмалин и поделочные — малахит, оникс, яшма, мрамор, орлец.

КОМСОМОЛЬЦЫ-КРАЕВЕДЫ

Комсомолец-краевед должен быть в таком же почете, как комсомолец-парашютист!

Дело краеведения должно быть отдано в руки живых, инициативных людей, энтузиастов и организаторов.

Краеведческий музей часто остается складом скучных и никому не нужных экспонатов. Сюда должны притти комсомольцы, что бы сделать музей центром увлекательной краеведческой работы.

В каждой школе должны быть созданы карты богатств своего района, гербарии, коллекции и выставки.

По дорогам и тропам нашей страны должны двинуться путешественники — охотники за камнем и следопыты — исследователи.

Художественные изделия из них завоевали себе прочное место на мировом рынке.

Многие редкие элементы встречаются на Урале в таком количестве, что и редкими их назвать становится неудобно, — например ванадий.

Все они не столько редки, сколько распылены в толщах различных руд.

Богат Урал, прекрасно его настоящее, а будущее — еще более блестяще. И в то время как в дореволюционное время большинство этих богатств лежало неразведанным и неиспользованным, в нашу социалистическую эпоху, под напором большевистской энергии в лице партии и ее вождей с каждым годом вскрываются все новые богатства Урала, все новые и новые ценные элементы завоевывают себе место на мировом рынке.

В капиталистических странах тысячи людей, гонимых нуждой, безработицей, в надежде на счастливый случай, бросаются в те места, где открывают золотые россыпи, залежи ценных металлов. Искатели приключений и стяжатели, они спешат поставить заявочный столб на новом месторождении.

Нашими путешественниками — краеведами не руководит стремление к наживе. Их движет могучее чувство любви к своей стране. И каждая новая находка, каждое новое открытие будет итти во славу и благоденствие нашей родины!

„Комсомольская правда“

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЭКИПАЖ ТУНДРЫ

Очерк И. Панова

Сера-Пива в Ходаттинской фактории сдавал колхозную пушнину. Нартовый обоз грузился хлебом, маслом, табаком, мережами — готовился к летней кочевке. Она начнется через несколько дней. Стада уйдут на Юриней к Карскому морю.

Крепко привязан тонкой веревкой груз на нартах. Четыре грузовых упряжки тронулись за передней легкой. На ней правил четверкой оленей Сера-Пива.

Не успел Сера-Пива отъехать и ста шагов от фактории, как увидел скачущую упряжку „налегке“. Ездок взмахивал хореем — торопил оленей.

— Торопитесь, — видать новости большие везет, — подумал Сера-Пива и остановил обоз на развилке дорог.

— Омо Тусида! — узнал он ездока.

Тусида на ходу соскочил с нарты. Олени остановились рядом с обозом.

— К чему так торопишься? — развалясь на нарте, спросил Сера-Пива.

— Новости большие везу.

— Новости?

— Самолет Новый порт идет.

— Самолет-ет... Не нам ли его посылают?

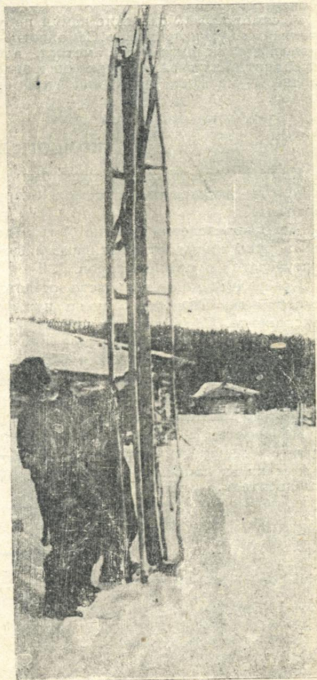
Поговорили. Разъехались. Омо Тусида на факторию, а Сера-Пива домой к Пабан-Тарку — Раздвоенное Копыто.

Торопитесь Сера-Пива. По косогорам, по берегам речушек и озер гонит он оленей, не оглядывается даже назад — он знает, что нарта не русские сани; она может опрокинуться только на очень крутом косогоре.

Сера-Пива думает, так же ли удобно сидеть и ездить на самолете, как и на нарте?

В самой удобной русской „кошеве“ пассажир ни на полминуты не может забывать, что на любом раскате дороги он может опрокинуться вместе с санями в снег. Но никогда вы не ощущаете этой опасности, сидя на нарте — санях кочевого и оседлого ненецкого, зырянского и хантэйского населения Приарктики

и Арктики. Устройством нарты северный житель подчинил в известном смысле

Охотничья нарта манси и ханта, поставленная вертикально

суровые условия жизни. При помощи топора, ножа и бурава он делает из лиственницы и березы на вид очень простой, но исключительно удобный экипаж.

Нарта должна быть очень легкой, с широким полозом, потому что в тундре куда махнул рукой, там и дорога; устойчивой — упряжка оленей мчит с такою быстротой, что вокруг тебя вихри ветра и снега. Кручи, овраги, лавирование в редколесье и среди пней не сдерживают бега оленей. От наездника требуется большое умение управлять упряжкой и балансировать нарту на „пересеченной местности“.

Исследователь Я-мала Владимир Петрович Евладов избрал нарту-избушку. На обыкновенную нарту (только длиннее) ставится большой ящик, обтянутый кошмой или оленьими шкурами. Маленькие дверцы, маленькое с кулак оконце, маленькая в поларшина длиной и четверть шириной железная печка с трубой.

В такой нарте можно не только лежать в растяжку, но и во время движения приготовить горячую пищу.

Самая распространенная нарта — это легковая; „езда на легких“, как говорят на Уральском Севере. Здесь все тонко, изящно, кажется сестра-то опасно — с треском развалится. Такая нарта от одного толчка пальцем бежит по снегу. На нее с трудом можно усадить двух человек. Запрягают трех-четырех, а иногда и пять-шесть оленей.

Грузовая нарта длиннее и прочнее; полоз толще, вместо пяти копыльев — три, отделаны без изящества. Все рассчитано на тяжесть в сто двадцать-сто пятьдесят килограммов. Нарту тянут два оленя.

Женская нарта отличается от обыкновенной легкой тем, что не только задок, но и правый бок защищены досками, нарта украшена ленточками и колокольчиками.

Собачья нарта уже оленьей, она походит на широкую лыжу.

Но ничто не может сравниться с охотничьей нартой манси и ханты. Она очень узкая, но необычайно длинная (см. фотографию). Полоз тонкий, круглый, из березы. Оленья нарта высокая, по колено среднему человеку. Охотничья нарта низка, с редкими копыльями. По бокам „крыкпы“, переплетенные веревкой. Собачья упряжка или сам охотник лямкой везет на такой нарте „припас“, — продукты, капканы, черканы, самострелы к промысловой избушке, обратно — пушнину.

Нарта легко, чуть слышно скользит по дороге или по нетронутому снегу.

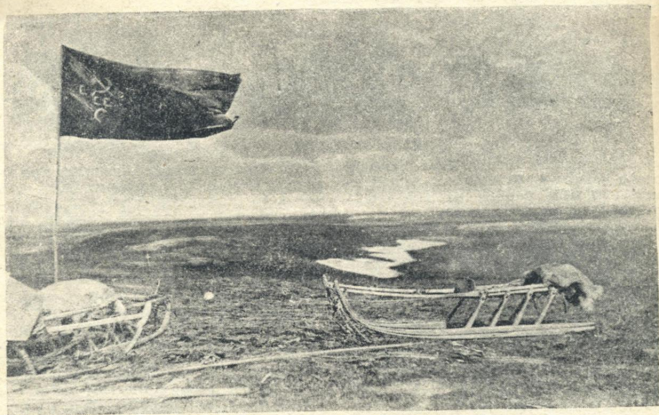
Северный Я-мал, Гыдаяма, да и все побережье Ледовитого океана — это безлесная тундра. Осоки. Мхи. Не всегда рассмотришь среди богульников и трав ползучие карликовые ивы и березки. Очаг в чуме топят ягелем.

Где же неенец берет дерево для нарты и домашних поделок? На Урале бамбуковые изделия не редкость, но ведь это дерево растет на Черноморском побережье. Все знают, что у нас бамбук привозной. „Привозные“ и нарты на северном Я-мале. Они заготовляются по эту сторону полярного круга, обыкновенно в Позуйских и Ярудейских лесах.

Мигнуть не успеешь, а уже кончается полярное лето. При первых заморозках кочевник снимается с летних пастбищ и движется на юг. В ноябре он переваливает Обь и уходит на зиму в лесотундру. Здесь справляются праздники, свадьбы. Здесь же запасаются шестами для постройки чумов и каюрами. При помощи топора, ножа и бурава неенец ремонтирует старые, из лиственя (полозья) и березы (копылья), делает новые нарты. Простой, но исключительно удобный и универсальный экипаж тундры!

* * *

...В Новый порт самолет идет! — эта весть в несколько дней облетела весь Я-мал. О самолете знали и по ту сторону Обской губы — в Ходымской стороне — и на Ныде и Езелово. Из Салехарда

Обоз обыкновенных легковых нарты в Ямальской тундре

на Пур весть о самолете шла на нартах с почтой девять дней.

Сера-Пива торопился в Новый порт. Два года назад, когда еще Сера-Пива не был колхозником, к нему в чум заехал русский из Салехарда. Он много рассказывал о железной дороге, фабриках, тракторах и самолетах. Тогда самолеты уже летали над Салехардом.

С тех пор мысль о самолете не выходит из головы Сера-Пива. Уж как только он не приспособлял мысленно самолет для своих нужд: вот сядет и поедет в гости... Летом оленей донимают овода, и животные разбегаются по тундре. Собирать их на нарте тяжело — надо впрягать шестерку оленей. Сел бы на самолет и в миг догнал, окружил и собрал оленей. Самолет годится для охоты, езды на факторию. Да мало ли, для чего Сера-Пива мог бы его приспособить!

Теперь в колхозе самолет стал для него особенно необходимым...

С этими думами он подъехал к Новому порту. Как он ни всматривался — самолета нигде не видел, потому что тот стоял под берегом, на льду, недалеко от того места, где зимует флот рыбного промысла. С распластанными крыльями,

с длинным хвостом, самолет казался огромной птицей без головы.

Вокруг самолета толпилось десятка два людей. Недалеко стояли нарты, запряженные оленями.

Летчик Антишев рассказывал, что на этом самолете герой Советского Союза т. Слепнев летал в знаменитый ледовой лагерь Шмидта.

Сера-Пива ходил вокруг самолета, глядел металл. Он пощупал пропеллер и заглянул в кабину.

— Совсем как в нарте Евладова, хорошо!

Целый день прожил Сера-Пива в Новом порту. Он был горд тем, что увидел и рассмотрел самолет.

Он ехал домой и пел песни о том, что скоро люди бросят нарты и будут летать на самолете.

Кто может сказать, что Сера-Пива не прав? Уже сейчас тундру и Арктику чертят самолеты, делают пробные рейсы „вездеходы“. Пройдет немного времени — и Сера-Пива будет на самолете летать на факторию.

Но нарта — этот незаменимый экипаж тундры — все же еще очень долго не будет поставлена в музей рядом с древнерусской колымагой.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ВИКТОРИНА

Какой это курорт?

„Человек с луны“

На месте слияния двух рек построен один из многочисленных Демидовых чугунолитейный завод. Завод залег в ложбине между горами. Железную руду добывали рудами крепостных башкир и русских тут же, поблизости.

Хоть и не очень хорошего качества была эта руда, но все же это было лучше, чем возить издалека — выгоднее.

Переходил завод из поколения в поколение, пока один из потомков грозного уральского царя не проиграл этот завод в карты такому же, как и сам, фабриканту-промышленнику Губину.

Вскоре и Губину пришлось отдать завод за долги в Акционерное общество.

Во время гражданской войны завод не работал. Но вот пришли советские люди, стали отстранять и реставрировать старые цехи: чугунолитейный, доменный, дотроили новые: листопркатный и механический.

Сейчас завод довольно крупный. В поселке при нем свыше 7 тысяч жителей. Помимо работы на заводе, они занимаются огородничеством и отчасти охотой, так как километрах в 12—15 встречаются медведи, лисы, зайцы, а еще дальше, километров на 60—70 попадают лоси.

На сравнительно небольшой территории завода протекает пять рек.

Две небольшие и разбиваются только в половодье, на третьей речке, довольно многоводной, устроен пруд для нужд завода. Вытекая небольшим ручьем из пруда, она за горой впадает в большую славяную реку.

В полуторах километрах от завода, недалеко от станции железной дороги, находится один из лучших уральских курортов, построенный у источников серно-соляных вод.

Источники эти были открыты случайно, благодаря тому, что животные охотно ходили туда на водопой.

Люди заметили это, и один из дельцов того времени решил воспользоваться этим и построил там в 1785 г. солеварню. Однако, его надежды не оправдались. Соль была плохая из-за довольно большого процента серы в воде, и солеварни пришлось забросить.

Но вот, в 1830 году, один из служащих завода раз как-то попробовал лечиться от ревматизма, принимая ванны из этой воды, и через некоторое время совершенно выцелился.

С 1833 года воду эту стали употреблять в местной больнице, как лечебное средство.

Еще позже, в 80-х годах здесь образовался уже настоящий курорт, который действует и в настоящее время, привлекая к себе многочисленных больных.

А. Мервяков

Вопросы:

1. Какой завод описывается здесь?
2. Как называется большая славяная река?
3. Как называется курорт?

В сентябре 1871 г. один русский путешественник высадился с двумя своими спутниками-слугами на пустынный северо-восточный берег. Это был величайший после Гренландии остров земного шара, который лежит в южной части Тихого океана, по соседству с Австралией, от которой его отделяют Торресов проливы, Коралловое море и Арафурское море. А путешественник — натуралист и этнолог, т. е. человек, изучающий человеческие расы.

С помощью матросов с русского корвета „Витязь“, он построил небольшой домик, в котором и поселился со своими двумя спутниками.

Недалеко от того места, где основался натуралист, находилось несколько поселков, населенных папуасами. Они никогда еще не видели белых и жили как люди каменного века.

Через несколько дней путешественник один, без всякого оружия, направился в ближайший поселок. При виде белого человека женщины и дети убежали от страха в лес. Гость показывал папуасам свои пустые руки и старался объяснить им, что желает жить с ними в дружбе. Он оделил их разными мелкими подарками и, зазвав к себе в жижицу, показывал им топор, пилу, лопату и учил, как надо работать этими инструментами.

Все это заинтересовало папуасов, и они стали меньше дичиться белого человека.

Однажды он собрался сделать экскурсию в глубь острова и просил береговых жителей указать ему дорогу. Но папуасы стали отговаривать белого от этого предприятия, ссылаясь на то, что его могут убить горные жители. Тогда белый заявил, что он один пойдет в горные поселки. Вынув компас и показав на его двигающуюся стрелку, он сказал:

— Эта стрелка покажет мне дорогу туда и обратно, — и отправился один в незнакомые горы.

Через некоторое время его догнали несколько папуасов и объявили ему, что согласны проводить его в горы.

После того, как белому удалось залечить рану одному папуасу, доверие к нему с их стороны выросло.

Как-то раз вечером, чтобы потешить своих курчавых гостей, путешественник зажег на веранде своего домика голубой бенгальский огонь. Папуасы решили, что белый умеет доставать голубой свет с луны и прозвали его с тех пор „каарам-тамо“, что значит „человек с луны“.

Местность, в которой поселился натуралист, оказалась малярийной, и белый пришелец заболел. Положение стало критическим. Папуасы, видя, что белый человек слег, усомнились в его луноном происхождении, в которое они верили. И вот некоторые из папуасов, подговаривавшие своими знахарями, которым не хотелось терять своего влияния, стали вести себя угрожающе по отношению к „человеку с луны“. К счастью, последний поправился и своим врачеванием больных женщин и детей, а также взрослых мужчин, до некоторой степени восстановил свое влияние.

Но не все папуасы верили в его бессмертие и необычайное происхождение. За этим спором он застал однажды группу туземцев. Не желая глгать, что он бессмертен, но и не хотая подвергать себя опасности, «человек с луны» снял со стены хижины папуасский лук и стрелу, передал то и другое одному из споривших и сказал:

— Испробуй — и тогда узнаешь, могу ли я умереть.

Папуас взял лук и стрелу, пылливо посмотрел на белого и повесил их обратно на свое место.

— Теперь мы знаем, — сказал он, — если бы ты мог быть убитым, то не предложил бы нам пускаться в тебя стрелу.

В другой раз, узнав о новом заговоре против него при участии знахарей, «человек с луны» сам явился к папуасам и заявил:

— Сейчас я иду спать. Если кто-нибудь из вас желает меня убить, то делайте это как можно скорее, пока сон не вернул мне сил.

Такая речь тоже произвела впечатление на заговорщиков и отбила у них охоту покушаться на жизнь белого человека.

Натуралист прожил среди папуасов, сдружившись постепению с ними, почти полтора года. За это время он сделал много наблюдений по зоологии и ботанике, изучил язык папуасов и их быт, а также собрал множество предметов для научных коллекций.

Он объехал в лодке ближайшие острова и открыл целый архипелаг, не известный до того времени.

Здоровье его, однако, становилось все хуже и хуже. Лихорадка расшатывала его организм. В декабре 1872 года ученый уехал на остров Яву, где скоро восстановил свое здоровье.

Трижды на протяжении нескольких лет он посещал остров, на котором столько времени дружно прожил с папуасами, и дал им слово еще раз вернуться к ним.

Он умер в Петербурге в 1887 году вследствие надомленного утомительными и трудными путешествиями, лишениями и невзгодами здоровья. Но и перед смертью «человек с луны» вспомнил далекий тропический остров, своих друзей-папуасов, сознавая, что на этот раз он впервые не слержит слова, данного им.

Умер друг папуасов в бедности, оставив после себя около 70 научных трудов на русском, английском и немецком языках и огромные материалы в виде записок и дневников, а также обширную коллекцию из антропологии и этнографии, которую каждый из советских граждан может обозревать, так как она находится в музее антропологии и этнографии при Академии наук в Ленинграде.

Вопросы:

Кто же такой «человек с луны»? Как называется остров, на котором он жил среди папуасов?

В. А. Штарк.

Втроем к северному полюсу.

Судно вынуждено было зимовать в бухте Тихой у острова Гукера. Условия зимовки были тяжелыми. Судно отапливалось на стоянке звериним салом, пустыми ящиками, бочками и междукаютными переборками.

Только трое участников экспедиции были совершенно здоровы. У остальных была цинга. Был болен пингой и сам начальник. При таких условиях поход к полюсу, который решила предпринять начальник, был чистейшим безумием.

Однако он двинулся в поход с двумя матросами на трех нартах, не имея даже собачьей упряжки.

Начало похода не предвещало ничего хорошего. На благополучный исход его рассчитывать было нельзя. И вот, партия из трех человек двинулась по направлению к самой северной точке земного шара — к северному полюсу.

Это было 15 февраля.

Через месяц спутники начальника — два матроса — вернулись к месту зимовки судна.

Начальника с ними не было.

Печальная повесть поведали они.

Путь по тонкому молодому льду сменялся нагромождениями непроходимых ледяных торосов. Режущий ледяной ветер жег лица. Начальник слег в пути, и его пришлось положить на одну из нарт. Он был одет в эскимосскую меховую одежду, заснувший в спальный мешок и крепко привязан к сиденью качающихся на ходу нарт, чтобы не вывалился. Матросы еле спирались, таща вдвоем нагруженные нарты с большим начальником. Большой часто впадал в забытие. Голова и тело безвольно следовали движению нарт и толчкам по неровностям ледяного пути.

Очнувшись, начальник прежде всего сверял курс с компасом и не выпускал его из рук в течение всего периода восстановления сознания. Он подолгу всматривался вдаль, словно стараясь опознать острова, лежащие на пути.

Спутникам казалось иногда, что начальника беспокоило подозрение, как бы они самовольно не повернули назад, к зимующему судну, не сменили бы курса к заветной северной точке, к которой неуверенно и настойчиво стремилась его гаснущая воля.

Последние дни начальник не принимал пищи, дыхание его становилось все более затруднительным. Его приходилось поддерживать в сидячем положении, так как иначе он не мог дышать.

5 марта, во втором часу дня, он внезапно стал задыхаться.

— Поддержите меня, поддержите! — крикнул он слабым голосом и умер.

Матросы похоронили его на мысе Брокер.

Вопросы:

Кто же из вас, читатели, знает, как назывался корабль этой полярной экспедиции, имя знаменитого русского полюсоискателя, год его гибели, имена его спутников — двух известных, ныне здравствующих, арктических деятелей, оставшихся на зимующем судне?

В. А. Штарк.

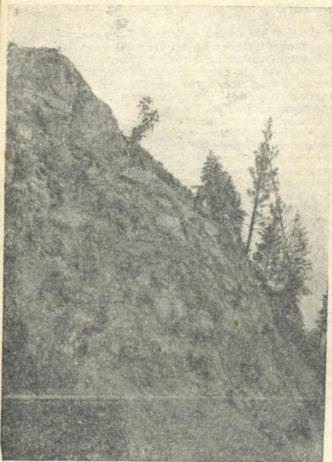
Ответы на географические Викторины помещенные в № 2 „Уральского следопыта“.

Кто это мореплаватель?

Имя этого штурмана — Челюскин. Открытый им мыс носит его имя.

В погоне за жизнью.

Этот эпизод разыгрался в 1896 году в архипелаге Земли Франца Иосифа с знаменитыми полярными исследователями Нансеном и Иогансеном. Карта мира, которую вы все знаете — Фламандского космографа звали Герард Меркатор, а карту мира — Меркаторской картой.

Гора Хрустальная

широко раскинутыми лопатообразными рогами, с острыми отрогками на концах. Эти рога бывали так широки, что расстояние между концами рогов у некоторых экземпляров достигало четырех метров.

На широкорогого оленя охотился человек древне-каменного периода.

Широкорогой олень давно уж вымер. Его скелеты найдены в горфьянках Ирландии, которая в древности вместе с нынешними Великобританскими островами, составляла часть Европейского материка.

Единственный полный скелет в СССР найден в 11 км. от г. Камышлова и находится в Свердловском краеведческом музее.

Мамонт или вымерший слон в ледниковую эпоху жил в Европе, в Северной Азии и Северной Америке. Питался он растительной пищей (ветвями хвойных растений и др.) На него также охотились первобытные люди.

В Сибири ежегодно находят в большом количестве бивни мамонта. На реке Березовке в 1901 году был найден целый труп мамонта, мясо которого благодаря мерзлой почве хорошо сохранилось. Из

СОКРОВИЩА ГОРЫ ХРУСТАЛЬНОЙ

Много чудес таит в себе горный Урал, и одним из интереснейших его минералогических образований является горный хрусталь.

Правильные призматические кристаллы хрустала издавна пользуются заслуженной славой, как по красоте своей, так и по величине: отдельные кристаллы обычно срastaются в гнезда — „друзы“ — и зачастую достигают огромных размеров, весом до нескольких пудов. Одним из крупных месторождений горного хрустала была в свое время гора Хрустальная, расположенная в 15 километрах на северо-запад от Свердловска. Гора сложена из чистого кварца и при разработке ее были найдены громадные количества горного хрустала, откуда она и получила свое название. В настоящее время гора сильно разрабатана и кристаллы хрустала встречаются редко, но, несмотря на это, она является популярным местом экскурсий, как интересное геологическое образование и прекрасным видом, открывающимся с вершины.

Б. Рябинин

ШИРОКОРОГОЙ ОЛЕНЬ И МАМОНТ

В последнюю ледниковую эпоху и долго после нее в лесах Средней и Северной Европы и на Урале обитали исполинский или широкорогой олень и гигант-мамонт.

Широкорогой олень обладал огромными,

Друза горного хрустала

этого трупа было сделано чучело (единственное в мире), которое теперь находится в музее Академии Наук СССР.

Скелет мамонта, найденный в 1897 г. в Камышловском районе, можно также видеть в Свердловском краеведческом музее.

С. Кирсанов

БЕЗДОННОЕ ОЗЕРО

Есть на Урале место названное „Зауральской озерной впадиной“. Это район Каслинского и Кыштымского заводов.

Здесь свыше 150 озер различных названий и величины, начиная от маленьких и кончая гигантами, имеющими до 100 километров в окружности, как, например, Увильды и Иртяш.

Но есть среди них озера интересные не величиной, а другими своими особенностями.

К таким относится Булдым, небольшое озерко, затерявшееся среди болот, где-то неподалеку от Вишневых гор. Не на всякой карте найдете это озеро-мираж. Смотришь на него с горы и кажется вот оно тут, рукой подать. Спустишься, пойдешь к нему — и нет его, кругом одно лишь непроходимое топкое болото, поросшее зимленькими деревцами. И если нет опытного проводника, то так и не добраться до озера, так как ведет к нему едва заметная, но совершенно сухая тропинка. По ней

выходишь на очень небольшой клочок берега и озеро открывается во всей своей красоте!

Совершенно неподвижна зеркальная гладь воды. Где-то вдали, в синеватой дымке, теряются Вишневые Горы, шелестит камыш, пышной каймой опоясавший берега и время от времени доносится краканье утки.

Плынешь в челноке по озеру и не видишь воды, настолько она чиста и прозрачна, что глаз теряет ее, и ощущает лишь дно. Кажется, что до него не дальше метра. Хочешь достать его, опускаешь весло и — о удивление, весло уходит в воду целиком... Берешь длинный шест — и он опускается весь, не достав дна. Наконец, спускаешь 20-ти метровую веревку с камнем на конце — и опять не достаешь дна!

Озеро кажется бездонным.

Но, конечно, дно есть, но как глубоко оно лежит — никто не мерял.

Берега „бездонного“ озера Булдым

КОВАРНОЕ ОЗЕРО

Недалеко от гор. Челябинска, совсем рядом с Еманжелинскими угольными копями лежит огромное озеро Большой Сарыкуль. Около 40 километров в окружности имеет оно. Вокруг него раскинулась степь — ни одного деревца нет вокруг Сарыкуля, а поросло оно чуть не от края до края густым высоким камышом, лишь на самой средней бестит небольшое чистое от камыша плесо.

Огромно озеро, много воды в нем, но нельзя подойти и увидеть ее — неприступной стеной стоит камыш. Трудно и утонуть в Сарыкуле — нет глубины больше 1¼ метров, разве только засосет илстое вязкое дно.

Масса пернатой дичи гнездится в камышевых джунглях Сарыкуля. Утки, гуси, гагары, чири и другие водоплавающие спуют в зеленой чаще камышей, оглашая воздух своими криками.

Приволье здесь охотнику — дичь сама идет в руки. Но горе увлекшемуся новичку — не заметит, свернет свой челнок с прокошенной водяной дорожки в чашу камыша и залпнется там... Да если нагрянет непогода, затянется небо тучами, за

барабанит дождь, зашумит камышом ветер степной — много страху ватерпится охотник, пока выберется из коварного озера.

Имеется и другая опасность. Если в жаркую пору, когда высыхают камыши, заронить искру, заполыхают они сплошной огненной стеной — и быть в беде неострожному...

А глубоко под озером заложены богатства — мощные пласты каменного угля. Но трудно взять их у озера: чуть зазевались в шахтах — и хлынет вода, все сокрушая на своем пути, уничтожая кропотливый труд человека. И бьются инженеры над тем, куда-бы перепустить озерную воду, чтобы освободить те богатства, что лежат под ней.

А в ясную погоду так мирно на озере, тихо шелестит камыш обдуваемый легким ветерком, чуть слышно плещется вода на плесе, омывая избушки, построенные рыбаками и охотниками на середине озера, и бездонное синее небо струит ласку на коварное озеро.

Б. Рябинин

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО УРАЛУ

Решение задачи помещенной в № 3 журнала.

В семье рабочего Уралмаша Ивана Николаевича Шорникова радостное оживление. Он только что вернулся с работы и принес с собой № 2 „Уральского следопыта“.

Журналом немедленно завладели его сыновья — студент Индустриального института Александр и ученик ФЗУ, комсомолец Петр.

Все шло хорошо до отдела „Занимательная география“, но над ним ребята остановились в недоумении: что за обрывки?

Александр, однако, быстро заявил:

— Это куски карты. Раз Следопыт уральский, значит это обрывки карт каких нибудь уральских областей или районов. А кружки — это города! — и кричал:

— Петька, тащи карту Урала!.

— Петр принес карту.

— Петька, под какими градусами стоит наш Свердловск?

— Около 61° долготы и 57° — широты.

— Так... Вот смотри на карту. Он действительно находится в 24 километрах к западу от 61-го меридиана и в 18 километрах к югу от 57 параллели. Пойдем на обрывках... А вот... обрывок четвертый с этими градусами... Ну, конечно... — Александр прикладывает циркулем указанные расстояния и натывается на большой кружок...

— Ну, торжественно заявляет он, не надо быть никаким следопытом, чтобы сказать, что большие кружки — областные центры, а малые — районные города.

Петька восхищенно посмотрел на брата, потом на карту, потом на журнал и восхищение сменилось недоумением:

— Постой, а что же за областной центр на полсантиметра выше Свердловска?

Александр задумался.

— Да, что-то не так! — промолвил он, — выходит кружки не города...

— Может быть, это железнодорожные станции? — предложил Петр, а линии — железные дороги?

— Нет. Железные дороги так не изображают. Да их столько на Урале и нет. Шоссе? — их тоже нет столько. Конечно, это и не реки, что же это тогда?..

Вдруг Александр хлопнул по лбу.

Постой! Да ведь близко на север от Свердловска находится большая электростанция СУГРЭС (Средне-Уральская государственная электростанция). Ну ясно: большие кружки это электростанция, а темные линии, — линии электропередач. А что же маленькие кружки? Александр опять вооружился циркулем.

— Вот почти на самом 60-м меридиане и километров за 6 от 57 параллели кружок... — Он взглянул на карту. — Ну так и есть. Хромпик. А в Хромпике электрическая подстанция № 10. Все ясно — это линии высоковольтные линий электропередач.

Большие кружки — электростанции, маленькие — электроподстанции...

Тут уже журналом и картой овладел Петька и встал из-за стола, только тогда когда определил все кружки.

Решив задачу, братья оживленно стали беседовать об огромном народно-хозяйственном значении электростанции.

Иван Николаевич тоже присоединился к беседе:

— Да, — многозначительно сказал он. — Вот ведь сколько электростанций построил рабочий класс. А какой огромной мощности! Ты бы, Петька, подчитал, сколько у нас на Урале Волжестров. Небось, десятки. И все за великую пятилетку построили. Не даром Ленин сказал: „Коммунизм — есть советская власть плюс электрификация“. И работать стало легче — краны электрические, подъемники, да что говорить, раньше-то при буржуах на спине рабочих выезжали.

И тут же два брата условились нынче летом совершить поход по линии великого электрического кольца.

Мы с своей стороны подтверждаем правильность решения братьев Шорниковых, помещая в настоящем номере „Схему электросети Урала“. По ней каждый может проверить какие линии изображены были на обрывках из задачи № 1.

На схеме увидите самую длинную 110 кВ. линию от Соликамска через В.-Туру, Свердловск на Кочкарь. Здесь же помещено так называемое Южно-уральское кольцо: Челябинск-Кыштым-Карабаш-Златоуст, и челябинское ЧГРЭС — Челябинск Восточная — Коли Северные — Копи — Южные.

Свердловское кольцо из-за малого масштаба не нанесено.

Сверх того, на нашей схеме мы даем ряд рисунков, поясняющих как протягиваются высоковольтные линии электропередач.

Когда трасса (путь, по которому протягивают провода) проложена и опоры (столбы) поставлены, провода подвешиваются на больших барабанах. Каждый барабан поднимается на специальные козлы (рис. А) и провод сматывается или десятками рабочих, или 3-4 лошадыми, или даже трактором.

Так как одного барабана провода не может хватить на линию электропередачи протяжением в десятки и сотни километров, то концы провода от одного барабана с концами другого скрепляются между собою. Один из видов скрепления (пайка прессом Сименса) показан на рис. Б.

Затем провод прикрепляют к гириям изоляторов и поднимают вместе с гиряной на верхнюю опору (рис. В). И только в результате такой тяжелой работы появляются новые линии электросети, подобные показанной на рис. Г, дающие нашим заводам жизнь, нам самим свет и тепло.

М. Лебедев.

Образовательное путешествие по Уралу

05/06/89

Решение задачи № 1

1-50

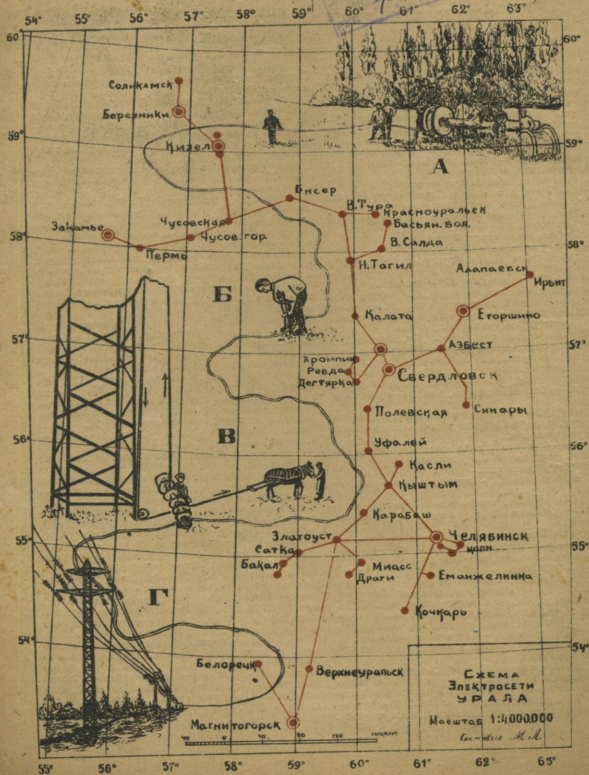

СХЕМА
ЭЛЕКТРОСЕТИ
УРАЛА
Масштаб 1:4000000
В.И.И.И.